

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ»

На правах рукописи

Григорьев Игорь Александрович

**ДОСТОВЕРНОСТЬ КАК ПРАВОВОЙ ПРИНЦИП
СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Специальность 12.00.12 – криминалистика; судебно-экспертная
деятельность; оперативно-розыскная деятельность

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук, профессор,
Усов Александр Иванович

Москва — 2020

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Теоретические основы обеспечения достоверности судебно-экспертной деятельности	21
§ 1. Понятие достоверности судебно-экспертной деятельности	21
§ 2. Нормативные правовые источники обеспечения достоверности судебно-экспертной деятельности.....	61
§ 3. Принцип достоверности как методологический регулятор судебно-экспертной деятельности	78
Выводы по 1-й главе	89
Глава 2. Функциональное содержание принципа достоверности судебно-экспертной деятельности	91
§ 1. Типизация и классификация признаков достоверности судебно-экспертной деятельности.....	91
§ 2. Общий анализ практики обеспечения достоверности заключений экспертов	102
§ 3. Частные случаи обеспечения достоверности заключений экспертов...	114
Выводы по 2-й главе	125
Глава 3. Перспективы реализации принципа достоверности судебно-экспертной деятельности	128
§ 1. Разработка критериев достоверности судебно-экспертной деятельности	128
§ 2. Перспективы обеспечения принципа достоверности судебно-экспертной деятельности.....	140
§ 3. Совершенствование правового закрепления принципа достоверности судебно-экспертной деятельности	158
Выводы по 3-й главе	174
Заключение.....	176
Список литературы	183

Введение

Актуальность разработки темы определяется тем, что до настоящего времени не выработано единого методологического подхода в вопросах применения результатов судебно-экспертной деятельности. При этом в теоретическом и прикладном процессуальном отношении достаточно глубоко разработаны такие проблемы, как статус эксперта, порядок назначения и оформления заключений экспертов, методик и условий их проведения и др., остается вне научно-практической очевидности решение ряда общеправовых задач понимания принципов судебно-экспертной деятельности, и в частности, принципа достоверности.

Понимание принципа достоверности в философии и теории познания, которое применяют в оценке судебных доказательств, далеко не всегда равнозначно и последовательно воспринимается в отраслях правового регулирования. Противоречие между научным методом экспертного знания и принципом свободы судейского усмотрения в правовой системе на протяжении многих лет порождает дискуссии относительно достоверности, как конечного результата правосудия. Поэтому назрела необходимость выйти за рамки узко процессуального дискурса и рассмотреть роль принципа достоверности результатов применения экспертных методов познания во взаимодействии с широкими научными выводами различных отраслей права.

Следует отметить, что экспертные оценки могут быть более гибкими, по сравнению с процессуальными оценками судебных инстанций, что не отменяет презумпцию усмотрения суда, пока не будет доказана достоверность методов установления фактов и причинно-следственных связей между ними.

В этой связи представляется весьма актуальным обоснование того, что принцип достоверности может служить системообразующим и совершенным

условием определения фактов и причинно-следственных связей, а также основой составления заключений экспертов и судебных актов, как в области нормотворчества, так и практического судопроизводства. Принцип достоверности может являться общеприемлемым базисом безошибочных решений в оценке доказательств. Более того, вся правоохранительная система и суд обязаны обеспечивать достоверность судебно-экспертной деятельности, даже если ее результаты противоречат собственному усмотрению лиц, принимающих правовые решения.

Вопрос о достоверности доказательств постоянно возникает в любой правоохранительной системе, а тем более, при принятии государственно-правовых и социально значимых коммерческих решений. Вместе с тем, не существует исчерпывающих критериев достоверности, относящихся к добросовестному толкованию и применению результатов судебно-экспертной деятельности. В этой связи теоретическую и практическую актуальность приобретает разработка научного обоснования принципа достоверности судебно-экспертной деятельности. В общей теории судебной экспертизы необходимо сформулировать комплексное научное представление об универсальных правилах достоверности, которое включает ряд межотраслевых и междисциплинарных подходов. В частности, необходим терминологический анализ принципа достоверности, его применимости в различных методах и способах получения экспертного знания, а также в многогранных аспектах судопроизводства.

Ключевым фактором актуальности научного анализа представляется исследование практики оценок достоверности в разных системах правосудия и в различных судебных учреждениях, а также в третейской, медиальной и иной правоприменительной деятельности. Принцип достоверности судебно-экспертной деятельности нуждается в анализе с учетом современных позиций Верховного Суда и Конституционного Суда Российской Федерации.

Степень научной разработанности темы. Отечественная юридическая литература характеризуется неизменным исследовательским интересом к экспертной проблематике со стороны представителей многих научных школ, отраслей права и юридических специализаций. Большинство отечественных монографических исследований в области судебной экспертизы в основном посвящались процессуальным и криминалистическим проблемам формирования и развития судебных экспертиз различных классов, родов и видов, типизации их объектов, задач, методов исследования, а также ситуаций и форм использования экспертных возможностей в судопроизводстве. Правовая природа и процессуальное значение экспертизы в системе судопроизводства рассматривалась в трудах Р.С. Белкина, А.Я. Вышинского, М. М. Гродзинского, В. Я. Дорохова, Н. В. Жогина, Л. М. Карнеевой, Л. Д. Кокорева, А. Н. Копьевой, Н. П. Кузнецова, Г. М. Миньковского, С. С. Овчинского, Р. Д. Рахунова, В. М. Савицкого, Н. А. Селиванова, А.Б. Соловьева, Л.А. Соя-Серко, М. С. Строговича, Ф.Н. Фаткуллина, А.А. Хмырова, М. А. Чельцова, А.Р. Шляхова, А.А.Эйсмана, Л.С. Явич, и др.

Основу формирования научных представлений о критериях оценки качества заключения эксперта в современной российской доктрине судебно-экспертной и процессуальной деятельности составляют труды Т.В. Аверьяновой, Ф.Г. Аминева, В.Д. Арсеньева, Р.С. Белкина, Э.С. Гордона, М.В. Жижиной, М.К. Каминского, Л.Л. Каневского, В.П. Колмакова, Ю.Г. Корухова, Д.Я. Мирского, Ю.К. Орлова, С.М. Плешакова, Е.Р. Россинской, С.А. Смирновой, В.Н. Хрусталева, А.И. Усова, А.Р. Шляхова, и др. Однако в их работах не ставится проблема достоверности как принципа судебно-экспертной деятельности. Достоверность рассматривалась в основном с позиций соблюдения формального и процессуального качества в публикациях А.Я.Асниса, Б.М. Бишманова, А.А. Барыгиной, Н.П. Майлис, А.В. Нестерова, Е.Р. Россинской, С.А. Смирновой, И.Л. Стариковой, С.В.

Немира и др. То есть в отечественной научной литературе имеется массив разрозненных взглядов и суждений по поводу достоверности. Этот массив нуждается в обобщении с точки зрения гносеологического подхода и раскрытия достоверности как принципа – как целостной, системной совокупности взаимосвязанных материальных и процессуальных факторов и элементов правового регулирования, междисциплинарного и межотраслевого взаимодействия в судебной-экспертной деятельности.

Правовая природа и процессуальное значение экспертизы в системе судопроизводства рассматривалась в трудах Р.С. Белкина, А.Я. Вышинского, М. М. Гродзинского, В. Я. Дорохова, Н. В. Жогина, Л. М. Карнеевой, Л. Д. Кокорева, А. Н. Копьевой, Н. П. Кузнецова, Г. М. Миньковского, С. С. Овчинского, Р. Д. Рахунова, В. М. Савицкого, Н. А. Селиванова, А.Б. Соловьева, Л.А. Соя-Серко, М. С. Строговича, Ф. Н. Фаткуллина, Ш.Н. Хазиева, А.А. Хмырова, М. А. Чельцова, А.Р. Шляхова, А.А.Эйсмана, Л.С. Явич, и др.

В зарубежной литературе проблемы достоверности заключений экспертов также не обойдены вниманием, иностранные юристы рассматривают достоверность в основном как когнитивное явление, производное от конкретной юридической задачи, например, во взаимосвязи между экспертным и судебским пониманием различных правоотношений. В числе интересных зарубежных научных разработок следует назвать публикации таких авторов, как: Д.М. Кахан (Kahan D.M., Йельский ун-т), А.С.Рай (Rau A.S., Техасский ун-т), Дж. Сартор (Sartor G., Оксфордский ун-т), У. Родригес (Rodrigues U, ун-т Джорджия), Г. Минас (Minas H., Лондонский королевский ун-т), Дж. Мнукин (Mnookin J., Лос-Анджелес), К.К. Арети (K.K.Areti, Дейлийский ун-т) О. Фалей, Р и У Хойташи (Faleye O. Noitash Rani and Udi, Северо-восточный университет), Б.Л.Катлер, К.А. Финдли, Д. Лони (Cutler B.L., Findley K.A., Loney D., ун-т Онтарио) и др.

Вместе с тем, имеющиеся научные обоснования принципа достоверности до настоящего времени остаются не в полной мере имплементированными в нормативные правовые акты и практику судебно-экспертной деятельности. Термин достоверность используется наряду с такими терминами как «объективность», «правильность», «полнота» и др. При этом не разработана система внятных и четких критериев разграничения этих понятий и осмысления места в этом понятийном ряду достоверности. Теоретические и практические выводы российских ученых недостаточно освещены в отечественной научной литературе в области анализа принципа достоверности. До настоящего времени ни в России, ни за рубежом не было ни одного монографического исследования, посвященного принципу достоверности судебно-экспертной деятельности.

Отсутствие целенаправленного правового регулирования вопросов достоверности в судебно-экспертной деятельности порождает необходимость в обращении к нормам, регламентирующим доказывание и оценку доказательств, а также администрирование экспертной деятельности, как в отраслях права, так и в целом в правовой системе. Всё это и предопределяет актуальность и настоятельную необходимость исследования теоретических и практических вопросов достоверности судебно-экспертной деятельности.

Предметом исследования являются закономерности применения правового принципа достоверности в судебно-экспертной деятельности, рассматриваемого, как системную совокупность взаимосвязанных факторов и элементов правового регулирования, междисциплинарного и межотраслевого взаимодействия в судебно-экспертной деятельности.

Объект исследования включает судебную и экспертную практику по формированию, развитию и применению принципа достоверности в судебно-экспертной деятельности.

Цель диссертационного исследования – определение теоретических задач, связанных с выявлением качественных признаков достоверности,

детерминант развития, гносеологических и социальные параметры в совокупности существования этого принципа в едином целом; а также выработка практических рекомендаций по совершенствованию правового регулирования отношений, связанных с определением достоверности заключений экспертов; прописать правовой принцип достоверности в правовое регулирование судебно-экспертной деятельности, как сущностной элемент в судопроизводстве.

Задачи исследования:

- выявить закрепленные в российском и зарубежном законодательстве, а также в международном праве нормы, касающиеся судебно-экспертной деятельности в судопроизводстве, позволяющие подтвердить или опровергнуть наличие в них системного принципа достоверности;

- обобщить теоретические представления, сложившиеся в общественных науках и в юридической науке, в частности, о правовой категории достоверности, как принципа экспертной деятельности;

- определить характер и уровень нормативного правового регулирования достоверного представления в судебно-экспертной деятельности;

- оценить сформулированные в судебных актах и доктринальных источниках теоретические представления о судебной экспертизе и ее месте в системе научного знания, основные направления развития принципа достоверности;

- установить возможность применения потребностей практики на формирование и развитие принципа достоверности в судебно-экспертной деятельности для определения оптимальных правил оценки заключений экспертов в судебном разбирательстве;

- осуществить систематизацию научных знаний о достоверности в гносеологии, применительно к системе экспертного познания в условиях

современного научно-технического развития, интеграции и дифференциации научного знания;

- установить критерии достоверности в формировании достоверных заключений и выводов эксперта в гражданском, арбитражном, уголовном и административном судопроизводстве;

- выявить основания для освобождения судопроизводства от чрезмерного доказывания в случаях очевидной и явной достоверности фактов, отсутствия экспертных ошибок, полноты и единогласия экспертов в выводах;

- сформулировать аналитические рекомендации по дальнейшему закреплению в законодательстве принципа достоверности судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.

Теоретическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных ученых в области философии, права, криминалистики и судебно-экспертной деятельности. Раскрытие темы достоверности основывается на трудах отечественных ученых и зарубежных специалистов. В работе также использованы опубликованные официально-документальные доктринальные источники, учения, общенаучные воззрения и теоретические разработки видных ученых, научных организаций и учреждений правосудия, как общероссийских, так и международных.

Эмпирической основой исследования является судебная практика, содержащаяся в судебных актах уголовного, гражданского и административного судопроизводства, в решениях государственных коллизионных органов и общественных учреждений арбитражного правосудия; официальная статистика, документы судебно-экспертных учреждений Минюста, МВД и других государственных органов. Эмпирическую базу составили официальные сведения по повторным экспертизам, выполненным в судебно-экспертных учреждениях

Министерства юстиции Российской Федерации за пятилетний период 2014-2019 гг.

Методологическая основа исследования представлена сочетанием общенаучных и частноправовых методов познания: проблемно-теоретического, логического, диалектического, исторического, сравнительно-правового и метода системного анализа. Принцип достоверности был проанализирован на основе междисциплинарного подхода проблемно-теоретического метода, применительно к современной судебной-экспертной деятельности. Сравнительно-правовой метод был использован при исследовании характеристик экспертиз разных видов и элементов процедуры доказывания в иностранных учреждениях правосудия, а также при сравнении положений российского и зарубежного законодательства и действующих международных договоров.

Нормативную базу исследования составили нормы российского законодательства, включая Конституцию Российской Федерации, процессуальное и материальное законодательство в области судебной-экспертной деятельности, акты международных судебных учреждений и нормативные правовые акты зарубежных стран.

Научная новизна диссертации состоит в формировании самостоятельного направления в системе общей теории судебной экспертизы:

– концепции определения критериев достоверности заключений экспертов. В отличие от предыдущих фрагментарных исследований достоверности в отношении отдельных процессуальных действий общесистемный подход к разработке концептуальных характеристик и положений изучения достоверности, как императивного принципа в судебной-экспертной деятельности, использован впервые. Научную и практическую новизну исследования характеризуют:

- разработанное автором определение принципа достоверности судебно-экспертной деятельности, его структура и содержание во взаимосвязи с действующим понятийно-терминологическим аппаратом, а также методы, средства, способы и методы обеспечения достоверности в судебно-экспертной деятельности;

- обоснование необходимости формирования концепции определения критериев достоверности заключений экспертов в качестве самостоятельного элемента общей теории судебной экспертизы во взаимосвязи с другими принципами и учениями об экспертном познании, доказательствах и процессуальном доказывании;

- разработка целостной системы философски и юридически аргументированных и логически взаимосвязанных научных представлений, раскрывающих и объясняющих закономерности обеспечения достоверности экспертного познания;

- определение места принципа достоверности в общей теории судебной экспертизы;

- систематизация средств и методов изучения достоверности экспертного познания;

- усовершенствование имеющихся и разработка новых теоретических положений и научно-практических рекомендаций в области нормативной правовой имплементации достоверности, как принципа судебно-экспертной деятельности;

- определение приоритетных направлений применения принципа достоверности, как универсального и атрибутивного элемента судебно-экспертной деятельности, независимо от различий классов, родов и видов, типизации их объектов, задач, методов экспертного исследования;

- уточнение теоретических положений, касающихся механизма оценки достоверности заключения эксперта;

- разработка авторской типизации и классификации свойств, состояний и признаков достоверности, а также элементов и факторов, предопределяющих достоверность исходных данных и конечных результатов судебно-экспертной деятельности;

- определение способов исследования связей между достоверностью и заключением эксперта, в практическом применении правосудия¹;

- предложения о закреплении принципа достоверности в законодательстве о судебно-экспертной деятельности;

- предложения и рекомендации по использованию оценок достоверности заключений экспертов в деятельности правоохранительных органов, научной деятельности и учебном процессе.

Научную новизну исследования отражают следующие **положения, выносимые на защиту**:

1. Авторская трактовка понимания и применения принципа достоверности судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном и административном процессах, как комплексное научное представление о достоверности, применимое в различных методах и способах получения экспертного знания в многогранных аспектах судопроизводства, включая следующие направления:

– определение понятия достоверности судебно-экспертной деятельности, его структура и содержание во взаимосвязи с действующим понятийно-терминологическим аппаратом, а также методы, средства и способы обеспечения достоверности в судебно-экспертной деятельности;

– определение направлений практической реализации принципа достоверности в судебно-экспертной деятельности, заключающейся в

¹ В работе термин «правосудие» используется в его широком смысле, как цель и деятельность не только суда, но и должностных лиц и органов, правомочных принимать процессуальные решения в различных видах процесса.

выработке и нормативном закреплении критериев достоверности заключений экспертов;

– авторский анализ практики оценок достоверности в разных системах правосудия и судебных учреждениях, а также в третейской, медиальной и иной правовой деятельности с учетом современных позиций Верховного Суда и Конституционного Суда Российской Федерации.

2. Определение понятия достоверность экспертного знания, которое, по мнению автора, выражает отношения между частями целого (критериями достоверности), оцениваемыми судом в соответствии с законом. Достоверность судебно-экспертной деятельности – это состояние совпадения и взаимообусловленности критериев, позволяющих воспринимать доказанность факта или события, исходя из оценки соблюдения каждого критерия как элемента доказывания, достигать в правосудии несомненного и убедительного результата – законного процессуального решения или судебного акта. В целом достоверность в правосудии является предпосылкой формирования собственно предметной области процессуального знания, совмещающей в себе и множественность элементов, и их единство. Очевидно, что сущности, составляющие достоверность, нельзя ни осмыслить, ни процессуально описать на все случаи жизни. Вместе с тем отдельные критерии достоверности процессуально определены в виде понятийного ряда: «относимость», «допустимость», «обоснованность», «всесторонность», «полнота», «объективность», «достаточность», «правильность»¹. По мнению автора, назрели изменения характеристик этих категорий с тем, чтобы выявить их взаимодействие и соподчиненность. Если

¹ Ст. 7, 33, 88, 207, 235 УПК; ст. 59, 60, 67, 85, 86, 87 ГПК; 55, 67, 68, 71, 75 АПК; ст. 26.2, 26.11 КоАП; ст. 60, 61, 70, 84, 152 КАС; ст. 20 Федерального закона "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" (здесь и далее для краткости используются общепринятые аббревиатуры наименований процессуальных кодексов Российской Федерации, полные библиографические ссылки даны в списке литературы).

они останутся изолированными, то сохраняется вероятность ошибок, например, когда процессуальная форма заключения эксперта соблюдена, но соотношенность элементов достоверности нарушена. Соотнесение названных категорий понятийного ряда с принципом достоверности дает правосудию возможность непротиворечивого перехода оценок от одного элемента (критерия) к другому.

3. Предложенная автором трактовка достоверности судебно-экспертной деятельности включает анализ и понимание фактов, их всесторонний разбор, рассмотрение отдельных сторон, составных частей, оценку заключенной в них доказательственной информации для установления относимости, допустимости, достоверности и достаточности фактов, использованных в рамках судебных экспертиз для установления всего круга обстоятельств, подлежащих доказыванию или учету при судебном рассмотрении. Обеспечение достоверности экспертного знания в судебном акте заключается в выделении предметно-смысловой структуры судебно-экспертной деятельности в виде принципа достоверности. Анализ предмета исследования позволяет автору заметить, что способ выделения этой структуры не совсем ясен, ввиду незавершенности его инкорпорации, как в законодательстве, так и в судебной практике. Правовое закрепление принципа достоверности как предметно-смысловой области, означает, с одной стороны, выявление соотношений и связей, присущих самому предмету экспертного знания, а с другой стороны, достоверность усматривается (воспринимается и отображается) в виде сущностной структуры предмета познания, который без каких-либо искажений, объективно, беспристрастно с очевидностью и полнотой раскрывается в процессе судебно-экспертной деятельности, в том числе при оценке заключений эксперта.

4. Вывод, сделанный на основе анализа действующих нормативно-правовых и судебных актов, о том, что нормативно-правовое регулирование

и судебная практика не располагают до настоящего времени единой методологией и критериями оценки достоверности экспертного знания. Категория достоверности, как правило, отождествляется лишь с качеством выполненного экспертного задания, но законодатель оставляет за рамками правового регулирования истинность и степень качества экспертной «работы» и ограничивается, в основном, только констатацией необходимости соблюдения экспертом процедурных, документационных формальностей, оставляя за собой окончательное решение вопроса о достоверности. При этом для оценки достоверности заключения эксперта российское законодательство не предлагает четких критериев, приемов, способов и единых методик. Следовательно, проблема достоверности судебно-экспертной деятельности представляет собой до сих пор нерешенную правовую проблему и незавершенную область правовой регламентации судебно-экспертной деятельности. Обосновывается введение в закон принципа достоверности, который создаст четко определенную смысловую структуру, где достоверность станет одновременно и функционально-активным началом, и независимой рецептивной способностью соответствующих видов судебно-экспертной деятельности.

5. Положение о том, что достоверность, как правовой принцип и функционально-сущностное явление правосудия, осуществимо в любой процессуальной форме, необходимо включает в себя оценку свойств и элементов достоверности, разрабатываемых в общей теории судебной экспертизы, наряду с другими принципами и учениями об экспертном познании, доказательствах и процессуальном доказывании. Предложенная автором трактовка критериев достоверности заключений экспертов, как целостная система философски и юридически аргументированных и логически взаимосвязанных научных представлений, описывающих и объясняющих достоверность экспертного познания. Новизна и особенность представленной трактовки состоит в том, что она представляет собой

вытекающий из процессуального законодательства алгоритмизированный и логически сформулированный инструментарий, с помощью которого правосудие и экспертное сообщество может с наивысшей степенью успешности определять достоверность заключений экспертов, независимо от их вида, рода и характера.

6. Исходя из проведенного автором научного поиска приоритетных направлений применения принципа достоверности, как универсального и атрибутивного элемента судебно-экспертной деятельности, независимо от различий классов, родов и видов, типизации их объектов, задач, методов экспертного исследования, а также материальных ситуаций и процессуальных форм использования возможностей этого принципа в судопроизводстве, определены современные условия функционирования государственной системы экспертизы в Российской Федерации, которые могут быть существенно модифицированы с помощью правового закрепления принципа достоверности в судебной практике и государственном управлении, а также в сферах экспертного образования, методического, кадрового и информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности.

7. Усовершенствовано теоретическое положение о механизме оценок достоверности заключений эксперта, на основе которого выдвинуты научно-практические рекомендации о законодательных изменениях, ориентированных на качественно новый подход к разработке концепции определения критериев достоверности заключений экспертов, закрепления синхронно и взаимообусловлено, как в процессуальных кодексах, так и в законодательстве о судебно-экспертной деятельности. Тексты новых положений, предлагаемых для внесения в законодательные акты, изложены в § 3 гл. 3 настоящей диссертации. Предлагается усовершенствовать теоретические положения о механизме оценки достоверности заключения

эксперта, отображения свойств достоверности и состояний достоверности в системе судопроизводства Российской Федерации.

8. Вывод о том, что достоверность, необходимо закрепить как принцип судебно-экспертной деятельности, включив его в статью 4 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Кроме того, в статье 8 названного федерального закона предлагается определить синхронно с аналогичными положениями процессуальных кодексов следующий понятийно-категориальный алгоритм понимания и обеспечения достоверности результатов экспертных исследований с соблюдением следующих **критериев достоверности**:

а) **относимости** – смысловой связи выводов эксперта с поставленными перед ним вопросами;

б) **допустимости** – подтверждения выводов эксперта установленными законом средствами и способами;

в) **обоснованности** – документальной и фактической подтвержденности выводов эксперта общепринятыми научными и практическими данными, не оставляющими сомнений в их истинности, убедительности и законности;

г) **всесторонности** – обширности выводов эксперта, применительно к пространству, времени и кругу лиц, исследуемых в ходе судебной экспертизы;

д) **полноты** – качественной и количественной пригодности выводов эксперта в отношении факта, обстоятельства или взаимной связи между ними;

е) **объективности** – беспристрастности, непредубежденности, непредвзятости, неподкупности, справедливости и независимости судебного эксперта при формулировании им выводов в своем заключении;

ж) **достаточности** – количественной наполненности сведений для установления факта, обстоятельства или взаимной связи между ними;

з) **правильности** – верности, точности, безошибочности выводов судебной экспертизы.

9. Обоснование дополнения в Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в котором предлагается предусмотреть создание Федерального **реестра экспертных методик** и Федерального **регистра судебных экспертов**, организация и регламентация которых может быть отнесена к ведению Министерства юстиции Российской Федерации.

Теоретическая значимость диссертации обуславливается научной инновационной попыткой автора системно и подробно проанализировать принцип достоверности в контексте и структурированной взаимосвязи судопроизводства и судебно-экспертной деятельности; творческим прочтением и оригинальным применением к предмету исследования достижений всемирного философского и юридического наследия; введением в российский научный оборот значительного объема ранее не исследованных фактографических, нормативных и доктринальных источников, включая анализ новейших публикаций по предмету исследования; формулированием выводов и предложений, ранее не встречавшихся в отечественной литературе по судебно-экспертной деятельности.

Практическая значимость исследования заключается в объективной применимости положений и выводов в процессе совершенствования российского законодательства о судебно-экспертной деятельности, прежде всего при исследовании и оценке доказательств в судебных делах всех категорий. Научный подход и концептуальная авторская методика, могут быть востребованы в ходе рассмотрения экспертными и судебными учреждениями дел не только с участием экспертов отдельной специализации, но и применительно к любым категориям заключений экспертов, как в рамках определенной судебной процедуры, так и за ее пределами при подготовке коллегиальных правовых решений. Вместе с тем, главным

ориентиром научно-практической направленности исследования является оказание содействия российскому правосудию. Результаты проведенного исследования могут быть полезны для практикующих юристов всех категорий, выступающих в качестве представителей сторон в судебных разбирательствах.

Диссертация имеет учебную, дидактическую направленность и применима в учебных целях для углубленного изучения дисциплин: «судебно-экспертная деятельность», «криминалистика» и «уголовный процесс» или специальных курсов: «общая теория судебной экспертизы», «доказательственное право и экспертиза», «экспертиза в системе разрешения экономических споров», при подготовке к занятиям по процессуальной тематике правовых дисциплин. Кроме того, некоторые положения работы могут стать основой для дальнейших теоретических исследований, посвященных определению принципов и правил доказательственного права в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе, а также в третейском судопроизводстве.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации использовались автором в его практической судебно-экспертной деятельности, а также при подготовке и проведении занятий в вузах по курсам «Судебно-экспертная деятельность», «Криминалистика» и «Уголовный процесс». Выводы и предложения, сформулированные в диссертации, были представлены на Международном семинаре «Актуальные проблемы менеджмента качества судебной экспертизы» (г. Казань, Средне-Волжский РЦСЭ Минюста России, 23 – 24 апреля 2014 г.); на международной научно-практической конференции «Современные стандарты качества судебно-экспертной деятельности» (Иссык-Куль, Киргизская Республика, 25.08.2014 г.), на Международном юридическом форуме «Развитие института судебной экспертизы в условиях Евразийского экономического союза» (г. Астана, Казахстан, КГЮУ, 1 – 3 октября 2015 г.);

на Международной научно-практической конференции «Проблемы классификации судебных экспертиз, сертификации и валидации методического обеспечения, стандартизации судебно-экспертной деятельности» (г. Москва, МГЮА, 21.01.2016 г.); Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной криминалистики» (г. Москва, РУДН, 15.04.2016 г.); IV Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях», (г. Москва, МГЮА, 20.01.2017); Международной научно-практической конференции «Восток-Запад: партнерство в судебной экспертизе. Актуальные вопросы теории и практики судебной экспертизы» (Республика Казахстан, г. Актобе, 13.12.2017); Общероссийском семинаре «Актуальные вопросы дополнительного профессионального образования по экспертным специальностям» (г. Москва, ФБУ РФЦСЭ Минюста, 22.05.2018). Основные теоретические выводы исследования изложены в опубликованных автором научных статьях, обсуждались на международных и всероссийских научных конференциях по проблемам судебно-экспертной деятельности.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка. Библиография содержит ссылки на основные научные источники, действующие нормативные правовые акты, в том числе международные, а также судебную практику по различным категориям гражданских, арбитражных, административных и уголовных дел.

Глава 1. Теоретические основы обеспечения достоверности судебно-экспертной деятельности

§ 1. Понятие достоверности судебно-экспертной деятельности

Достоверность – двусоставное понятие, включающие в себя две не менее ёмкие составляющие – «достоинство» и «верность».¹ Общеупотребительное значение этого понятия отражает доверительный смысл правдивости знания, достойного доверия. Достоверность экспертного знания – это процессуальная формализация знания, которая зависит от способа его организации в правосудии. В правосудии структура экспертного знания претерпевает существенные изменения, когда на первый план выдвигаются формализованные признаки знания вследствие введения в него юридически обязывающего построения конкретных, воспринимаемых участниками процесса, объектов, фактов и доводов. Такого рода конкретные сущности используются в процессуальных теориях доказательственного права². Но там они не рассматриваются в качестве функционального

¹ В настоящей главе приведены положения из ранее опубликованных работ автора: Философско-теоретические основы принципа достоверности судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 1. С. 26-40; Классификация признаков достоверности в судебно-экспертной деятельности // Образование. Наука. Научные кадры. 2018. № 1. С. 52-56; Принцип достоверности как методологический императив судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 2. С. 36-42; Нормативно-правовое закрепление принципа достоверности судебно-экспертной деятельности // Закон и право. 2018. № 3. С. 146-153; Научно-практический анализ обеспечения достоверности заключений экспертиз // Государственная служба и кадры. 2018. № 1. С. 101-111.

² Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. М., 2001; Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе. М., 1947; Баев О.Я. Защита доказательств в уголовном судопроизводстве: монография. М., 2016; Балакшин В.С. Оценка допустимости доказательств в российском уголовном процессе: монография. М., 2016; Барыгина А.А. Критерии допустимости доказательств в уголовном процессе: монография. М., 2016; Ерпылёв И.В. Допустимость доказательств в уголовном процессе России и зарубежных стран. М., 2017.

атрибута деятельности, но играют роль признаков допустимости и относимости, отсылающих к идеальной умозрительной оценке судом процессуальных явлений и событий, лежащих по ту сторону от непосредственно экспертного восприятия.¹

В процессуальных, формализованных теориях признаки приемлемости экспертного знания становятся предметом изучения: построение таких теорий начинается с юридических конструкций, которые рассматривают заключение эксперта само по себе, независимо от тех значений, которые могут в нем содержаться. Только после введения процессуально воспринимаемых комбинаций свойств - предмета доказывания по делу на их основе, с помощью процедуры проверки относимости и допустимости, вводятся смыслы, не относящиеся к сфере экспертного восприятия, т.е. идеальные объекты – законности или противоправности.² При построении процессуальных теорий используется объективация двух типов: материально воспринимаемые факты и идеальные умозрительные оценки, причем первые выполняют функцию первичных объектов в системе экспертного знания.

Природа знания, взаимоотношения материального и умозрительного, переходы от первого ко второму, от менее общего к более общему в познании, применение общего к отдельному издревле занимали философскую мысль. Со времен критики Аристотелем учения Платона об идеях, в учении о сущностях, о переходах от отдельного, единичного к общему и др. сталкивались философские мировоззрения материализма и идеализма, спор между которыми не окончен по сей день. Однако выбор

¹ См.: Хомелев Г.В., Шутова Т.Н. возвращаясь к Гегелю: конкретность как критерий научности познания // Вопросы теории и практики. 2017. № 5 (79). С. 190-193.

² См.: Судебная экспертиза: типичные ошибки / под ред. Е.Р. Россинской. М., 2012; Нахова Е.А. К вопросу об актуальных проблемах доказательственного права в цивилистическом процессе // Ленинградский юридический журнал. 2016. № 3. С. 255–264; Молчанов В.В. Состязательная форма судопроизводства и достоверность доказательств // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 12. С. 7-11.

материально воспринимаемых фактов в качестве базиса и исходного пункта построения системы экспертного знания теоретически оценивается и как источник достоверности, и как причина недостатков, присущих формализованному мнению эксперта. Опора на непосредственно воспринимаемые факты придает процессуальным заключениям экспертов ту степень очевидности, которая гарантирует от появления противоречий в судебной оценке явлений, относящихся к предмету доказывания; в то же время жесткая привязка к объектам материального восприятия рассматривается как причина процессуальных ограничений для экспертного познания, исходя из конкретно понятых задач правосудия.¹

Действительно, если исходить из того, что основными объектами экспертного знания являются материальные объекты, а обращение к идеальным служит лишь вспомогательным для суда средством оперирования ими, то формализация экспертного знания выглядит как технологический прием, позволяющий достичь строго определенных целей - показать непротиворечивость набора фактов или алгоритмизировать процесс формулирования вывода при составлении заключений. Процессуальные правоотношения замещаются при алгоритмизации принципиально иными - материальными соотношениями интерпретации фактов. Формализация судебно-экспертной деятельности,² рассматриваемая под этим углом зрения, предстает, как попытка подмены многообразия изучаемых в содержательных теориях экспертиз соотношений к задачам процессуального характера, имеющим место между материально воспринимаемыми фактами на определенных стадиях судопроизводства в строгой последовательности постановки вопросов эксперту и получения на них ответов.

¹ Балакшин В.С. Соотношение допустимости доказательств с их относимостью и достоверностью // Законность. 2014. № 3.

² Кухта А.А. К вопросу о стандарте судебной достоверности в виде "отсутствия разумных сомнений" // Российский судья. 2007. № 4.

Неосуществимость такой попытки определяется невозможностью полностью алгоритмизировать сложную и многообразную область экспертного знания.

Однако констатация невозможности полной формализации и алгоритмизации экспертного знания не снимает проблемы: обусловлена ли формализованная процессуальная достоверность экспертного знания типом объектов, которые выбраны внутри сферы судопроизводства в качестве исходного пункта построения судебно-экспертной системы? Или может быть, существуют другие типы объектов, доступные экспертному знанию, как и последовательности их значений, обязательные для непосредственного судебного восприятия, причем с не меньшей степенью достоверности, ясности и отчетливости, но отличающиеся от них по структуре знания?

Ответы на эти вопросы позволят по-новому взглянуть на применяемые в настоящее время методы получения экспертного знания и будут способствовать раскрытию возможностей судебно-экспертной деятельности. Чтобы ответить на эти вопросы необходимо проанализировать структуру экспертного знания и выяснить, каким образом эксперту может быть дан какой-либо объект для исследования и в каком виде он должен быть представлен правосудию в момент восприятия и вынесения процессуального решения.

Суть проблемы достоверности экспертного знания, как она сформулирована в контексте материалистической традиции философии, заключается в том, что исходные факты, которыми оперируют эксперты, существуют только в качестве значений, добытых опосредовано через субъективное знание участников процесса, так что сфера непосредственного экспертного знания ограничена субъективно воспринимаемыми сущностями.¹ Предположим, что предмет экспертного знания

¹ См.: Овсянников И.В. Проблема достоверности доказательств в доказательственном праве России // Современное право. 2004, № 7; Амосов С. О

непосредственно не определен для эксперта. В этом случае непонятно, каким образом он может получить о них достоверное и общезначимое знание, учитывая их отличие от предмета процессуальных действий. Поэтому естественно предположить, что они могут быть в определенной форме заранее представлены в сознании эксперта. Но очевидно, что они должны быть даны его сознанию иначе, чем постановка вопросов эксперту, с которыми оно имеет дело в судопроизводстве. Каким же именно образом?

Для ответа на этот вопрос необходимо обратиться к философскому наследию. От Платона идет традиция умозерцания, рассмотрения предметов рационального знания в качестве идеальных сущностей, постигаемых посредством мышления и чувственного восприятия. Противопоставление двух познавательных способностей, мышления и чувственного восприятия, находим в философии Декарта, который считал, что мыслительная способность может функционировать отдельно и независимо от способности чувственного восприятия. Иными словами, переводя это на современный язык нашей проблематики, мышление суда может функционировать отдельно от экспертного восприятия фактов.

Анализируя процесс современного экспертного познания, обнаруживается удивительное явление: всё, что дано мышлению эксперта, имеет место в самом мышлении без привнесения в него процессуального элемента постановки вопросов правосудием. Предмет, анализируемый экспертной мыслью, всегда есть мыслимый предмет. В акте правосудия этот предмет сознания – непосредственного судебного усмотрения совмещаются и оформляются в виде процессуального решения.¹

В теории познания одним из основных постулатов является то, что предмет знания - это объект, нечто, лежащее вне сознания субъекта,

вероятности и достоверности выводов арбитражного суда // Хозяйство и право. 1997. № 12.

¹ Рарог А.И., Грачева Ю.В. Понятие, основание, признаки и значение судейского усмотрения в уголовном праве // Государство и право. 2001. № 11.

трансцендентное ему, обладающее независимым от него существованием. Но именно Декарту мы обязаны пониманием того, что нечто мыслимое может быть первичным актом познания¹. В современной экспертной деятельности это проявляется в росте умозрительных задач, например, о справедливости или несправедливости того или иного поведения, где сознание эксперта и предмет сознания находятся в неразрывном единстве. Что делать с этой реальностью в судопроизводстве философия Декарта не проясняет.

Однако в реальности имеется расщепление на мышление эксперта, процессуальный объект исследования и судебное усмотрение, не связанное ни с первым, ни со вторым. С именем Декарта связан не только особый взгляд на природу экспертного знания, но и осмысление роли последнего в структуре знания в целом для правосудия. Именно Декарт ввел понятие достоверности, как очевидности, характеризующей непосредственное знание, выводимое из самого предмета или явления в его исходных значениях и сущностях. Достоверность означает, что эти сущности должны быть очевидны и усматриваться непосредственно из них самих, причем с той ясностью и определенностью, которая исключает возможность «разночтения», что важно как с точки зрения достоверного теоретического знания, так и для обеспечения гносеологического фундамента правосудия, опирающегося на презумпции и клаузулы «самоочевидности».

Фактически правосудие апеллирует к тем или иным «очевидностям», но такого рода апелляция зачастую производится неявно в ходе развертывания теоретического построения и соизмерения с экспертными оценками мнений участников процесса. В предложенной Гильбертом теории формализации знания² была сделана попытка решения проблемы обоснования достоверности знания с помощью: а) выделения видов «самоочевидных» сущностей, доступных непосредственному восприятию с

¹ Декарт. Соч. в 2-х томах. М., 1994.

² Гильберт Д., Аккерман В. Основы теоретической логики. М., 2010.

исчерпывающей ясностью и полнотой; б) определения в формализованной теории сущностей, не выводимых из непосредственного созерцания.

В целом возможны разные способы реализации этого философского подхода в современной судебной-экспертной деятельности, которая может быть ориентирована выбором классов сущностей: «самоочевидных», «неочевидных» и «очевидных процессуально». В качестве самоочевидных сущностей, эксперт может принять объекты, изученные в определенной отрасли знания в том способе формализации теории, который был выведен исключительно из сферы непосредственного восприятия. Неочевидные сущности экспертных задач предполагают наличие разного восприятия предмета участниками процессуальной деятельности. Очевидные процессуально сущности могут быть предположительно обозначены в виде экспертных задач, которые решаются процедурой установления фактов – последовательными и распределенными экспериментами с заданными параметрами и набором констант. Либо, когда решения определяются, например, голосованием или консенсусом экспертов.

Если бы такие способы формализации экспертного знания удалось внедрить на практике, то предложенный Гильбертом метод решил бы триединую задачу достоверности, обоснованности и формализации экспертного знания. Однако в общем виде поставленный метод решения проблемы формализации достоверности экспертного знания, на практике сталкивается с вопросом о пределах судебного усмотрения в интерпретации экспертного знания, т.е. о том, какого рода сущности могут быть даны правосудию с исчерпывающей очевидностью, чтобы не было необходимости обосновывать их достоверность с помощью более достоверных.

Относящиеся к проблеме экспертного знания фундаментальные суждения содержит философия Канта, который, в отличие от Декарта, решает ее с помощью функционального подхода к знанию с учетом двух познавательных способностей – чувственности и рассудка. Посредством

чувственности воспринимаются воздействия от предмета исследования, и в результате формируется его наглядное представление. В наглядном представлении предмет воспринимается как некоторое пространственно-временное многообразие. Соединение этого многообразия в одно целое обеспечивается рассудком. По Канту мышление является не интуитивной, а исключительно дискуссионной познавательной способностью, поэтому он считает, что предметом постигается лишь в акте чувственного созерцания: «иным способом ни один предмет не может быть дан нам».¹

Применительно к нашей проблематике, это означает, что экспертное знание о любом предмете, будь то материальный предмет (например, след) или умозрительная схема (например, в бухгалтерском учете), обязательно должно опираться на чувственное созерцание участниками судебного процесса. Для возникновения наглядного представления достаточно акта чувственного созерцания: «наглядное представление вовсе не нуждается в функциях мышления»². «Достоверность возникает из сравнения идей и открытия таких отношений, которые пребывают неизменными, пока идеи остаются без изменения»³. В таком наглядном представлении присутствует концептуальная структура – предмет доказывания, упорядочивающее начало с присущей ему особой процессуальной формой. Эта форма является в судопроизводстве априорной, характеризующей не структуру объекта, существующего независимо от судебного процесса, а способ оценки этого объекта в акте правосудия. Форма того, что созерцается правосудием, формируется посредством акта экспертизы, но ее характеристики определяются самим созерцающим. По мнению И. Фихте, «доказательство имеет целью лишь условную, опосредствованную достоверность».⁴ Все становящееся предметом судебного созерцания приобретает процессуальную

¹ Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. С. 41.

² Там же. С. 83.

³ Юм Д. Соч. в 2-х томах. М., 1996. Т. 1. С. 135.

⁴ Фихте И.Г. Соч. в 2-х томах. Т. I. СПб., 1993. С. 536-537.

форму, отличающую созерцаемую экспертом сущность от сущности другого типа, осознаваемой посредством отвлеченного познавательного акта вне судебного процесса.

По мнению Лейбница, «достоверность была бы ничтожной или, вернее, ее не было бы совсем, если бы для простых идей не существовало другой основы, кроме той, которую дают чувства».¹ Многообразие элементов достоверности в априорной структуре судопроизводства, формируются через акт экспертного познания. Функции априорных форм в процессуальном представлении выполняют материальные объективации (например, время, масса, скорость и т.п.). Они структурируют и упорядочивают содержание экспертного представления об объекте исследования. Упорядочение достигается благодаря наличию установленных законом отношений между элементами многообразия, в частности, предмета доказывания. Например, процессуальное упорядочение отдельных элементов предмета доказывания позволяет представить их во взаимосвязи и взаимозависимости. Именно благодаря такому расположению отдельные элементы образуют многообразие возможных вариантов их совокупного восприятия правосудием. Многообразие элементов экспертного знания неявно предполагает, что 1) каждый элемент многообразия может стать предметом судебного рассмотрения; 2) все элементы могут рассматриваться поочередно в порядке судопроизводства; 3) порядок фиксации внимания правосудия на том или ином элементе процессуально не predetermined однозначным образом. Так, последовательность оценки факта может начаться с события, а не с последствий (если преступника застигнут на месте преступления) или наоборот, с последствия – результата правонарушения (когда есть только ущерб, но не ясно, кто его причинил).

¹ Лейбниц Г.В. Новые опыты о человеческом разумении. М.-Л., 1936. С. 351.

Представление о многообразии элементов, следовательно, может возникнуть в сознании эксперта лишь при условии выполнения им сложного акта созерцания, реализующего процессуальную функцию. Поскольку элементы многообразия участники процесса могут созерцать по отдельности, они предстают как располагающиеся по-разному относительно предмета доказывания. В терминах процессуального восприятия это, например, означает невозможность для одного и того объекта находиться в разных местах одновременно. Поскольку от созерцания каждого элемента можно перейти к созерцанию любого другого, все они воспринимаются в процессе правосудия как единое целое, относимое к предмету доказывания.

В свою очередь интерпретация предмета доказывания в качестве априорных форм процессуального созерцания может рассматриваться, как попытка осмыслить природу экспертного знания. Во-первых, предметом экспертного знания может быть не только единичная сущность, но и структура, состоящая из многих составляющих ее элементов. Во-вторых, эта структура существует только в контексте соответствующего процессуального акта, поэтому оформление этого акта (согласно установленным правилам и реквизитам) является необходимым условием его существования для правосудия. В-третьих, элементы, из которых складывается многообразие, обретают процессуальные характеристики, которых нет у единичных элементов самих по себе, а именно: указывающие отношение каждого элемента к другим элементам предмета доказывания. Однако это описание в абстрактных терминах, лишь отчасти способно выразить особенности структуры экспертного знания, формирующейся в акте правосудия. Привлечение универсальных понятий для описания структуры предмета доказывания, дает основание для двух взаимоисключающих интерпретаций его смыслового содержания и структурного способа ее образования, которые соответствуют различным трактовкам того или иного юридического факта, события, состава преступления и т.п.

С одной стороны, элементы предмета доказывания трактуются натуралистически, в соответствии со свойственным обыденному сознанию способом видения вещей, поскольку согласно Канту, «что-либо достоверно, поскольку познается невозможность того, чтобы некоторое познание было ложным»¹ С другой стороны, эти же восприятия связываются с определенными возможностями эксперта, а именно способностью материально и технически установить так это обстоит или иначе. Но перенос экспертного суждения в процесс не затрагивает основной характеристики объективации знания. Трактую мнение эксперта как форму созерцания, свойственную процессуально определенной познавательной способности, суд превращает их в квалифицирующие признаки деяния по отношению к предмету доказывания. Согласно Гегелю, воспринимающее сознание диалектически отменяет точку зрения чувств «так, как оно должно было бы быть в непосредственной достоверности, в качестве подразумеваемого единичного, а в качестве всеобщего».² Благодаря этой «привязке», характеризующей правосудие, происходит познание явления в целом, и его частей по отдельности. Процессуальный подход к осознанию любых явлений и состоит именно в таком обособлении результата экспертного познавательного акта от самого явления, превращении его в субстанцию правосудия, существующую либо самостоятельно, либо в составе других элементов или признаков предмета доказывания, но в любом случае – независимо от познания эксперта, производимого в судебном заседании или ином процессуальном заведении.

Соотнеся экспертное знание со способностью суда (или другого органа правосудия) в разъясненном экспертом явлении или предмете, правосудие получает возможность формально юридически объявить совокупность элементов предмета доказывания – в качестве результата рассмотрения дела,

¹ Кант И. Соч. М., 1940. Т. 2. С. 292.

² Гегель В.Ф. Соч. в 14 томах. М., 1959. Т. 4. С. 61.

приговора, решения или иного судебного акта.¹ С другой стороны, категории экспертного знания используются судом и в совершенно ином контексте, с целью описания структуры созерцания, – общего представления, формирующего сам предмет доказывания, который, вообще не требует ссылок на экспертное знание. Здесь правосудие оперирует принципиально иными характеристиками существования материальных вещей, которые превращают их в элементы непосредственно осознаваемого судом предмета, именуемого правонарушением. Всё, что при экспертном познании относится к области процессуального представления, содержит в себе исключительно только отношение к норме закона.

Таким образом, экспертное знание представляет собой предметную структуру с многообразием элементов без указания их взаимоотношения в судопроизводстве, но которая не имеет места вне рамок судопроизводства. Объектом экспертного анализа в судопроизводстве становится сущность многообразия элементов, толкуемая как предметная структура, формируемая в рамках определенного процессуального акта, наличная только в контексте последнего и потому от него неотделимая. Но гипотетическое рассмотрение многообразия элементов, когда понятие, обозначающее сущность, выделенную внутри некоторого познавательного акта правосудия, можно трактовать так, как это делает эксперт, исходя из материалистической установки сознания, не соотнося некую сущность с процессуальными актами, приведшими к ее образованию – за пределами предмета доказывания.

Большей частью эксперт и не знает, какие собственно познавательные операции необходимы для формирования того или иного когнитивного образа предмета доказывания. Содержание, вкладываемое в это понятие,

¹ См.: Аминев Ф.Г. О некоторых проблемах судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации // Российский судья. 2016. № 6; Аминев Ф.Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. 2017; Овсянников И., Галкин А. Вероятное и достоверное в обвинительном приговоре // Российская юстиция. 2000. № 9.

фиксирует образ, отделенный от познавательных актов, аккумулирует результаты многих ранее осуществленных познавательных операций в виде некоего набора не полных и не оконченных представлений, с помощью которых определяется наличие того или иного юридического факта. Очевидно, что такой образ будет недостаточным, представления о его достоверности будут варьироваться в зависимости от психофизических особенностей конкретного участника процесса и эмпирической ситуации, в которой разворачивается судебно-экспертная деятельность.

Напротив, при технологическом, каталогизированном подходе к экспертному знанию предметное содержание, фиксируемое с помощью соответствующих понятий, категорий и иных значений, может обрести четкую и вполне однозначную определенность, поскольку указываются условия, необходимые рамки для усмотрения предметной структуры явления. Но для этого, необходимо каждый раз привлекать все знания о познаваемом объекте, которые получены ранее, до выполнения данного акта экспертного познания, с учетом других познавательных операций, производимых в судопроизводстве одновременно с ним.

Экспертное знание о юридических фактах – это объективно-материальное знание, в которое включается только та предметная структура, которая формируется и осознается в процессе выполнения конкретного процессуального действия. Причем эта структура рассматривается так, как она дана сознанию участника процесса, формирующего экспертное задание, т. е. в соотнесении с теми познавательными операциями, которые необходимы для формирования исключительно судебно-процессуальной реальности. В рамках экспертного познания нет неопределенных субстанций типа гипотез или версий, нет ничего такого, что может рассматриваться как существующее само по себе или в отношении к другим сущностям-субстанциям, отвлекаясь от вопросов, поставленных перед экспертом.

Описание каталогизированной структуры многообразия элементов экспертного знания в терминах правосудия неизбежно приводит к смешению двух противоположных трактовок судебно-экспертной деятельности. С одной стороны, она рассматривается как возникшая в результате концентрации знания, формируемого независимо от судопроизводства. Так, Д.Локк считал, что «все истины, которые мышление может открыть для нас с достоверностью и с которыми может заставить нас вполне согласиться, запечатлены в душе от природы».¹ С другой стороны, достоверность – это атрибут определенного процессуального акта, в котором отдельные элементы знания, приобретают заранее обусловленные характеристики, относимые к конкретному предмету доказывания.

Для организации правового регулирования судебно-экспертной деятельности важно признать наличие единства в описываемой сущности экспертного знания. В попытках каталогизации элементов экспертного знания, есть безбрежно многое, но в нем нет завершеного единства. Поскольку экспертное знание предопределяется отношением между экспертом и судом (или другим участником процесса), суд задает способ расположения элементов многообразия знания, и одновременно выполняет функцию его оценки, по собственному усмотрению объединяющей элементы знания, связывающей их в некую целостность или совокупность, которая в результате процессуально оформляется как некая достоверная сущность, которая в действительности таковой не является.

Достоверность, как отношение понимается как нечто, имеющее место в определенной совокупности элементов, или, как формулируется в теории доказательств, на допущении неопровержимости фактов. Например, отношение «подлог», характеризует взаимоотношение элементов «подделка» и «документ», входящих в состав правонарушения. Отношение качества

¹ Локк Д. Соч. в 3-х томах. М., 1985. Т. I. С. 99.

документа при его имитации подразумевается до завершения исследования объекта. Установление отсутствия этих элементов не приводит к усмотрению предмета доказывания – подлога. Элементы, расположенные за пределами экспертного знания, остаются теми же самыми единичными элементами, какими они являются, если их рассматривать по отдельности, но они не превращаются в элементы процессуального знания, поскольку правосудию в условиях неочевидности экспертного знания, остается только пользоваться своим усмотрением.¹

Достоверность экспертного знания выражает отношения между частями (элементами) целого, оцениваемые извне чувственным созерцанием, накладываемым на формализованный опыт судопроизводства и правосознания. Достоверность представляет собой такой способ их взаиморасположения названных элементов, который позволяет правосудию переходить определенным образом от восприятия одних элементов к другим. Но возможность раздельного восприятия элементов сама по себе не указывает, связаны ли воспринимаемые правосудием элементы между собой, и если связаны, то таким именно образом. Поэтому свойство множественности элементов (факторов) в оценке достоверности не имеет заранее определенного единства. Тем самым достоверность в правосудии является предпосылкой формирования собственно предметной области процессуального знания, совмещающей в себе и множественность элементов, и их единство.

Очевидно, что сущности, составляющие достоверность, нельзя ни осмыслить, ни процессуально описать на все случаи жизни. Отдельные элементы достоверности невозможно определить, не изменив их характеристик; если они останутся изолированными от судопроизводства,

¹ См.: Гаврилов Б.Я. Об ограничении судейского усмотрения при назначении уголовного наказания // Российская юстиция. 2006. №4. 20–22; Степалин В.П., Рарог А.И. Судейское усмотрение при назначении наказания // Государство и право. 2002. № 2. С. 36–42.

например, процессуальная форма заключения эксперта может быть соблюдена, но соотнесенность элементов, возможность непротиворечивого перехода оценок от одного элемента к другому может быть нарушена. Чтобы правосудие могло воспринять всё многообразие элементов достоверности, последние, во-первых, не должны существовать отдельно от процесса, в абсолютно замкнутых восприятиях эксперта. Во-вторых, они должны иметь место в правосудии и в процессуальном правоотношении в виде судебно-экспертной деятельности, которая не только их объединяет, превращая в существенные элементы правовой оценки, но и обладает характеристиками, обеспечивающими их соотнесение между собой для правосудия. Соотнесение достоверности при этом двояко: либо элементы, оставаясь изолированными сущностями, соотносятся друг с другом на уровне экспертного знания; либо сами элементы приобретают свойства правосудного знания. Ни тот, ни другой способ соотнесения не реализуем вне судебно-экспертной деятельности.

С другой стороны, элементы достоверности остаются единичными ощущениями, когда они воспринимаются как данные эксперимента. Их упорядочение достигается за счет установления процессуальных отношений между элементами-ощущениями участников судебно-экспертной деятельности. При этом сущность явления, оцениваемого правосудием, не приобретает в результате эксперимента никаких дополнительных характеристик, оставаясь сущностью, которая сама по себе, без посредства эксперта уже состоялась в реальности. То единичное в достоверности, что непосредственно дано правосудию, может отличаться в наглядном представлении в том виде, как его трактует экспериментатор, и в принципе может и не быть достоверным. Действительно, предположим, что суд поочередно концентрирует свое внимание на элементах явления; если он каждый раз видит перед собой только единичную сущность, обладающую безотносительными характеристиками, указывающими, что собой

представляет именно эта сущность, но ничего не говорящими о том, в каком отношении она может находиться к другим элементам в динамике или статике эксперимента, то сколько бы единичных сущностей суд ни обзирал, он не способен будет увидеть достоверность. Чтобы сделать достоверность предметом непосредственного созерцания, суд должен, воспринимая каждый элемент, усматривать в нем, наряду с его собственными безотносительными свойствами, характеристики, различить в нем свойства, обуславливающие наличие у него одного из элементов достоверности. Это усмотрение суда формируется в процессе судопроизводства. Факт в том, что именно усмотрение судом относительных характеристик достоверности дает посредственное созерцание явления с достаточной очевидностью и непротиворечивостью.

Обращение к достоверности, трактуемой как совокупность «признаков доказанной истины»¹, создает иллюзию понимания правосудием этого феномена. В процессуальной литературе минувшего века достоверность зачастую отождествлялась с истиной², это понятие широко использовалась в советском уголовно-процессуальном законодательстве, и в теории криминалистики и уголовного процесса многие авторы считали достоверность истинностью.³ Однако апелляция к экспертному созерцанию отдельных вещей как сосуществующих в предмете доказывания оставляет

¹ Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / Под ред. Э. Л. Радлова. СПб., 1911.

² См.: Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955; Ларин А.М. От следственной версии к истине. М., 1976.

³ См.: Пантелеев В. Исследование достоверности письменных документов в гражданском процессе // Советская юстиция. 1975. № 5. С. 4-5; Матюшин Б. Оценка достоверности доказательств судом // Советская юстиция. 1979. № 18. С. 14; Давлетов А.А. Нормативная модель общей части доказательственного права в уголовном процессе // Государство и право. 1992. № 10. С. 65; Треушников М.К. Судебные доказательства. М., 1997. С. 162; Савицкий В.М., Ларин А.М. Уголовный процесс: Словарь-справочник. М., 1999. С. 47; Комментарий к УПК РСФСР / Под ред. В.Т. Томина. М., 1999. С. 133.

как будто излишним вопрос, а что собственно видит эксперт, когда воспринимает отдельную вещь как одну из многих вещей, подлежащих доказыванию вне его выводов? Стоит только задаться этим вопросом, как становится ясно, что в действительности эксперт воспринимает как нечто данное не отдельную вещь, а вещь, предстающую перед ним как один из элементов правосудия, соотносящийся с предметом доказывания. Это следует учитывать, если попытаться до конца понять философский смысл феномена достоверности.

Итак, единство в рамках судопроизводства и судебно-экспертной деятельности в принципе достижимо как на уровне отдельного восприятия фактов, так и в том виде, как оно формируется в акте на основе экспертизы и в судебном акте. Достоверен установленный экспертом факт, который не вызывает сомнений у суда. Но также и достоверно экспертное мнение, которое во всякое время может быть доказано, независимо от суда. Таким образом, достоверность предстает как синоним истины, различаемая судом субъективно в виде уверенности в объективной достоверности экспертного знания. Философский рационализм видит источник достоверности в разуме, эмпиризм – в опыте, скептицизм – в ясности и отчетливости. Декарт считал, что «достоверность возникает из сравнения идей и открытия таких отношений, которые пребывают неизменными, пока идеи остаются без изменения»¹. Он полагал, что полная достоверность достигается исследованиями явлений, «в которых выражаются аффекты», и уяснением, того как они «согласуются с рассуждением».²

Синтезирующая деятельность на основе экспертного знания проявляется двояким образом. С одной стороны, эксперт не сможет во всех случаях убедить суд, «что из существования одного объекта всегда должно

¹ Юм Д. Соч. в 2-х томах. М., 1996. Т. 1. С. 135.

² Там же. С. 371.

следовать существование другого».¹ С другой стороны, усмотрение суда может быть столь же достоверным, как и экспертное знание, когда, например, основано на ясных и убедительных показаниях свидетелей, очевидцев. Правосудие, превращая наглядно созерцаемые экспертом образы явлений, объединяет многообразие различных представлений на том основании, что все они мыслятся в пределах одного и того же предмета доказывания.

Весьма интересен в этой связи утверждение И.Г.Фихте, о том, что в достоверности проявляется деятельная, присущая ей и выражающая собой истинную ее сущность сила. Сила достоверности обнаруживается «в том, что при данных определенных условиях, сама по себе и сама из себя, она производит определенное действие, именно это, а не какое-нибудь другое, и при том производит его с абсолютной достоверностью и неизменностью».² Принцип деятельности, возникновения и развития достоверности «находится безусловно в ней самой, поскольку она действительно сила, а не в чем-нибудь вне ее; сила не возбуждается и не приводится в действие; она сама себя приводит в действие».³

Единство апперцепции⁴, проявляющееся во взаимном отождествлении экспертом и при отправлении правосудия мыслимых сущностей, имеющих форму предмета доказывания, позволяет выделить достоверность как таковую, характеризующуюся определенными свойствами. По мнению Фихте «доказательство имеет целью лишь условную, опосредствованную достоверность».⁵ Основу единства предмета доказывания в суде, обладающего, характеристиками, заданными законом, составляют условные

¹ Там же. С. 679.

² Фихте И.Г. Соч. в 2-х томах. СПб., 1993. Т. II. С. 77.

³ Там же. С. 30.

⁴ Апперцепция – процесс, в результате которого элементы сознания становятся ясными и отчетливыми, одно из фундаментальных свойств психики человека.

⁵ Там же. Т. I. С. 536-537.

понятия. Благодаря подведению под них многообразия различных элементов достоверность обретает признак единства. Единство, таким образом, как самостоятельный признак достоверности обеспечивается правосудием в целом и отдельными его институтами и стадиями в результате противопоставления многообразию разных и противоречивых сущностей («доводов сторон»). Путем отнесения к сущности из сферы экспертного знания к чувственному восприятию судом доказательств, достоверность предстает объединенным качеством, благодаря наличию процессуального правоотношения по конкретному предмету доказывания.

Другое замечаемое философами свойство достоверности – это способность различения и проведения разграничений между разными идеями. «Нет познания без различения. Недостаточно иметь смутное восприятие чего-нибудь вообще: если в уме нет ясного восприятия различных предметов и их качеств, он мало что будет способен познать. От этой способности различения между одной вещью и другой зависят очевидность и достоверность».¹

Таким образом, судебно-экспертная деятельность принимает участие в формировании наглядного для правосудия образа предмета, совмещающего в себе и единство, и многообразие. Этот наглядный образ создается в результате деятельности, восприятие в которой не сводится только к пассивному выполнению экспертом судебно-следственных заданий; подобно рассудку, в правосудии экспертиза осуществляет акт синтеза достоверности. Наряду с этим достоверность формируется «усмотрением суда», как результат судопроизводства – процессуально определяемое единство доказательств, подтверждаемое в многообразии фактов и доводов участников процесса, включая экспертов.

¹ Локк Д. Соч. в 3-х томах. М., 1985. Т. I. С. 204.

Положив в основу достоверности постулат относительно раздельного функционирования двух способов познания – экспертного и судебного, можно выявить: во-первых, принцип достоверности судебно-экспертной деятельности как нечто единое и самоидентифицируемое; во-вторых, единство понятия достоверности, которым оперирует правосудие; в-третьих, дистанцию, отделяющую судебно-экспертную деятельность как вид познавательной деятельности; в-четвертых, совмещение в этой деятельности противоположных начал, одновременно и единства, и многообразия, в частности, в наглядно созерцаемом предмете доказывания.

Создание концептуального образа предмета, соответствующего экспертному знанию, не совпадающего с формализованными образами конкретных составов правонарушений или иных предметов доказывания, но в противоположность им воплощающих в процессуальной форме смысл понятия достоверность, «равной достоверности арифметических и геометрических доказательств».¹ Это позволяет утверждать, что в судебно-экспертной деятельности принцип достоверности предстает в виде наглядно созерцаемой сущности, в точности соответствующей своему понятию, по словам Канта, как «искусство... проследить и вывести наружу». Но именно благодаря приемам получения экспертного знания сущность явления доступна непосредственному усмотрению суда, притом таким образом, что все характеристики явления с исчерпывающей полнотой оказываются самоочевидными, не требующими для своего сознания ничего, выходящего за рамки доказывания. Поэтому, на наш взгляд, представления о достоверности процессуалистов и экспертов не всегда совпадают, так мнение о том, что «оценка любого доказательства с точки зрения достоверности предполагает сопоставление и сравнение этого доказательства не с объективной действительностью, а с другими доказательствами по делу, со

¹ Декарт. Соч. в 2-х томах. М., 1994. Т. I. С. 84.

сведениями, полученными из иных источников»¹ не выдерживает критики со стороны экспертного сообщества. Поскольку эксперт оперирует не «доказательствами», а фактами объективной действительности.

Судебно-экспертная деятельность включает в себя восприятие объекта исследования экспертом. Это восприятие наделено дополнительной функцией: помимо получения извне информации о стоящей перед правосудием конкретной задачи, эксперт определяет способ ее осознания и выдает упорядоченное знание. Но при этом эксперт не подвергает сомнению ни один из тезисов о том, что данность любой сущности в созерцании правосудия, предполагает наличие оценочного состояния. Поскольку у правосудия нет ничего, что было бы дано эксперту как недоступное к рассмотрению. Задание на проведение экспертизы дается в том случае, если правосудием произведено первичное осознание предмета. На этой фазе правосудие пассивно отображает свойства объекта, существенного для процесса доказывания. Последующий облик, в котором объект предстанет перед правосудием, формируется при активном участии эксперта. Но момент «заданности» указывает на присутствие в исследуемом экспертом объекте характеристик, которые не могут быть порождены экспертизой.

Экспертное познание – это активность в чистом виде; достоверность же чего-либо как данного экспертному познанию, а не произведенного им, предполагает наличие у эксперта способности регистрировать факт столкновения с чем-то находящимся за пределами сознания, т. е. пассивной способности, позволяющей ему получать воздействия извне, от объекта. В этом объединяются акты познания двух типов. С одной стороны, правосудие участвует в формировании экспертного знания, упорядочивая и связывая воедино материал, поставляемый в ходе судопроизводства. С другой, экспертное знание во многом является дискурсивной способностью,

¹ Овсянников И.В. Вероятное знание в судебном и экспертном исследованиях по уголовным делам. М., 2000.

формирующей понятия и обеспечивающей способы оперирования ими без какого-либо эксперта.

Акты на основе экспертного знания, структурирующие и организующие материал судебного восприятия, являются фундаментальными познавательными актами, необходимыми для отправления правосудия; второй тип мыслительных актов играет позитивную роль в правосудии лишь постольку, поскольку они опираются на непосредственное знание суда, получаемое без помощи актов на основе экспертного знания. Акты на основе экспертного знания, по существу, «обслуживают» акты судебного созерцания. Поэтому принцип достоверности демонстрирует невозможность их раздельного функционирования, выявляющую суть взаимосвязанных элементов единого сложноорганизованного процесса судебного доказывания.

Если последовательно придерживаться взгляда на правосудие как на начало, вносящее форму в экспертное познание, благодаря которому познаваемый экспертом объект предстает в виде предмета доказывания, то нераздельное единство рассудочного и чувственного моментов в определении достоверности становится самоочевидным. Но при таком взгляде на достоверность в совершенно новом свете предстает такое понятие, как «внутренняя убежденность суда», когда считается, что вещь не может быть иной, чем о ней рассудил суд. Существует ли вообще подобная достоверность, как прочная и несокрушимая убежденность правосудия. По крайней мере, очевидно, что ее может и не быть в отношении тех вещей, которые эксперт воспринимает смутно или неясно. Ведь любая неясность дает повод усомниться в достоверности. По словам Декарта «не бывает такой уверенности и в отношении тех вещей, кои мы воспринимаем хотя и ясно, но

только лишь чувством, ибо мы часто отмечаем, что в нашем чувстве может обнаружиться ошибка».¹

Особенно это видно на примере объектов, исследуемых для получения экспертного теоретического знания. Любой из подобных объектов является созерцаемым для правосудия. Теоретические объекты отличаются от эмпирических двумя основными особенностями: во-первых, они доступны судебному восприятию лишь потенциально; во-вторых, они раскрываются перед судом только в случае, если последний будет оценивать его содержание с помощью познавательных процедур, производимых в соответствии с теми правилами, которыми пользовался эксперт. Когда суд воспринимает ту или иную вещь, он использует комплекс познавательных операций, выполняемых автоматически, причем в разное время для восприятия той же самой вещи могут использоваться другие наборы познавательных операций. Если учесть, что множество исходных операций обычно четко не определено и объединение этих операций в один сложный познавательный акт производится бессознательно разными способами, то станет понятно, почему одна и та же вещь может восприниматься судом по-разному. Теоретические объекты более «размыты» вследствие отсутствия у суда четких правил, предопределяющих, какие операции по отношению к теоретическим объектам (доктринальным или мыслительным) он должен произвести и в каком именно порядке.

Если же руководствоваться строго определенным набором операций, например, когда «доктринальная калька» заранее была сформулирована в виде преюдиции или прецедента, то независимо от того, кто и когда их применяет по отношению к определенному объекту, результат будет практически одинаковым. Алгоритмы для получения теоретического экспертного знания задают аналогии, в которых обязательно предстает

¹ Декарт. Соч. в 2-х томах. М., 1994. Т. II. С. 116-117.

похожий или категорированный объект, который воспринимается с помощью определенных познавательных операций. Эти аналогии, в частности, экспертного знания, предназначены, следовательно, для организации юридического восприятия. Они отличаются от эмпирического структуризацией познания. В теоретическом знании предполагается, что объект всегда обладает именно теми характеристиками, которые определены в теории. Теория, в данной линии рассуждений, оказывается наделенной не только свойством воздействия на правосудие извне, но и носителем активного, нормообразующего начала – априорных форм познания.

Наличие в познавательной деятельности правосудия двух вышеназванных форм накладывает на предметные характеристики экспертного познания необходимость структурирования, регуляторного, закономерного характера в постоянстве, с которым воспроизводятся определенные теоретические и эмпирические связи между предметами исследований. Например, причинно-следственная связь определяется временным соотношением «предшествующее – последующее», пространственное восприятие – «форма–объем» и др. При таком подходе концептуальная структуризация экспертного познания сводится к выбору определенных отношений необходимого характера связи, фиксируемой процессуальным отношением.

Альтернативой может быть концепция непосредственного правосудного знания, постулирующая возможность созерцания не только индивидуальных, определенным образом упорядоченных элементов, но и универсальных теоретических сущностей, например, «гуманизм», «справедливость», «милосердие» и др. В отличие от конкретных, эмпирических объектов, универсальные сущности являются носителями исключительно идеологических свойств, соответствующих общепринятым понятиям. Свойства универсальных сущностей позволяют объединять их отдельные виды, не смешивая их со случайными, индивидуальными

признаками, как это принято в эмпирическом познании. Без оперирования универсальными сущностями, общепринятыми концептуальными понятиями, правосудие не может достичь рационального понимания предмета доказывания. Но универсальные сущности нельзя систематизировать так, как это принято в юридическом классификаторе. Их нельзя сгруппировать индуктивным путем по конкретным объектам экспертного знания в их сопоставлении, которое выведет их общие признаки и сходства друг с другом. Для рационалистической традиции правосудия, более убедительным является аргумент Платона: общее, чтобы быть выделенным во многих вещах, должно быть сначала выделено в чистом виде, созерцаемо само по себе, – иначе неизвестно, что именно следует выделять при сопоставлении различных объектов¹. Понимание теоретических универсальных сущностей отличается от судебного созерцания конкретных объектов прежде всего в том, что характеристики теоретических объектов формируются самим судом в соответствующем процессуальном акте.

Концептуальное творчество правосудия проявляется именно в создании сущностей-универсалий, выполняющих структурирующие функции в понимании любого предмета экспертного знания, как эмпирического, так и теоретического. Поскольку деление познания сущности производится в соответствии с заданными правосудием задачами в виде нормативных сущностей-универсалий, вытекающих из эмпирического опыта экспертного знания, предшествуют ему в качестве заранее заданных предпосылок экспертного исследования. Неявно сущности-универсалии присутствуют в экспертном познании всякий раз, когда исследуется единичная вещь, поскольку она воспринимается и как соответствующая некоторому общему понятию предмета доказывания. Но если познавательная установка эксперта состоит в том, чтобы увидеть именно материальные особенности объекта,

¹ Платон. Собр. соч. в 4-х томах. М., 1990. Т. 1. С. 762, 776.

естественно, что доктринальная установка оказывается вне его поля зрения. Акт на основе экспертизы сам по себе не дает возможности выделить структуру объекта в цепи доказывания; чтобы ее увидеть, необходимо от материально-экспериментального созерцания перейти к категориальному, от восприятия, скажем, конкретного следа, к восприятию личности виновного. Вычленение предмета, данного в процессуальном значении, от его индивидуальных свойств достигается путем мысленного варьирования его признаков, с целью исключения тех из них, которые не входят в предмет доказывания; в результате остаются только существенные, юридические характеристики. Экспертное варьирование свойств объекта, устраняет из восприятия правосудием конкретного вывода и предлагает альтернативу фактического и несущественного различия признаков этого объекта, соотносимого с предметом доказывания.

Можно ли, однако, достичь этим путем искомой цели: сформировать понятие достоверности, которая, во-первых, воспринимается ясно и отчетливо, во-вторых, обладает однозначной определенностью, в-третьих, воспринимается как имеющая именно эту определенность в судебно-экспертной деятельности?

Очевидно, что нельзя выделить структуру, определяющую достоверность в созерцании, если она не имеет индивидуальных свойств, присущих тому или иному конкретному объекту. В своем последнем трактате о достоверности Л. Витгенштейн указывает на то, что еще нет системы, в которой достоверность была бы равным образом доказанной для всех.¹ Поскольку не ясно, что должен предпринять суд, чтобы достичь понимания любой универсальной сущности, не прибегая к абстрагированию характеристик, содержащихся в восприятиях конкретных предметов, он,

¹ Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 67-120.

скорее, декларирует необходимость достоверности, а не предлагает метод, обеспечивающий достоверность.

Однако в анализе структуры экспертного знания как теоретического, так и эмпирического возникает проблема наглядной репрезентации содержания и смысла решения экспертной задачи. Продуктивная способность экспертного знания напрямую зависит от возможности качественного представить его правосудию. Правосудие «руководит» конструированием задач-схем, создаваемых с помощью экспертного знания. При постановке экспертной задачи как бы отпечатывается содержание соответствующего понятийного образа судопроизводственного мышления; это же понятийное содержание оказывается реализованным при экспертном исследовании конкретных предметов. По этой причине наглядные образы экспертного знания могут иметь единственную интерпретацию – достоверности для правосудия.

Если образ, созданный продуктивной способностью в рамках экспертизы, воспринят эмпирическим мышлением правосудия, то последнему остается лишь извлечь из представленного понятийный смысл и выразить его в итоговом решении, констатировав достоверность заключения эксперта. Вместе с тем, не существует однозначной связи между воспринимаемым судом образом и его смысловым экспертным содержанием. Но один и тот же объект исследования, как известно, может описываться с помощью разных понятий. Смысл получения экспертного знания предопределяется, следовательно, направленностью внимания правосудия, реализуемой в судебном акте. В зависимости от того, что суд хочет увидеть в объекте, на исследование которого направлена деятельность эксперта, правосудие может оперировать отличающимися друг от друга его признаками. Их характеристики могут определяться двумя факторами: тем, что непосредственно дано в созерцании, и интерпретацией экспертного знания. Усмотрение одной и той же тождественной предметной структуры в

различных судебных актах не редкость не только для отечественного, но и для зарубежного, международного правосудия.

Будет необъяснимой достоверность, если не предположить, что наряду с изменчивым обликом объекта (предмета) в судебных актах может воспроизводиться разное смысловое содержание, в значительной степени формируемое независимо от экспертного знания. Однако это становится возможным ввиду присутствия в различных актах правосудия инвариантного фактора – направленности экспертного знания по усмотрению суда. При этом единое предметное содержание экспертного знания в этих случаях может быть утеряно или девальвировано.

Итак, функция имплементации экспертного знания в судебном акте заключается в выделении предметно-смысловой структуры судебно-экспертной деятельности в виде принципа достоверности. Следует, однако, заметить, что способ выделения этой структуры не совсем ясен, ввиду незавершенности его инкорпорации, как в законодательстве, так и в судебной практике. Правовое закрепление принципа достоверности как предметно-смысловой области, означает, с одной стороны, выявление соотношений и связей, присущих самому предмету экспертного знания; достоверность усматривается (воспринимается и отображается) в виде сущностной структуры предмета познания, который без каких-либо искажений, с очевидностью и полнотой раскрывается перед правосудием. С другой стороны, введение в закон принципа достоверности впервые создает смысловую структуру, где достоверность, таким образом, оказывается одновременно и функционально-активным началом, и чисто рецептивной способностью судебно-экспертной деятельности.

Противоречие возникает вследствие признания существования у суда особой способности вне-категориального понимания доказательств, сходной со способностью произвольной трактовки выводов эксперта. Категориальное понимание всегда производно от материального восприятия объекта и

установления фактов по рациональным методикам, тогда как в судебном усмотрении может быть квалифицирован только индивидуальный предмет. Достоверность «мыслительных форм», т.е. теоретических сущностей-универсалий, - прерогатива не только правосудия, но и экспертизы. Именно поэтому акт верификации достоверности становится центром всей познавательной деятельности как правосудия, так и экспертной деятельности, независимо от того, носит ли достоверность теоретический или же эмпирический характер.

Следовательно, достоверность восприятия есть основной модус правосудия, неперемное условие для осуществления судебно-экспертной деятельности. Это означает, что достоверность предстает как совмещенные друг с другом акты независимого восприятия фактов. Поскольку экспертное знание рассматривается в качестве первичного восприятия, на вопрос о том, каким образом происходит его совмещение с судебным восприятием, дать ответ невозможно. Тем не менее, механизмы, обеспечивающие восприятие категориальной структуры факта, подчинены в обоих случаях принципу достоверности, как общее начало, определяющее единство предмета доказывания и его процессуальную форму.

Чтобы раскрыть понятие принципа достоверности и механизмы его обеспечения следует, как нам представляется, вернуться к рассмотрению экспертной познавательной деятельности. В основу принципа достоверности познания положены следующие допущения:

а) осуществление любого познавательного акта, позволяющего эксперту достичь достоверного знания о предмете, предполагает функционирование двух способностей – чувственного и рационального восприятия;

б) способность чувственного экспертного восприятия обеспечивает регистрацию материальных воздействий, поступающих от объекта, их первичную обработку и фиксацию материальных свойств объекта;

в) осознание достоверности – это концентрация внимания на том, что до этого оставалось за пределами экспертного знания, когда все характеристики, образующие в совокупности концептуально постижимую форму сущности знания, формируются в заключительном акте, с помощью которого экспертное знание получает процессуальное оформление и превращается в осознаваемую правосудием данность.

Таким образом, при построении модели судебно-экспертной деятельности мы исходим из предположения, что принцип достоверности представляет собой результирующее воздействие и одновременно концептуализацию экспертного знания, которое представляя в виде сущностей, обладающих той или иной силой воздействия на правосудие. Поскольку в акте на основе экспертного восприятия (как и в судебном акте) задействованы оба начала познания – выполнение функций правосудия предполагает их совместное и согласованное функционирование – механизм обеспечения достоверности представляет собой сложноорганизованную процедуру установления юридических фактов. Процедура категориального восприятия фактов складывается из процессуальных форм восприятия – набора операций, реализуемых правосудием с помощью экспертизы, и интерпретации ее восприятий и познаний с позиций доказательственной концентрации внимания на определенном явлении или правоотношении. Непосредственное усмотрение судом достоверности факторов, определяющих структуру экспертного знания, требует беспристрастного осуществления процедур восприятия правосудием (судом, сторонами в деле, участниками процесса) по четко определенным правилам, в соответствии с заранее сформулированными алгоритмическими предписаниями, которые могут быть воспроизведены, проверяемы и подтверждены.

Опишем более подробно структуру акта экспертного познания, обеспечивающего осознание достоверности. Для констатации достоверности недостаточно указать на то, что объект чему-то соответствует. Поэтому

операция осознания достоверности выполняется одновременно с операцией разграничения источника знания. Для того чтобы ее произвести, необходима концептуализация воспринимаемого в виде доказываемой сущности, имеющей определенные процессуальные и материальные границы, обособляющие предмет познания. Инкапсулированный элемент экспертного знания может по-разному повлиять на ход судопроизводства именно благодаря наличию у него процессуальной границы, отделяющей его от правосудия. Не будь у судебной-экспертной деятельности собственной границы познания, она предстала бы в виде факультативного придатка правоохранительной системы. Будучи выделена в систему независимую от правосудия, она может генерировать достоверное знание, просто как непосредственно данное для любых социально-правовых потребностей.

Универсалия принципа достоверности, следовательно, при таком способе функционирования судебной-экспертной деятельности есть нечто отличное от судопроизводства и существующее наряду с ним. Скажем, в мышлении она совпадает с характеристикой объекта, как воспринимаемого в данный момент объективно и беспристрастно. Чтобы воспринимаемый объект осознавался как достоверный, он должен уже в акте восприятия предстать перед экспертом как наделенный соответствующей процессуальной формой. Если эксперт фиксирует внимание только на этой форме, он связан рамками судопроизводства. Если он совершает другие познавательные операции, помимо указанных в экспертном задании, то он видит объект, обладающий наряду с процессуальной формой какими-то другими, дополнительными характеристиками. Но и имея дело с конкретными судебными делами и процессуальными актами, эксперт фактически должен рассмотреть объект сквозь призму операций, указанных правосудием. Но в этот момент он, очевидно, будет иметь дело уже не с конкретными объектами, а с предварительно заданными сущностями категориального правового смысла.

Так что метод формализации признаков достоверности может быть основан на выполнении определенных логических операций некатегориального созерцания. Однако они не имеют сколько-нибудь определенной процессуальной формы, и потому они в принципе не могут быть использованы в качестве исходного пункта теоретического построения универсальной модели верификации достоверности. Операции формализованного эталона достоверности в действительности никогда и не воспринимаются как конкретные, поскольку они могут быть наделены бесконечным множеством индивидуальных характеристик объектов экспертного исследования. Поэтому попытка сформулировать универсальную методiku постулирования достоверности сталкивается с двумя предположениями: во-первых, что не каждый объект экспертного исследования может обладать процессуальной формой; во-вторых, не во всех случаях можно определить свойство, определяющее сходство и отличие данного объекта от других объектов по признакам достоверности.

Но при помощи каких познавательных операций правосудие констатирует наличие достоверности у воспринимаемого объекта? Со времен Платона этот вопрос занимает теорию познания.¹ При всем многообразии и различии концепций, выдвинутых в ходе развития права, логики и философии, большинство мыслителей и ученых, анализируя понятие свойства, исходили из предположения о том, что на любое недостоверное свойство, выделяемое в процессе исследования, можно указать отдельно. Достоверность мыслилась как сущность, резюмирующая познание.

Рассмотрим, каким образом эксперт может установить достоверность данных, переданных ему для исследования. Какую операцию он должен

¹ См.: Фоллмер Г. Эволюционная теория познания. Врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, лингвистики, философии и теории науки. М., 1998; Аронов Р.А. К проблеме вездесущности сознания // Вопросы философии. 1995. № 3; Смирнов Г.А. Проблема непосредственного знания в истории философии и принципы формализации научных теорий // Вопросы философии. 1995. № 9.

произвести, чтобы вычленил свойства достоверности исходных данных? Он, очевидно, лишен процессуальной возможности указать правосудию на то, что оно оперирует недостоверными данными. Чтобы квалифицировать недостоверность необходимо произвести познавательные операции и выявить противоречия в качественных характеристиках объекта. Чтобы увидеть недостоверность, эксперт должен, следовательно, произвести операцию различения достоверного от ее противоположности. Вне этой операции в познаваемой реальности недостоверности попросту нет. Нельзя поэтому представить себе достоверность так, будто ее свойства существуют до операции различения объектов исследования. Только эта операция конституирует достоверность в качестве результативного элемента экспертного знания.

Таким образом, в процессе познания эксперт оперирует не только с изолированными сущностями, выделенными с помощью экспертного задания, и столь же часто он использует и операции другого рода, а именно: различения, или противопоставления. При этом формируются одновременно несколько противопоставляемых сущностей, выделяемых как элементы соотношения достоверного и недостоверного. Противопоставляемые сущности могут быть зафиксированы вне процессуального контекста предмета доказывания, однако ни один из объектов экспертного исследования не является самостоятельным, замкнутым, безотносительным к судопроизводству. Поэтому критерии достоверности исходных данных и последующих выводов экспертизы не могут существовать друг без друга.

Проблема выделения критериев достоверности первичных данных столь же сложна, как и проблема категорирования степеней достоверности экспертного знания. Умозрительные свойства объекта, выделяемые при формулировании экспертной задачи, могут быть отождествлены с субъективными, а элементы, выявленные в результате исследования – с объективными. Такое отождествление, по-видимому, не вполне корректно

ведь к нему можно было бы прибегнуть лишь для того, чтобы, не вдаваясь в логические тонкости, продемонстрировать сам факт использования в судопроизводстве когнитивных возможностей разного типа для концептуализации данных экспертного исследования. Однако индивидуальные свойства объектов, как с точки зрения обыденного сознания, так и согласно теории формальной логики, представляют собой предметные структуры, соответствующие определенным классам, множествам типов объектов экспертных исследований. Но ни виды экспертиз, ни свойства объектов в действительности не являются первичными элементами рационального знания о достоверности. Это становится очевидным, если проблему достоверности исходных данных знания проанализировать на уровне материалистического восприятия.

Структуризация достоверности воспринимаемого явления, производимая путем выделения в нем, с одной стороны, элементов свойств, с другой, отношений, приписываемых явлениям в процессуальном контексте, относимости к предмету доказывания. Исходные данные исследования – это сущности, обозначаемые правосудием, а свойства – суть характеристики этих сущностей, соответствующие предикатам определенных правоотношений. Эксперт, воспринимая то или иное явление, автоматически расчленяет его на составляющие, соответствующие категориям права. Он как бы видит его в концептуально преобразованном виде – состоящим из рациональных сущностей и характеристик, каждая из которых обязательно подпадает под определенную категорию правоотношения.

Расчленение воспринимаемого явления на части, соответствующие правовым категориям, позволяет сформировать intersубъективный образ достоверного явления, который может быть адекватно описан в юридическом акте и благодаря этому стать доступным правосудию. Но является ли акт создания intersубъективного образа первичным актом формирования достоверного знания? Можно ли утверждать, что, созерцая некоторое

явление или предмет, эксперт с самого начала воспринимает его расчлененным на достоверное и ложное?

Следует уточнить, что свойства, соответствующие достоверности, не совпадают с сущностями, выделяемыми посредством операций отграничения или путем противопоставления. Например, первичное восприятие всегда предшествует конечному восприятию в модусе достоверности. Воспринятое должно быть определено в очевидных, основанных на восприятии, суждениях. Оно есть в то же время предполагаемое и полагаемое. Рефлексия восприятия находится в единстве резюмируемой достоверности. Она конституируется через многообразие фаз и ретенций восприятия.¹ Достоверность – это не просто рефрен указательной артикуляции восприятия, но и носитель свойств и отношений. Точно так же как свойство, сопоставляемое предикату, представляет собой результат исследования и характеристику объекта.

Поставим вопрос иначе, что именно видит эксперт, когда он констатирует достоверное. Раскладывает ли он воспринимаемое на две составляющие — на объект, сведения о котором могут быть ложными, а он может находиться в том или ином состоянии, обладать тем или иным свойством достоверности. Предположим, первая познавательная фаза, которую он производит, складывается из формирования в восприятии двух сущностей – достоверности и недостоверности. Можно ли из этих сущностей выбрать безошибочную определенность? Очевидно, нет: из представлений о достоверности невозможно сложить представление о ложности. Поскольку каждая из них содержит элемент, несовместимый с противоположной сущностью. Обособленно друг от друга достоверность и ложность не имеют составляющих, которые могут быть выделены по отдельности. В

¹ Ретенция (от retention – удержание) – термин, введенный Эдмундом Гуссерлем и описывающий способность сознания распознавать не только текущие, но и предшествующие восприятия. См.: Гуссерль Э. Собр. соч. Т.1. Феноменология внутреннего сознания времени. М., 1994.

достоверности нельзя выделить структурной единицы, непосредственно отсутствующей в акте категориального созерцания.

Достоверность, строго говоря, невозможно обозначить по-иному, потому что она соответствует общепризнанной категории языка, и выполняет функции субъекта и предиката. Условно ее можно назвать сущностью, находящейся в определенном состоянии. Но это наименование неточно, поскольку заранее объективно достоверного свойства эксперт не усматривает и заранее видеть не может в момент восприятия сущности. Он может выделить ее из общего массива восприятия до того, пока не обратится другой сущности состояния объекта. Предположим, что объект находится только в двух состояниях «достоверном» и «недостоверном». Эти состояния фиксируют результаты череды актов познания, начинающейся от понимания несовпадений и совпадений обеих сущностей: сущность-состояние, которая впоследствии может быть понята как «достоверное», противопоставляется сущности-состоянию, которая совпадает с «недостоверностью». Сущности-состояния выявляются экспертом в ходе рационального осмысления различий. Выполнение этой операции требует особой установки сознания, нацеливающей на выделение составных единиц, которые фиксируются при соблюдении следующих условий: во-первых, в одном и том же объекте они не могут быть совмещены; во-вторых, они не могут быть оценены по отдельности, ибо воспринимаются как взаимоисключающие части единого целого. Эксперт выделяет нечто, которое потом будет обозначено понятием «достоверное» посредством выявления в ходе восприятия структурных элементов, не существующих друг от друга отдельно.

Обычное понимание достоверности, как чего-то самотождественного, несмотря на изменение характеризующих предмет, как о единую сущность, сохраняющуюся несмотря на смену его состояний. Если не будет постоянно воспроизводимой смены взаимно-отличающихся сущностей, то не будет и достоверности. Вместо единой, индивидуальной субстанции достоверность

предстает как целое, имеющее постоянную основу, состоящую из частей, сопоставимых с противоположными сущностями – недостоверности. Определение (констатация) достоверности предполагает определенный способ концентрации внимания на том, что в настоящий момент является предметом непосредственного восприятия. Каждая сущность воспринимается как одна из двух в качестве одной из противоположностей.

Таким образом, первичная структуризация предмета экспертного исследования приводит к выделению категориальных сущностей – единиц знания о достоверности, формируемых в ходе выполнения операции различения при наличии соответствующей установки сознания. На следующем этапе познания, применив операцию абстрагирования, выделяют характеристики достоверности. И именно этот, трансформированный, образ объекта, как правило, осознается экспертом в качестве главного образа познаваемой реальности. Достоверность выводится из непосредственного созерцания, и предстает в качестве завершенного образа в соответствии с субъектно-предикатной схемой, вытекающей из экспертного задания.

На уровне процессуальных отношений акту разновидность созерцания, которым формируются исходные пункты знания, соответствуют не отдельно взятые предположения, описываемые путем указания на их внутреннюю структуру, а констатация взаимоисключающего характера свойств элементов достоверного и ложного. Именно выделение первичности этих элементов исходного знания как взаимоисключающих сущностей, являющихся частями соотношения, в пределах которого они взаимно противопоставляются и фиксируются, как неразложимое на отдельные составляющие и есть выражение достоверности.

Подводя итог сказанному, следует признать, что анализ структуры понятия достоверности убеждает в том, что для превращения реального объекта в предмет достоверного знания, непосредственно данного эксперту в акте созерцания и осознаваемый им как обладающий различимыми

характеристиками, необходимо выполнить познавательные операции, объединяющие в себе два момента. С одной стороны, осуществление акта чувственного восприятия, с другой, определенный способ концентрации внимания на воспринимаемом. Эксперт, как правило, оперирует с многомерными образами, в форме которых объединены результаты многих познавательных операций. Сложная, интегральная форма многомерных сущностей возникает в итоге последовательного выполнения элементарных познавательных актов. Большинство познавательных актов невозможно осуществить, если материал экспертного восприятия не достоверен в том или ином виде, или части. Фундаментальную роль в формировании достоверного знания играют познавательные акты, с помощью которых производится первоначальная структуризация материала экспертного восприятия; в этот момент воспринимаемое становится предметом знания, осознается в виде сущности, обладающей рациональной формой, позволяющей отличить ее от других сущностей и подвести под категорию достоверного. Акт на основе экспертного знания представляет собой осознаваемую процессуальную форму, фиксирующую содержание уже выделенной единицы знания, не изменяя ее характеристик.

Исходя из изложенной трактовки структура достоверного знания на уровне непосредственного восприятия включает познавательные операции, конституирующие процессуально допустимую форму предмета экспертного знания. Единственное, что позволяет констатировать достоверность – это альтернативные состояния исследуемых явлений, соответствующие противоположностям. Первичные характеристики структурных единиц достоверного знания формируются в момент экспертного восприятия, категориального созерцания. Процессуальная форма заключения эксперта предназначена для оформления материала экспертного восприятия; она определяется способом концентрации внимания эксперта на данных, предоставляемых ему от имени правосудия в сопоставлении с арсеналом

иных данных, имеющих в распоряжении эксперта. Тот факт, что объекты теоретического знания, хотя они и не являются предметом материального созерцания, тем не менее, наделены вполне определенными характеристиками, позволяющими выделить каждый из них и описать, как потенциальные объекты достоверного восприятия.

Это утверждение не может быть опровергнуто указанием на то обстоятельство, что многие теоретические объекты изначально вводятся как неопределенные сущности. Дело не в том, могут ли они стать предметом экспертного восприятия или нет, а в невозможности исследовать сущность, если она не имеет значения для правосудия. Ибо в сознании, как справедливо утверждал И. Кант, нет никакой данности. Его функция в процессе формирования достоверного экспертного знания состоит в структурировании и упорядочении материала, поставляемого правосудием. Границы достоверного знания определяются именно этим обстоятельством, такое знание возможно только об объектах, доступных восприятию правосудием. Представляется, однако, что своеобразие экспертного знания выражается в том, что всякая сущность, чтобы приобрести статус достоверности, должна рассматриваться так, как будто она является частью предмета доказывания.

При таком истолковании формализация научной теории достоверности уже не выглядит как искусственный прием, к которому приходится прибегать только в целях судопроизводства. Сама постановка задачи формализации достоверности экспертного знания приобретает глубокий содержательный смысл: она позволяет выявить и зафиксировать наиболее фундаментальные характеристики объектов экспертного исследования. Эти характеристики могут быть выявлены только в процессе экспертного восприятия. Для этого потенциальные объекты экспертных исследований должны быть актуально классифицированы с фиксацией характеристик их достоверности. Но, к сожалению, их нельзя описать и ввести с помощью каких-либо юридических средств, путем интерпретации правовых терминов

на все случаи жизни. Невозможно сформировать код универсума идеальных сущностей, обладающих процессуальной формой достоверности. Их можно выявить только на уровне практического экспертного знания и процессуально закрепить в заключении эксперта. Поэтому в идеале построение системы достоверного знания не может начинаться с введения алгоритмизированной комбинаций признаков достоверности.

Главное преимущество оперирования категорией достоверности состоит в том, что, поскольку ее признаки различимы и распознаваемы, все операции, производимые экспертом и правосудием, могут быть сформулированы однозначно. Достоверность в функционировании систем судебно-экспертного знания является императивом формализации теории в заключениях экспертов, интерпретируемых правосудием как универсалии познания и одновременно, деятельности. Вопрос заключается в том, какая из универсалий должна выполнять функции исходных элементов при построении методик экспертного исследования в контексте теорий материального и процессуального права. Представляется, что построения формализованных теорий достоверного знания, основанных на введении исходных методик экспертного исследования, если они будут реализованы, позволит более эффективно обеспечивать достоверность в судебно-экспертной деятельности.

§ 2. Нормативные правовые источники обеспечения достоверности судебно-экспертной деятельности

Для того, чтобы с уверенностью говорить о правовом принципе достоверности в нормативно-правовом смысле, необходимо проследить, как в нормативно-правовых источниках закреплён и реализован этот принцип и существует ли он вообще, как таковой. Отправным пунктом нашего обзора нормативного материала следует признать тот факт, что как ни странно, но

сам принцип достоверности в прямой постановке в законодательстве не упоминается. В уголовном, административном, гражданском и арбитражном процессуальном праве свойство достоверности доказательств упоминается лишь косвенно, что отмечалось многими авторами.¹ Законодательно практически нигде не раскрывается содержание понятия достоверности. Тем не менее, действующее законодательство содержит немало положений, из которых достоверность предстает именно как принцип, поэтому рассмотрим их.

Прежде всего, необходимо отметить, что категория достоверности является конституционно-правовой категорией, хотя она не упоминается в основном законе нашей страны, но в федеральном конституционном законе о референдуме² она присутствует. Согласно ч. 2 ст. 19 названного закона «заклучения экспертов... могут служить основанием для признания недостоверными сведений об участниках референдума». Понятие достоверности по конкретным делам неоднократно становилась предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации.³

Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» закрепляет, что «заклучение

¹ См.: Овсянников И.В. Проблема достоверности доказательств в доказательственном праве России // Современное право. 2004. № 7; Педенчук А.К. Проблемы обеспечения достоверности заключения судебного эксперта. М., 1992; Громов Н.А., Зайцева С.А. Оценка доказательств в уголовном процессе. М., 2002. С. 173. Григорьев И.А. Нормативно-правовое закрепление принципа достоверности судебно-экспертной деятельности // Закон и право. 2018. № 3. С. 146-153.

² Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации».

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.02.2009 № 4-П "По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и ч. 4 ст. 28 Закона Российской Федерации "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании" в связи с жалобами граждан Ю.К. Гудковой и др.// Российская газета. 18.03.2009. № 45; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.03.2017 № 592-О "По жалобе гражданина Данилюка С. А. на нарушение его конституционных прав п. 5 ч. 2 ст. 246 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и ч. 16 ст. 24.18 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации».

эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных» (ст. 8).¹ Как видим, законодатель отделил от «достоверности» категорию «обоснованности», насколько точным является такое разделение, далее остановимся подробнее. Но здесь отметим лишь то, что понятие «достоверность» употребляется, как ключевое свойство конечного результата экспертной деятельности и, следовательно, оно является императивным (или принципиальным) для всей судебно-экспертной деятельности.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации содержит ст. 67 «Оценка доказательств», согласно которой суд оценивает «достоверность каждого доказательства в отдельности» (ч. 3 ст. 67). При оценке документов или иных письменных доказательств суд оценивает «тождественность копии документа и его оригинала» (ч. 6 ст. 67), устанавливает «подлинное содержание оригинала документа» (ч. 7 ст. 67). Следовательно, гражданско-процессуальный закон дополняет категорию достоверности дополнительными признаками «тождественности» и «подлинности».

В исторической ретроспективе в советском процессуальном законодательстве достоверность упоминалась, как свойство доказательств (ст. 314, 331 ГПК РСФСР 1964 г.; ст. 352, 380 УПК РСФСР 1960 г.). Примерно в таком же контексте оно присутствовало в ст. 178, 190 АПК РФ 1995 г. Ныне категория достоверности, хотя и не вошла в кодексы, но, тем не менее, применяется как ключевое понятие доказательственного права согласно позициям высших судебных инстанций страны. Так, Пленум Верховного Суда Российской Федерации указывал судам: обвинительный

¹ Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

приговор должен быть постановлен на достоверных доказательствах¹; в определении или постановлении о возвращении дела для дополнительного расследования недопустимо предрешать вопросы о достоверности или недостоверности того или иного доказательства²; сомнения в отношении достоверности исследуемых доказательств необходимо разрешать путем сопоставления с другими установленными или бесспорными фактами, проверки правильности содержания и оформления документа, назначения в необходимых случаях экспертизы.³

Российское процессуальное законодательство предписывает органам правосудия оценивать доказательства с точки зрения достоверности (ч. 1 ст. 88 УПК; ч. 2 ст. 71 АПК; ч. 3 ст. 67 ГПК). Однако, как отмечалось в научной литературе, «законодатель, не дал каких-либо разъяснений того, чем достоверное доказательство отличается от недостоверного»⁴. В частях 2 - 4 ст. 88 УПК содержится описание процессуальных процедур признания доказательств недопустимыми, однако там не указаны правила признания доказательств недостоверными. Кроме того, в уголовном, гражданском и арбитражном процессуальных кодексах не раскрывается содержание понятия достоверности доказательств. Возможно в связи с этим, в отечественной процессуальной науке не сформировалось единства в понимании и применении категории «достоверность», ее соотношении с другими

¹ Пункт 4 Постановления № 1 Пленума Верховного Суда РФ от 29.04.96 «О судебном приговоре» // Российская юстиция. 1996. № 7. С. 54.

² Пункт 15 Постановления № 84 Пленума Верховного Суда РФ от 08.12.99 "О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования" // Российская юстиция. 2000. № 2. С. 54.

³ Пункт 19 Постановления № 3 Пленума Верховного Суда РФ от 14.04.88 «О применении норм ГПК РСФСР при рассмотрении дел в суде первой инстанции».

⁴ Овсянников И.В. Вероятное знание в судебном и экспертном исследованиях по уголовным делам. М., 2000.

категориями «достаточность», «истинность», «вероятность», «объективность», «аутентичность» и др.¹

Однако категория достоверности является ключевой в законодательных актах, посвященных контрольной деятельности государства и общества. Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации»² определяет, что «Члены Коллегии Счетной палаты несут персональную ответственность за достоверность отчетов и заключений по результатам проведения контрольных и экспертно-аналитических мероприятий» (ст. 17 ч. 2). Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»³ ст. 23 (ч. 2) «Права и обязанности общественного эксперта» указывает на то, что итоговый документ «общественной экспертизы, должен содержать объективные, достоверные и обоснованные выводы о результатах общественной экспертизы». Федеральный закон «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований»⁴ устанавливает, что должностные лица контрольно-счетных органов обязаны «проводить контрольные и экспертно-аналитические мероприятия объективно и достоверно отражать их результаты в соответствующих актах, отчетах и заключениях» (ч. 4 ст. 14). Таможенный кодекс Таможенного союза⁵ обязывает проводить «таможенную экспертизу проб и образцов при соблюдении их допустимости и достоверности» (ст. 142, ч. 3).

¹ См.: Педенчук А.К. Проблемы обеспечения достоверности заключения судебного эксперта. М., 1992; Овсянников И.В. Вероятное знание в судебном и экспертном исследованиях по уголовным делам. М., 2000; Громов Н.А., Зайцева С.А. Оценка доказательств в уголовном процессе. М., 2002.

² Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» // СЗ. 2013. № 14. Ст. 1649.

³ Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» // СЗ. 2014. № 30. Ст. 4213.

⁴ Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 6-ФЗ «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» // СЗ. 2011. № 7. Ст. 903.

⁵ Таможенный кодекс Таможенного союза // СЗ. 2010. № 50. Ст. 6615.

Понятие достоверности, применительно к экспертной деятельности, достаточно широко применяется в подзаконных нормативных правовых актах. Например, согласно Указу Президента Российской Федерации, Российская академия наук выносит экспертные заключения, подтверждающие «достоверность памятной даты субъекта Российской Федерации».¹ Положением о государственной историко-культурной экспертизе² предусмотрено, что «эксперт (эксперты) несет ответственность за достоверность сведений, изложенных в заключении» (п. 19 пп. «д»). Аналогичная норма об ответственности эксперта за недостоверное заключение содержат порядок организации экспертизы лекарственных препаратов³, а также порядок медицинской помощи населению.⁴

Правила верификации достоверности «итоговых результатов» экспертизы отчета об оценке ценных бумаг, требованиях и порядке выбора саморегулируемой организации оценщиков содержатся в п. 3.14 Положения, утвержденного Минэкономразвития России⁵.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 4 августа 2010 г. № 983 «О рассмотрении предложений и инициатив, связанных с празднованием на федеральном уровне памятных дат субъектов Российской Федерации» // СЗ. 2010. № 32. Ст. 4300.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 15 июля 2009 г. № 569 «Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе» // СЗ. 2009. № 30. Ст. 3812.

³ Приказ Минздравсоцразвития России от 26.08.2010 № 753н «Об утверждении порядка организации и проведения этической экспертизы возможности проведения клинического исследования лекарственного препарата для медицинского применения и формы заключения совета по этике» // Российская газета. 6.09.2010. № 199; Приказ Минсельхоза России от 05.06.2012 № 311 «Об утверждении Правил проведения экспертизы лекарственных средств для ветеринарного применения и формы заключения комиссии экспертов» // Российская газета. 17.08.2012. № 189.

⁴ Приказ ФФОМС от 01.12.2010 № 230 «Об утверждении Порядка организации и проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию» // Российская газета. 2.02.2011. № 20.

⁵ Приказ Минэкономразвития России от 29.09.2006 № 303 «Об утверждении Положения о порядке проведения экспертизы отчета об оценке ценных бумаг, требованиях и порядке выбора саморегулируемой организации оценщиков, осуществляющей проведение экспертизы» // БНА. 2006. № 46.

Достаточно оригинальная трактовка достоверности экспертизы автотранспортных средств в целях определения стоимости восстановительного ремонта и оценки содержится в методических рекомендациях Минюста России для судебных экспертов. В них сказано: «информация считается достоверной, если соответствует действительности и позволяет пользователю заключения эксперта делать правильные выводы о характеристиках, исследованных экспертом при проведении экспертизы и сделанных экспертом выводах, и принимать базирующиеся на этих выводах обоснованные решения».¹ Можно конечно усомниться в том, что в каждом случае достоверности заключения эксперта «пользователь» сделает правильные выводы и примет обоснованные решения. Дело в том, что исполнитель-эксперт, в том числе руководитель экспертного учреждения, лишены возможности заранее предвидеть и определить правильность того, как в правоприменении будут использованы результаты экспертизы. Сама категория правильности не имеет определенного юридического содержания и может толковаться весьма субъективно. Поэтому дальнейшее совершенствование этой методики может быть продолжено и найдены более определенные критерии достоверности экспертизы.

Вопросы достоверности результатов экспертизы в равной степени относятся к финансовой экспертизе. В этой сфере ведомственное нормотворчество оперирует более емкими критериями достоверности. Согласно ст. 161 Бюджетного кодекса Российской Федерации, Федерального закона "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд" изданы

¹ Исследование автотранспортных средств в целях определения стоимости восстановительного ремонта и оценки. Методические рекомендации для судебных экспертов (утв. Минюстом России в 2013 г.; утратили силу с 01.01.2019 г.).

соответствующие приказы Минфина России¹ и ФАС России², в частности, п. 3.1.2.1. предусматривает, что «результат проверки достоверности определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта оформляется в виде экспертного заключения о достоверности (положительное заключение) или недостоверности (отрицательное заключение) определения начальной (максимальной) цены контракта, цены контракта». Таким образом, здесь вводится система двойной экспертизы – первоначальной и проверочной на предмет достоверности результатов предыдущей. На наш взгляд, здесь проявляется чисто бухгалтерско-бюрократический подход, поскольку при отсутствии ясных критериев череда повторных экспертиз не гарантирует достоверности. Представляется, что в этой так же как и в других областях нужны конкретные материальные и процессуальные критерии достоверности результатов экспертиз.

Например, рациональную попытку сформулировать подобные критерии применительно к отраслевым экспертизам в области связи обнаруживается в методике Мининформсвязи России, в которой достоверность связывается конкретными параметрами: «основное средство; сведения об уровне цен, опубликованные в специальной литературе или размещенные в сети "Интернет"; экспертные заключения о текущей (восстановительной) стоимости объектов основных средств, иные достоверные источники, включая договоры на поставку средств связи» (п. 3.14).³ Разумеется, и эти критерии трудно считать исчерпывающими,

¹ Приказ Минфина России от 30.12.2015 № 221н «О порядке учета территориальными органами Федерального казначейства бюджетных и денежных обязательств получателей средств федерального бюджета».

² Приказ ФАС России от 13.03.2017 № 295/17 «Об утверждении регламента взаимодействия структурных подразделений центрального аппарата Федеральной антимонопольной службы по осуществлению закупок товаров, работ, услуг».

³ Приказ Мининформсвязи России от 24.05.2006 № 66 «Об утверждении Методики расчета экономически обоснованных затрат и нормативной прибыли на услуги присоединения и услуги по пропуску трафика и на универсальные услуги связи» // БНА. 19.06.2006. № 25.

особенно в части оценки достоверности по сведениям из литературы и интернета, вполне позитивно, что здесь заключение эксперта расценивается, как изначально достоверный источник информации. Аналогичный подход применяется в тарифном регулировании связи.¹

В области недропользования вопросы достоверности заключений экспертов увязаны с «полнотой представленных материалов, их качеством и объективностью», кроме того, оценка запасов полезных ископаемых напрямую увязывается с «предложениями и замечаниями экспертов» (п. 25).²

В методических указаниях Минкультуры России вопрос достоверности результатов экспертизы связывается материальным критерием – наличием «свидетельства об аккредитации экспертной организации и свидетельств об аттестации экспертов», подготовивших «заключение о правильности формирования начальной максимальной цены государственного контракта и достоверности определения стоимости работ».³

Наряду с материальными критериями существуют более сложные нематериальные субстанции – интеллектуальные критерии. Например, в области религиоведческой экспертизы достоверность экспертного знания поставлена в зависимость от «вероучения и соответствующей ему практики» религиозной организации (п. 11).⁴ Естественно, что в нормативном акте их сформулировать крайне трудно и поэтому нормотворчество идет по пути

¹ Приказ ФСТ России от 09.06.2006 № 122-с/1 «Об утверждении Методики расчета размера экономически обоснованных затрат и нормативной прибыли, подлежащих применению при формировании регулируемых тарифов на услуги общедоступной электросвязи» // БНА. 2006. № 31.

² Приказ Роснедр от 21.04.2005 № 450 «Об утверждении структуры и состава Государственной комиссии по запасам полезных ископаемых, Временного регламента проведения государственной экспертизы запасов полезных ископаемых, геологической, экономической и экологической информации о предоставляемых в пользование участках недр».

³ Письмо Минкультуры России от 25.01.2013 № 446-01-56/10-НМ «Методические указания по вопросам реализации федеральной целевой программы «Культура России (2012-2018)».

⁴ Приказ Минюста России от 18.02.2009 № 53 «О государственной религиоведческой экспертизе» // Российская газета. 13.03.2009. № 43.

научного религиоведческого авторитета членов экспертного совета по проведению государственной религиоведческой экспертизы.

В аудиторской деятельности вопросы достоверности результатов экспертиз увязываются с качеством документации, составленной в ходе проверок. Например, в методических рекомендациях Правительства России по ценовому аудиту инвестиционных программ достоверность заключения аудитора связана с достоверностью информации, на которой аудитор основывал свое заключение (п. 3).¹ Аналогичный подход применяется при аудите крупных инвестиционных проектов (п. 51)², а также в финансовом аудите в электроэнергетике (п. 9)³, в службе исполнения наказаний⁴, в государственном атомном надзоре (п. 7)⁵, в потребительском надзоре (п.82)⁶, врачебно-летней экспертизе⁷, в полиграфической экспертизе ценных бумаг⁸,

¹ Распоряжение Правительства РФ от 23 сентября 2016 г. № 2002-р «Об утверждении методических рекомендаций по проведению технологического и ценового аудита инвестиционных программ сетевых организаций...» // СЗ.2016. № 40. Ст. 5762.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2013 г. № 382 «О проведении публичного технологического и ценового аудита крупных инвестиционных проектов с государственным участием и о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ. 2013. № 20. Ст. 2478.

³ Распоряжение Правительства РФ от 23.09.2016 № 2002-р «Об утверждении методических рекомендаций по проведению технологического и ценового аудита инвестиционных программ сетевых организаций, отнесенных к числу субъектов электроэнергетики...» // СЗ. 2016. № 40. Ст. 5762.

⁴ Приказ ФСИН России от 29.09.2015 № 864 «Об утверждении Порядка организации и осуществления внутреннего финансового контроля в Федеральной службе исполнения наказаний».

⁵ Приказ Ростехнадзора от 08.10.2014 № 453 «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору государственной услуги по лицензированию деятельности в области использования атомной энергии».

⁶ Приказ Роспотребнадзора от 18.07.2012 № 775 «Об утверждении Административного регламента... по выдаче на основании результатов санитарно-эпидемиологических экспертиз, расследований, обследований, исследований, испытаний и иных видов оценок...» // Российская газета. 03.10.2012. № 227.

⁷ Приказ Росавиакосмоса от 24.06.2003 № 80 «Об утверждении Федеральных авиационных правил "Врачебно-летняя экспертиза авиационного персонала экспериментальной авиации» // БНА. 2003. № 51.

⁸ Приказ Минфина России от 07.02.2003 № 14н. «Регламент работы Экспертной комиссии по рассмотрению материалов, представленных для получения лицензий на

в сфере финансирования капитального строительства объектов обороны¹, в области специальной оценки условий труда², в экологической сфере при проведении экспертизы выбросов парниковых газов³, в аудиторской деятельности, связанной с компьютерной обработкой данных.⁴

В судебной-психиатрической экспертизе оценка достоверности заключения эксперта является «исключительной прерогативой лица (органа), ведущего производство по уголовному или гражданскому делу».⁵ В некоторых из вышеприведенных источников по другим видам экспертиз это положение также присутствует. Однако обращает на себя внимание тот факт, что наделение правом констатации достоверности ограниченного круга правоприменителей, которые к тому же наделены исключительными полномочиями оценки результата экспертизы по своему внутреннему убеждению, по сути, сводит проблему достоверности к простой антитезе – «могут принять, а могут и не принять», даже если заключение достоверно.

Подытоживая обзор законодательных и подзаконных источников норм, регламентирующих оценку достоверности результатов экспертиз, нельзя не

осуществление деятельности по изготовлению защищенной от подделок полиграфической продукции, в том числе бланков ценных бумаг...» // БНА. 2003. № 15.

¹ Приказ Минобороны России от 06.07.2012 № 1700 «Об утверждении Административного регламента... по проведению государственной экспертизы проектной документации, результатов инженерных изысканий и проверки достоверности определения сметной стоимости капитального строительства объектов обороны...» // БНА. 2013. № 4.

² Приказ Роструда от 02.06.2014 № 199 «Об утверждении рекомендаций по организации и проведению проверок соблюдения требований Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» организациями, уполномоченными на проведение специальной оценки условий труда»; Приказ Миннауки России от 07.10.1992 № 611 «О доплатах за неблагоприятные условия труда работникам системы Комитета по высшей школе».

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 апреля 2015 г. № 716-р «Об утверждении Концепции формирования системы мониторинга, отчетности и проверки объема выбросов парниковых газов» // СЗ. 2015, № 18, ст. 2737.

⁴ Правило (Стандарт) аудиторской деятельности «Аудит в условиях компьютерной обработки данных» (одобрено Комиссией по аудиторской деятельности при Президенте Российской Федерации 22.01.1998 Протокол № 2) // Аудиторские ведомости. 1998. № 3.

⁵ Письмо Росздравнадзора от 02.06.2005 № 01И-242/05.

обратить внимания на то, что в них не выработано единых критериев и подходов к оценке достоверности экспертного знания. В основном, в нормативных источниках достоверность используется как абстрактное понятие, которое и эксперты, и правоприменители могут трактовать по своему усмотрению, применительно к ситуативным правоотношениям.

В международном праве понятие достоверности используется весьма широко. Эта категория упоминается в более чем 2120 международно-правовых актах, действие которых распространяется на Российскую Федерацию. Обращает на себя внимание тот факт, что достоверность, как правовой принцип, наиболее часто встречается в документах Союза Беларуси и России (далее – Союзного государства), Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) и СНГ.

Так, принцип достоверности бюджета Союзного государства «означает соответствие показателей основных приоритетов бюджетно-финансовой политики Союзного государства расчетам доходов и расходов бюджета Союзного государства».¹ В таможенном праве ЕАЭС достоверность определяется, как «количественно определяемая и документально подтвержденная информация».²

Как принцип достоверность применяется Межпарламентской Ассамблеей СНГ, он фигурирует в десятках принятых ею актов, например, в

¹ Постановление № XLVII-6 Парламентского Собрания Союза Беларуси и России «О проекте Декрета Высшего Государственного Совета Союзного государства «О Порядке формирования и исполнения бюджета Союзного государства» (Принято в г. Сочи 05.12.2014) // Информационный бюллетень Парламентского Собрания Союза Беларуси и России. 2014. № 3(52). С. 22, 96 - 128.

² Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (от 11.04.2017). Ст. 38, 40.

модельных законах: об электронном правительстве¹, о просветительской деятельности², о туристской деятельности³, об экологическом аудите⁴ и др.

Весьма показательно, что в модельных законах СНГ принцип достоверности прямо выделен как императив регулирования правоотношений в сфере экспертиз, в частности: экологической,⁵ общественной⁶, антинацистской⁷, историко-культурной⁸, антикоррупционной⁹, фармацевтической¹⁰, бухгалтерской¹¹ и др. Однако содержание этого принципа не раскрывается и отсутствует определение понятия достоверности.

В праве Европейского союза также обнаруживаются правовые установления о принципе достоверности. Упоминание о критериях достоверности имеется в Римском договоре.¹² Примечательно, что в ряде

¹ Модельный закон об электронном правительстве (Принят в г. Санкт-Петербурге 25.11.2016 Межпарламентской Ассамблеей СНГ).

² Модельный закон о просветительской деятельности (Принят в г. Санкт-Петербурге 07.12.2002 Межпарламентской Ассамблеей СНГ).

³ Модельный закон о туристской деятельности (Принят в г. Санкт-Петербурге 16.04.2015 Межпарламентской Ассамблеей СНГ).

⁴ Модельный закон об экологическом аудите (Принят в г. Санкт-Петербурге 29.11.2013 Межпарламентской Ассамблеей СНГ).

⁵ Модельный закон об экологической экспертизе (Принят в г. Санкт-Петербурге 20.05.2016 Межпарламентской Ассамблеей СНГ). Ст. 3.

⁶ Модельный закон об общественной экспертизе (Принят в г. Санкт-Петербурге 29.11.2013 Межпарламентской Ассамблеей СНГ). Ст. 2.

⁷ Модельный закон о недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников (Принят в г. Санкт-Петербурге 17.05.2012 Межпарламентской Ассамблеей СНГ). Ст. 12.

⁸ Модельный закон об охране нематериального культурного наследия (Принят в г. Санкт-Петербурге 29.11.2013 Межпарламентской Ассамблеей СНГ). Ст. 17.

⁹ Модельный закон об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (Принят в г. Санкт-Петербурге 17.05.2012 Межпарламентской Ассамблеей СНГ). Ст. 3.

¹⁰ Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 12.02.2016 № 46 "О Правилах регистрации и экспертизы безопасности, качества и эффективности медицинских изделий".

¹¹ Модельный закон о предпринимательстве (Принят в г. Санкт-Петербурге 27.11.2015 Межпарламентской Ассамблеей СНГ).

¹² Договор, учреждающий Европейское сообщество (Подписан в г. Риме 25.03.1957. Ред. 26.02.2001). Ст. 285, ч.2.

актов европейского права этот принцип частично раскрывается, или точнее – содержится попытка раскрыть этот принцип применительно к вопросам экспертной деятельности.¹ Например, в отношении психиатрической экспертизы министры Совета Европы исходят из того, что достоверность означает соблюдение стандартов медицинской экспертизы.² Как принцип юридической деятельности достоверность отмечается ст. 2.6.1. Кодекса профессиональной этики европейских юристов (ред. 19.05.2006).

В международно-правовых актах универсального характера достоверность встречается как требование к качеству определенной деятельности³ и как самостоятельный правовой принцип⁴. В некоторых случаях понятие достоверности имеет достаточно определенное толкование. Так, в отношении рекламной деятельности принцип означает, что «реклама не должна содержать заявлений и образов, которые непосредственно или косвенно, умышленно или по оплошности, за счет замалчивания, двусмысленности или преувеличений могут ввести в заблуждение потребителя, в частности по отношению к таким характеристикам».⁵ В ряде

¹ Директива № 2006/48/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О создании и осуществлении деятельности кредитных организаций»; Рекомендация Комитета Министров Совета Европы от 16.04.2014 № CM/Rec (2014)6 «О Руководстве по правам человека для пользователей Интернета»; Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями (CETS № 215. Заключена в г. Маглингене 18.09.2014. Подписана Россией согласно Распоряжению Правительства РФ от 18.09.2014 № 302-рп); Конвенция ЕС о процедуре общего транзита (Заключена в г. Интерлакене 20.05.1987) // Official Journal EU № L 226. 13.08.1987. P. 2.

² Рекомендация № Rec (2004) 10 Комитета министров Совета Европы «Относительно защиты прав человека и достоинства лиц с психическим расстройством». Ст. 34, п. 2.

³ Конвенция о правах ребенка (Заключена 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLVI.- М., 1993. С. 242–257; Конвенция ООН о договорах полностью или частично морской международной перевозки грузов – «Роттердамские правила» (Заключена в г. Нью-Йорке 11.12.2008).

⁴ Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010. М., 2013. С. 450-552.

⁵ Международный кодекс рекламной практики (Принят Международной торговой палатой в ред. 02.12.1986) // Закон. 1996. № 12. С. 54-57.

сфер отраслевого регулирования экспертной деятельности критерии достоверности раскрыты более подробно. Например, выделяется такой критерий как «использование достоверных научных данных для установления стандартов, руководящих указаний и других рекомендаций».¹ Достоверность результатов ветеринарной экспертизы определяется тем, что она выполнена «в соответствии с научным мышлением, принятым на настоящий момент» и зависит от «наличия стандартизированных лабораторных процедур и стандартизированных методов для интерпретации и регистрации данных».² В ряде случаев в международные организации универсального характера идут по пути подробной регламентации критериев достоверности соответствующих видов деятельности, в том числе экспертной.

Во внутригосударственном праве зарубежных стран достоверность как принцип встречается даже в конституционных актах. Этот принцип упоминается в ст. 46-2 Конституции Франции, ст. 10.1 Конституции Малайзии, ст. 53 Конституции Восточного Тимора и др.

Следовательно, в международно-правовом и сравнительно-правовом контексте принцип достоверности выглядит, как устоявшаяся данность, вошедшая в практику правовой регламентации. И для нашей страны использование этого позитивного зарубежного опыта является вполне приемлемым и весьма полезным.

Судебная практика в этом смысле имеет, хотя и более расширенное содержание, но все же оставляет не решенной проблему критериев достоверности. Так, Конституционный Суд Российской Федерации указал, что «закключение эксперта не имеет для судьи заранее установленной силы и

¹ CAC/GL 30-1999. Кодекс Алиментариус. Принципы и руководящие указания для проведения оценки микробиологического риска // Principles and Guidelines for the Conduct of Microbiological Risk Assessment (CAC/GL 30-1999).

² Ветеринарно-санитарный кодекс водных животных. Всемирная организация здравоохранения. 2013. Ст. 1.4.4, 1.4.5.

подлежит оценке в совокупности с другими доказательствами, в том числе объяснениями самого гражданина, - на основе внутреннего убеждения судьи в том, что отсутствуют основания для сомнений в достоверности, подлинности, профессиональном уровне и полноте заключения экспертов о характере и тяжести заболевания, о возможных последствиях болезни гражданина для его социальной жизни, здоровья, имущественных интересов, о том, какого рода действия он не может понимать и контролировать, и т.д. В случае возникновения сомнений в достоверности и полноте выводов, содержащихся в заключении эксперта, судья обязан назначить повторную экспертизу психического состояния гражданина».¹ Этому подхода придерживаются и российские суды общей юрисдикции.² В большинстве случаев российские суды обращали внимание главным образом на соблюдение процессуальных формальностей (подлинность подписи, печати и т.п.) при оценке достоверности заключения эксперта.³

В международном правосудии тема достоверности звучит в несколько ином ракурсе, в частности, Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ) во многих из своих решений сомневался в достоверности тех или иных доказательств, добытых в российской юрисдикции.⁴ Как правило, он

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.02.2009 № 4-П.

² Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14 декабря 2011 г.; Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // БВС. 2017. № 7.

³ Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14.12.2011) // БВС. 2012. № 3; Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 09.07.2013 № 158 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц».

⁴ Постановление ЕСПЧ от 07.03.2017 № 68059/13 V.K. v. Russia // Бюллетень ЕСПЧ. 2017. № 7. С. 106–128; Постановление ЕСПЧ от 21.06.2016 № 48023/06 Vasenin v. Russia // Бюллетень ЕСПЧ. 2017. № 4. С. 77–96; Постановление ЕСПЧ от 14.06.2016 № 42147/05 Urazov v. Russia // Прецеденты ЕСПЧ. 2017, апрель. № 4 (40). С. 11–29.

придерживался своей прецедентной доктрины оценки доказательств «вне разумных сомнений».

Большое внимание изучению роли судебной экспертизы в деятельности ЕСПЧ уделял Ш.Н. Хазиев¹. Многократно ЕСПЧ ставил под сомнение заключения российских экспертов, считая их выводы недостоверными.² Однако ни в регламентах ЕСПЧ, ни в его прецедентной практике до настоящего времени не создано нормативов и критериев достоверности при оценке доказательств.

Это позволяет нам утверждать, что проблема достоверности судебно-экспертной деятельности в международном правосудии столь же актуальна, как и в правосудии внутригосударственном.

Таким образом, нормативно-правовое регулирование и судебная практика не располагают до настоящего времени единой методологией и критериями оценки достоверности экспертного знания. Категория достоверности, как правило, отождествляется лишь с качественностью выполненного экспертного задания, но законодатель оставляет за рамками правового регулирования истинность и степень качества экспертной «работы» и ограничивается, в основном, только констатацией необходимости соблюдения экспертом процедурных, документационных формальностей, оставляя решение вопроса о достоверности за «приёмщиком работы» – судом или иным правоприменителем. При этом для оценки достоверности заключения эксперта российское законодательство не предлагает сколько-нибудь определенных критериев, приемов, способов или единых методик определения достоверности. Следовательно, проблема достоверности судебно-экспертной деятельности представляет собой до сих пор

1 Хазиев Ш.Н. Вопросы судебной экспертизы в деятельности Европейского суда по правам человека. М., 2009.

2 Постановление ЕСПЧ от 12.11.2015 № 30456/06 *Merezhnikov v. Russia* // Российская хроника Европейского суда. 2016. № 2. С. 118–124; Постановление ЕСПЧ от 15.01.2015 № 69842/10 *Albakova v. Russia* // Бюллетень ЕСПЧ. 2015. № 10. С. 86-96.

нерешенную правовую проблему и незавершенную область правовой регламентации судебно-экспертной деятельности.

§ 3. Принцип достоверности как методологический регулятор судебно-экспертной деятельности

Принципом в науке принято именовать первооснову знаний, исходный пункт руководства к действию¹. Можно ли считать принцип достоверности общим основанием и руководством для осуществления судебно-экспертной деятельности?

По-видимому, да, ведь достоверность – это центральное понятие системы производства судебной экспертизы, представляющее обобщение и распространение необходимости добиваться точного и твердого экспертного знания для целей правосудия. Достоверность, как внутренняя убежденность – достоинство в верности знанию, задает общую установку по отношению к нормам поведения и деятельности каждого эксперта. Тем не менее, как показано выше, этот принцип не выделен законодательно в качестве самостоятельного правового принципа. Поэтому, одна из целей настоящего исследования доказать, что это необходимо сделать, и особенно важно выделить этот принцип в федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

Достоверность в системе процессуальных принципов доказывания выделяли в отечественной научной литературе еще в советский период.² Однако о месте этого принципа в иерархии системы принципов доказательственного права по сей день не существует единогласия авторов.

¹ Большой энциклопедический словарь. М., 2002. С. 735; Юридический энциклопедический словарь. М., 1989. С. 347.

² Добровольская Т.М. Принципы советского уголовного процесса. М., 1973. С. 43; Стецовский Ю.И., Ларин А.М. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту. М., 1998. С. 59.

Одни считают все процессуальные принципы равнозначными.¹ Другие настаивают на том, что принцип права должен быть указан в Конституции или в конституционных законах.² Третьи высказываются о том, что существуют принципы, непосредственно составляющие самую суть процесса судопроизводства.³ Ряд ученых главенствующую роль в системе правосудия отводят именно принципу достоверности – «всестороннему, полному и объективному исследованию всех обстоятельств дела».⁴

1. В методологическом смысле принцип достоверности выступает в качестве исходного положения правосознания и учения о судебно-экспертной деятельности. Это основная руководящая идея, составляющая методологическую основу судебной экспертологии⁵. Вместе с тем, методологическая поляризация экспертного знания является специфической особенностью его применения в судопроизводстве. Не удивительно, что в судебном процессе стороны состязаются в том, как убедить суд принять точку зрения каждой из них. Различия в понимании экспертных результатов определяют качество решения по конкретному делу.

Методологическая поляризация по эмпирическим проблемам возникает в судопроизводстве на основе толкования логической связи между убежденностью сторон и противоречий в их суждениях относительно выводов эксперта. Причем эта поляризация сохраняется, несмотря на то, что по большинству гносеологических проблем существует научный консенсус в их понимании. Объяснение этого явления, по-видимому, представляет собой

¹ Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003. С. 114.

² Подольный Н.А. Система принципов уголовного судопроизводства как система нравственных ценностей // *Lex russica*. 2014. № 4. С. 432.

³ Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: Учебник. М., 2008. С. 60.

⁴ Пашкевич П.Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства. М., 1984. С. 80.

⁵ Россинская Е.Р. Современная судебная экспертология – наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // *Теория и практика судебной экспертизы*. 2015. №4 (40). С. 10-18.

самостоятельный предмет для отдельного исследования. Однако, используя методики и понятийный аппарат судебной экспертологии, можно выявить, что в конечном счете поляризация мнений о достоверности экспертизы сводится к трем основным причинам.

Во-первых, по эвристическим причинам анализа экспертной информации, которая может обрабатываться в двух режимах: а) беглом, ассоциативном режиме с использованием эвристического анализа слабого уровня; в) медленном, основательном и углубленном эвристическом проникновении в существо факта. В этой связи ряд зарубежных ученых считают эвристические причины основным фактом поляризации оценок экспертного знания¹, полагая, что концентрация степени внимания и различия в способах восприятия вполне может побудить правосудие недооценивать экспертное знание, если оно не основывается на чисто технических данных и естественнонаучных выводах.²

Во-вторых, поляризация мнений о достоверности результатов экспертизы связана с правовым конфликтом интересов участников процесса и связанной с этим мотивацией эксперта. Мотивированное рассуждение эксперта зачастую бывает объективно связано с определенной целью судебного доказывания, под которую вольно или невольно подгоняется результат экспертного исследования. При этом гарантии беспристрастности эксперта могут быть формально соблюдены. Кроме того, на результат экспертизы может влиять принадлежность эксперта к той или иной социальной группе, научной школе, и даже к определенной культурно-

¹ Loewenstein G. F., Weber E.U. Risk as feelings // *Psychological Bulletin*. 2001. № 127. P. 267–287; Stanovich K. E., West R.F. Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? // *Behavioral and Brain Sciences*. 2000. № 23. P. 645–665.

² Shenhav A., Rand D.G., Greene J.D. Divine intuition: Cognitive style influences belief in God // *Journal of Experimental Psychology: General*. 2012. № 141. P. 423–428; Sherman D. K., Cohen G.L. Accepting threatening information: Self-affirmation and the reduction of defensive biases // *Current Directions in Psychological Science*. 2002. № 11. P. 119–123.

нравственной парадигме восприятия и интерпретации действительности. Если суждение о некотором факте, важном для правосудия, связано с названными обстоятельствами, то перспектива поляризации оценок достоверности результатов экспертизы неизбежна. Таким образом, достоверность предстает как форма «самообмана идентичности», эксперты, подсознательно мотивированные, не могут противостоять эмпирическим доминантам своего круга экспертного знания.

В-третьих, поляризация мнений о достоверности результатов экспертизы имеет динамическое происхождение на стыке идеологии и свойств личности. «Карательное правосудие», «авторитарный стиль», «бюрократизация» и др. черты судопроизводства, возникающие в действительности, определяют познавательный стиль судебной экспертизы. Они могут порождать оценки достоверности экспертного знания в стиле рефлексированной консервативности к эмпирическим доказательствам, либо во враждебном критичном восприятии их по отношению к господствующим в обществе идеологическим предпочтениям.¹ Подобные доминанты экспертного знания подтверждаются историческими фактами становления и развития судебно-экспертной деятельности, но при этом относительно мало исследований о том, как они соотносятся друг с другом и каковы движущие силы, соединяющие экспертное восприятие и идеологию.

Таким образом, принцип достоверности в методологическом смысле направлен на то, чтобы способствовать необходимому и достаточному процессу экспертного исследования путем гипостазированного² учета всех

¹ Jost J.T., Glaser J., Kruglanski A.W. Political conservatism as motivated social cognition // *Psychological Bulletin*. 2003. № 129. P. 339–375; Kahan D.M. Ideology, Motivated Reasoning, and Cognitive Reflection // *Judgment and Decision Making*. 2013. № 8. P. 407-424.

² Гипостазирование – это овеществление абстрактных сущностей, возведение их в ранг самостоятельно существующих в пространстве и времени объектов, наделение их свойствами реальных предметов и признаками реального существования.

трех факторов поляризации мнений о достоверности результатов экспертизы. Осознанное рассуждение эксперта воспринималось правосудием как знание эвристически безупречное, мотивированное исключительно коррелятами беспристрастного процесса познания, лишенное всякой субъективной предвзятости и преднамеренного искажения. В этом усматривается методологическая сила и значение принципа достоверности.

2. В логическом смысле принцип достоверности – это обобщение и распространение положений о том, что результат деятельности эксперта должен быть достоверным. Достоверность есть центральное понятие, основание экспертной системы. Это понимание распространяется на все явления судебно-экспертной области, начиная от исходных данных положенных в основу экспертного изучения, кончая выводами эксперта, представляемых правосудию.

Восходящий к Аристотелю взгляд на логику, согласно которому оценка достоверности суждения подчиняется законам дедукции¹, тогда как доказывание в судебном процессе подчиняется законам индукции, вызывает когнитивную проблему различия дедуктивной и индуктивной логики в оценке достоверности экспертного знания. Считается, что они разделяют характеристики познания в том смысле, что сделанные на их основе выводы не зависят от предметного содержания, юридического или эмпирического. Они дают правосудию возможность расширить экспертное знание по сравнению с тем, что дает наблюдение, оба логических закона накладывают на экспертное знание печать надежности, правдоподобия, безусловной достоверности. Однако, как дедуктивные, так и индуктивные выводы могут быть дискредитированы. То, что, по мнению эксперта, было дедуктивно важным может быть опровергнуто индуктивными посылками обобщения разрозненных доказательств, полученных в судебном процессе.

¹ Аристотель. Сочинения. В 4-х т. М., 1978. Т. 2.

Следовательно, дедуктивная логика эксперта не имеет никакой творческой или регулятивной силы в рамках судопроизводства. Дедуктивные выводы не являются демонстрацией доказательств, они всего лишь способны передать довод, но не ввести ясность истины. Тем не менее, принцип достоверности применяется не только к дедуктивно и индуктивно достоверным выводам, но и к тем, которые называются абдуктивными.

Логика правосудия не состоит из чисто формальных правил, она допускает неформализованные выводы суда, обобщающего частные случаи (индукция перечисления). Считая убедительным и даже неопровержимым усмотрение суда, процессуальное право опровергает убедительность логического значения доказательств, даже если эмпирические данные неоспоримы. В то же время недемонстративные выводы могут быть и рациональными, и достоверными. Недемонстративный вывод – догадка, интуитивное рассуждение могут быть положены в основу акта правосудия.

Роль логики в процессуальном доказывании – вполне позитивная, она сводится к исключению недостоверных догадок. Поэтому принцип достоверности облегчает решение логической проблемы соотношения дедукции и индукции. Отказавшись от предрассудка, будто бы экспертное знание нуждается в особом оправдании или обосновании, достоверность предстает как уже логически обоснованный процессуальный элемент. Основополагающее теоретическое значение принципа достоверности состоит в том, что сама по себе достоверность, как идея, не нуждается в доказывании, и не требует дополнительной аргументации. Достоверность – это аксиома или методологический постулат устройства системы экспертного знания.

3. В субъективном смысле принцип достоверности определяет внутреннее убеждение эксперта, определяющее его отношение к своей работе и ее общественному результату – сведениям, которыми руководствуется правосудие. Этот принцип работы, так сказать, максима, характеризует отношение экспертов к правосудию как социальной среде.

Достоверность, следовательно, это этическая норма поведения эксперта. Она одновременно является исходной точкой и руководящим началом, как для познавательной деятельности эксперта, так и практической реализации результатов этой деятельности в судопроизводстве. Кроме того, принцип достоверности раскрывает особенности способа выполнения процессуальных требований в судебно-экспертной деятельности.

До появления новейших экспертных технологий, например, анализа ДНК, электронного микроанализа, применения полиграфа и др., считалось, что риск субъективных ошибок экспертов не существенен. Особенно такой взгляд относился к самоочевидным случаям, когда участники процесса не ставят под сомнение выводы эксперта. Вместе с тем, закон всегда признавал возможность ложных заключений экспертов и устанавливал за дачу заведомо ложных заключений уголовную ответственность. Однако по мере внедрения новых методик экспертных исследований во всех правовых системах вскрываются недостатки «непогрешимости правосудия» в виде судебных ошибок и использование заведомо ложных заключений экспертов.¹ Неправомерные субъективные оценки и ложные выводы становятся широко признанными проблемами правосудия. Суды не во всех случаях могут выявить ложное заключение эксперта. Тем не менее, такая практика существует, и во всех системах правосудия суды оценивают допустимость заключения эксперта с точки зрения оценки надежности этого доказательства наряду с оценкой степени доверия к личности эксперта либо к экспертному учреждению.

В тоже время суды не всегда способны выявить ложность заключений без помощи дополнительной экспертизы, зачастую отложенной по времени и территориальности. Так, широкое применение новейших технологий анализа

¹ Cutler B., Findley K.A., Loney D. Expert Testimony on Interrogation and False Confession // Legal Studies Research. 2016. № 1256.

ДНК¹ вскрыло массу случаев осуждения невиновных, оговоривших себя, наряду с тем, что имелись соответствующие заключения экспертов. В частности, в США по основаниям дополнительно проведенной экспертизы ДНК за минувшее десятилетие регистрируется ежегодно от 6 до 16 % случаев реабилитации осужденных.² Поскольку признание рассматривается как «царица доказательств», не только в отечественном, но и в зарубежном правосудии, риск судебных ошибок значителен повсеместно. Поэтому допустимость заключения эксперта стала все более и более важной проблемой правосудия международного масштаба. Имеется обширная зарубежная литература по исследованию самоговора («ложным признаниям») в связи неправомерными выводами экспертов и принуждению к самоговору.³

Эксперты не во всех случаях могут быть субъективно подготовлены в вопросах научных дисциплин. Содержание их выводов может изменяться от случая к случаю и от эксперта к эксперту. Эксперты могут иметь разные целевые установки. Одна цель состоит в том, чтобы открыть суду научные данные, предоставив состав и структуру соответствующего знания, чтобы суд мог оценить факты по конкретному делу. Но такая, в большинстве случаев законная и полезная, целевая установка имеется не всегда. Эксперт может дать ложные мнения об определенном факте, исходя из ложных данных, имевшихся в его распоряжении. В отечественной литературе

¹ Хорошева А.Е. Криминалистические проблемы исследования и оценки заключения молекулярно-генетической экспертизы в судебном разбирательстве уголовных дел // *Российский следователь*. 2017. № 7. С. 11 - 14.

² Garrett B.L. *Judging Innocence* // *Columbia Law Review*. 2017. № 108. P. 55, 88.

³ Kassin S.M., Sukel H. *Coerced Confessions and the Jury: An Experimental Test of the «Harmless Error» Rule* // *Law & Human Behavior*. 1997. № 21; Redlich A.D., Ghetti S., Quas J.A., *Perceptions of Children During a Police Interview: A Comparison of Suspects and Alleged Victims*, // *J. Applied Soc. Psych.* 2008. № 38; Henkel L.A. *Jurors' Reactions to Recanted Confessions: Do the Defendant's Personal and Dispositional Characteristics Play a Role* // *Psychology, Crime & Law*. 2016. № 14; Mnookin J. *Idealizing Science and Demonizing Experts: An Intellectual History of Expert Evidence* // *Villanova Law Review*. 2007. Vol. 52. № 101. P. 101–136.

субъективный аспект недостоверности также рассматривался, в частности, следует согласиться с мнением профессора Е.Р.Росинской о том, что «заведомо ложное заключение – это умышленное действие, направленное на сознательное и целенаправленное игнорирование или умалчивание при исследовании существенных фактов и свойств объекта экспертизы»¹.

Кроме того, «причина ошибочности экспертного заключения может быть не только в допущенных экспертом ошибках. Экспертное исследование может быть выполнено безупречно, сделанные выводы полностью соответствуют полученным результатам. Но если исходные данные были ошибочными или исследуемые объекты не имели отношения к делу, были фальсифицированы, то и заключение эксперта по делу окажется ошибочным»².

4. В объективном функциональном значении достоверность представляется, как основа устройства или функционирования любого вида экспертной деятельности. После того как принцип достоверности будет сформулирован в законе, он станет исходным пунктом объяснения того, как понимать вообще всякое доказательство, выводимое из мнений и заключений о фактах, из чего надо исходить правосудию и чем нужно руководствоваться в оценке судебно-экспертной деятельности. В настоящее время, как показано выше термин «достоверность» лишь упоминается в законодательстве в связи экспертной деятельностью. Поэтому законодательно еще предстоит раскрыть этот принцип применительно к каждой конкретной функции эксперта с разбивкой функциональных значений по видам судебных экспертиз.

5. Место принципа достоверности в системе принципов правосудия и судебно-экспертной деятельности двояко, он одновременно выступает как исходный пункт всякого познавательного процесса доказывания (*principia*

¹ Росинская Е.Р. Ошибки судебной экспертизы: классификация, выявление, предупреждение // Союз криминалистов и криминологов. 2014. № 2. С. 133.

² Росинская Е.Р. Там же. С. 142.

essendi) и в тоже время это принцип бытия (*principia cognoscendi*) всей системы производства экспертизы и судебного разбирательства. Для отечественной правовой системы в целом принцип достоверности обнаруживает своё межотраслевое значение. Он в равной степени ценен, как для уголовного, так и для гражданского процесса и других отраслей. По сути, в любой сфере правосудия обнаруживаются проявления достоверности. Ведь правосудие невозможно без правды суждений или знаний, воспринимаемых как достойные веры. Поэтому достоверность обнаруживает межотраслевой нелинейный субординационный характер в правовой системе. Ведь в существовании подобных межотраслевых принципов нет ничего необычного и нового, об этом не раз говорили теоретики права.¹

В системе принципов права достоверность, как ключевая идея верности, достоинства и доказательственного (состязательного) характера деятельности судебной власти следует из норм Конституции Российской Федерации², в частности ст. 46, 47, 48, 49, 50, 118, 120 и др. Межотраслевое значение принципа достоверности состоит в том, что его смысловое содержание не меняется в зависимости от законодательной формы его закрепления. Он имеет одинаковую ценность в достижении целей судопроизводства любого вида, представляет собой правовое положение общесистемного и руководящего значения.

Этот принцип не конкурирует с отраслевыми принципами права и тем более не противоречит им, поскольку плавно вписывается в них как элемент системы, будь то уголовный процесс³ или гражданский процесс¹, арбитраж

¹ Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1976. С. 126; Борисов Г.А. Теория государства и права: Учебник. Белгород, 2007. С. 164-165.

² Конституция Российской Федерации // Российская газета от 25 декабря 1993 г. № 237.

³ Добровольская Т.М. Принципы советского уголовного процесса. М., 1973; Лавдаренко Л.И. Принцип свободы и личной неприкосновенности в уголовном судопроизводстве: Монография. Иркутск, 2016; Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. СПб., 2004;

или оперативно-розыскная деятельность. Везде функционирование принципа достоверности актуально и значимо наряду с другими принципами системы. Следует согласиться с тем, что «обладая высокой степенью общности, опосредуясь в других правилах, принципы синхронизируют всю систему процессуальных норм и придают глубокое единство механизму уголовно-процессуального воздействия. Именно такая взаимосвязь общих и конкретизирующих норм обеспечивает единство процессуального порядка по всем уголовным делам и соблюдение законности в уголовном судопроизводстве».² Принцип в системе права не может быть исключением из правил³, в тех случаях, когда изменения норм и институтов идут вразрез с принципами существующей модели судопроизводства, это неизбежно приводит к ее ломке либо к деформации.⁴ Однако благодаря неделимости системы она обладает способностью к сохранению своей целостности, самовосстановлению.⁵

Таким образом, методологическое значение принципа достоверности состоит в его универсальности как атрибутивного элемента судебно-экспертной деятельности, независимо от различий классов, родов и видов, типизации их объектов, задач, методов экспертного исследования, а также материальных ситуаций и процессуальных форм использования возможностей этого принципа в судопроизводстве.

Михайловская И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма). М., 2003; Уголовное судопроизводство: теория и практика / Под ред. Н.А. Колоколова. М., 2015; Чередниченко Е.Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации. М., 2007.

¹ Решетникова И.В. Конкуренция принципов в цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2013. № 5. С. 10-20.

² Громов Н.А., Николайченко В.В. Принципы уголовного процесса, их понятие и система // Государство и право. 1997. № 7. С. 34.

³ Проценко В. Критерий систематизации принципов уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2005. № 1 - 2. С. 87.

⁴ Головкин Л.В. О проблемах российского уголовного процесса // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2014. № 1. С. 76.

⁵ Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс. М., 2008. С. 70.

Выводы по 1-й главе

1. Необходимость выведения в праве категории достоверности состоит в том, что, поскольку ее признаки различимы и распознаваемы, все операции, производимые экспертом и правосудием, могут быть сформулированы однозначно а, следовательно, достоверность в функционировании систем судебно-экспертного знания является императивом формализации теории в заключениях экспертов, интерпретируемых правосудием как универсалии познания и одновременно, деятельности. Вопрос заключается в том, какая из универсалий должна выполнять функции исходных элементов при построении методик экспертного исследования в контексте теорий материального и процессуального права. Поэтому построение формализованных теорий достоверного знания, основанных на введении исходных методик экспертного исследования, если он будет реализован, позволит более эффективно обеспечивать достоверность в судебно-экспертной деятельности.

2. Нормативно-правовое регулирование и судебная практика не располагают до настоящего времени единой методологией и критериями оценки достоверности экспертного знания. Категория достоверности, как правило, отождествляется лишь с качеством выполненного экспертного задания, но законодатель оставляет за рамками правового регулирования истинность и степень качества экспертной «работы» и ограничивается, в основном, только констатацией необходимости соблюдения экспертом процедурных, документационных формальностей, оставляя решение вопроса о достоверности за «приёмщиком работы» – судом или иным правоприменителем. При этом для оценки достоверности заключения эксперта российское законодательство не предлагает сколько-нибудь определенных критериев, приемов, способов или единых методик определения достоверности. Следовательно, проблема достоверности судебно-экспертной деятельности представляет собой нерешенную до сих

пор правовую проблему и незавершенную область правовой регламентации судебно-экспертной деятельности.

3. Принцип достоверности представляет собой нормативное объединяющее начало функционирования материальных и процессуальных гарантий качества и эффективности судебно-экспертной деятельности; этот принцип направлен на то, чтобы способствовать необходимому и достаточному процессу экспертного исследования путем гипостазированного учета всех трех факторов поляризации мнений о достоверности результатов экспертизы осознанное рассуждение эксперта воспринималось правосудием как знание – эвристически безупречное, мотивированное исключительно коррелятами беспристрастного процесса познания, лишенное всякой субъективной предвзятости и преднамеренного искажения. Достоверность, как правовой принцип и функционально-сущностное явление правосудия, осуществляемого в любой форме, необходимо включает в себя оценку свойств и элементов достоверности, разрабатываемых в общей теории судебной экспертизы (судебной экспертологии), наряду с другими принципами и учениями об экспертном познании, доказательствах и процессуальном доказывании.

4. Процедура обеспечения принципа достоверности в судебно-экспертной деятельности включает в себя общие и частные методики анализа и понимание фактов, их всестороннего разбора, рассмотрения отдельных сторон, составных частей, оценку заключенной в них доказательственной информации для установления относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств в рамках судебных экспертиз для установления всего круга обстоятельств, подлежащих доказыванию или учету при судебном рассмотрении.

Глава 2. Функциональное содержание принципа достоверности судебно-экспертной деятельности

§ 1. Типизация и классификация признаков достоверности судебно-экспертной деятельности

Типизацию признаков достоверности результатов судебно-экспертной деятельности можно провести, отталкиваясь от имеющихся в научной литературе выводов о типизации экспертных ошибок¹, поскольку достоверность является их антиподом. В этом смысле достоверность результатов экспертной деятельности можно разделить на три основных типа: а) процессуальный; б) гносеологический; в) функциональный. Разумеется, такое разделение весьма условно и предпринято для дидактического рассмотрения общего состояния достоверности, которое как показано выше является неделимым понятием по отношению к истине в правосудии. Однако, с точки зрения восприятия, достоверность складывается из совокупности признаков, воспринимаемых правосудием.

1. Процессуальные признаки достоверности в свою очередь могут быть классифицированы по ряду критериев, в частности, следующих:

- соблюдения процедуры производства экспертизы;
- уровня компетенции и компетентности эксперта;
- качества документационного оформления;
- соблюдения режима сбора и получения объектов экспертизы;
- объективности выводов эксперта в отношении материалов дела;
- беспристрастности эксперта по отношению к участникам процесса.

¹ Россинская Е.Р., Галяшина Е.И. Настольная книга судьи: судебная экспертиза. М., 2010; Судебная экспертиза: типичные ошибки / Под ред. Е.Р. Россинской. М., 2012; Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2014.

Соблюдение процедуры производства экспертизы связано не только с действиями эксперта, но и с действиями судебно-следственных органов, которых процессуальный закон обязывает выполнить ряд гарантий и последовательных действий для обеспечения качества работы эксперта. Они обязаны назначить экспертизу соответствующего вида, например, автотехническую, почерковедческую, товароведческую, строительно-техническую и др. Процессуальное законодательство относит заключение эксперта к доказательствам (ч. 2 ст. 74 и ч. 1 ст. 81 УПК, ч. 1 ст. 55 и ст. 86 ГПК, ч. 2 ст. 64 и ст. 86 АПК, ч. 2 ст. 26.2 и ч.5, 6 ст. 26.4 КоАП, ч. 2 ст. 59 и ст. 82 КАС). Кроме того, в ст. 25 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» закреплено, что на основании проведенных исследований с учетом их результатов эксперт от своего имени или комиссия экспертов дают письменное заключение и подписывают его. Однако от качества исходных данных для экспертизы и целевой установки напрямую зависит достоверность результатов исследования.

При неопределенном характере экспертизы затруднительно использовать конкретную методику исследования и сам процесс выяснения вопросов правосудия может зайти в тупик, когда ни эксперту не будет понятна его задача, ни судебно-следственным органам невозможно разобраться в результатах экспертизы. Это происходит в таких случаях, когда в постановлении правоохранительных органов смешиваются вопросы, относящиеся к разным видам экспертиз.

В практике уголовного и гражданского судопроизводства нередко возникают сложности при назначении судебных экспертиз, при производстве которых экспертам необходимо анализировать и использовать правовые нормы технического характера – правила дорожного движения, строительные нормы, правила пожарной безопасности, производства геологических работ, добычи полезных ископаемых и др. При расследовании

и судебном разбирательстве ряд выводов экспертов, проводивших вышеназванные экспертизы, ставятся судами под сомнение под предлогом недопустимости постановки перед экспертом правовых вопросов, которые были поставлены наряду с техническими или иными вопросами прикладного значения. О недопустимости такого смешения и неопределенности задач экспертизы неоднократно указывалось в решениях высших судебных инстанций.¹

Оценка допустимости заключения эксперта как источника фактических данных для доказывания включает анализ соблюдения процессуального порядка назначения и проведения экспертизы; проверку компетентности эксперта и его незаинтересованности в исходе дела; соблюдения процессуального режима оформления объектов, подвергнутых экспертному исследованию; правильности оформления заключения эксперта². Доказательственный смысл заключения эксперта определен законодательством о порядке получения сведений о фактах, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения лиц, участвующих в деле, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного рассмотрения дела (ст. 64 АПК, ст. 55 ГПК); устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ст. 74 УПК). Одним из доказательств является заключение

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

² Громов Н., Смородинова А., Соловьев В. Заключение эксперта (обзор практики) // Российская юстиция. 1998. № 8. С. 29–30; Барыгина А.А., Старикова И.Л. Оценка допустимости и достоверности заключений судебно-медицинских экспертиз // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2017. Т. 17. № 2. С. 13–18; Исаенко В.Н. О криминалистическом подходе к оценке допустимости заключения эксперта // Законность. 2016. № 4. С. 9–12; Петрухина А.Н. Основания признания заключения эксперта недопустимым доказательством в уголовном процессе // Российская юстиция. 2008. № 5. С. 23–24.

эксперта (ч.2 ст. 64 АПК, ст. 55 ГПК, ч. 2 ст. 74 УПК, ст. 59 КАС, ст. 26.2 КоАП). Процессуальные требования, которые к нему предъявляются, определены в статьях «Заключение эксперта» (ст.86 АПК, ст.86 ГПК, ст. 204 УПК, ст. 82, 168 КАС, ст. 26.4 КоАП), «Заключение и показания эксперта и специалиста» (ст.80 УПК).

Уровень компетенции и компетентности эксперта также является самостоятельным критерием достоверности результатов экспертизы, который следует, в частности из ст. 204 УПК. «Компетентный» – «знающий», «осведомленный, авторитетный» в определенной области специалист должен соответствовать качественным признакам и свойствам личности, подтвержденных документами об образовании и опыте экспертной деятельности. Компетенция эксперта – это уровень профессиональной квалификации по конкретному виду экспертизы, который позволяет исследовать объекты. Компетентный эксперт должен обладать способностью организовывать качественную работу и профессионально консультировать по вопросам, требующим использования специальных знаний.¹ На практике большинство сомнений в компетентности и компетенции эксперта связано с формальным признаком – отсутствием у эксперта документа об образовании и дополнительной подготовки по профилю произведенной экспертизы.

К процессуальному критерию компетенции эксперта следует отнести случаи, специально предусмотренные в законе. Так, закон запрещает производство повторной экспертизы эксперту, который проводил по делу первичную экспертизу (ст. 207 УПК). Если это процессуальное правило нарушается, то достоверность экспертизы ставится судом под сомнение.

Качество документационного оформления результатов экспертизы также является самостоятельным критерием оценки их достоверности. Отсутствие даты, подписи, печати и других признаков официального

¹ Сорокотягин И.Н. Экспертные ошибки и их классификация // Российский юридический журнал. 2009. № 5. С. 210.

документа неоднократно ставилось судебными инстанциями в обоснование непризнания заключения эксперта в качестве полноценного доказательства.

Соблюдение процессуального режима сбора и получения объектов экспертизы. Согласно ст. 195 УПК в постановлении о назначении судебной экспертизы должны быть указаны «основания назначения судебной экспертизы» – то, что объясняет, делает понятным действия, явления, обстоятельства. Основанием для назначения судебной экспертизы считается необходимость использования специальных знаний в области науки, техники, искусства, ремесла для установления обстоятельств (фактов), необходимых для правосудия. В постановлении указываются основные обстоятельства дела, которые не могут быть установлены без экспертных познаний. Однако на практике они указываются далеко не всегда. Наряду с этим возникают неопределенности с получением объектов экспертизы, когда, например, эксперт на месте происшествия самостоятельно получает данные для исследования, минуя надлежащее процессуальное оформление со стороны следователя. Разумеется, иногда это допустимо в силу закона, например, согласно ч. 4 ст. 202 УПК, если получение образцов для сравнительного исследования является частью судебной экспертизы. Однако получение экспертом доказательств самостоятельно в принципе рассматривается как недопустимое, равно как случаи, когда образцы для производства экспертизы оказывались в распоряжении экспертов из источников, не имеющих отношения к надлежащим участникам процесса.

Объективность выводов экспертизы в отношении материалов дела может быть поставлена под сомнение, если судом установлено, что результаты экспертизы были получены экспертом не самостоятельно, а основывались исключительно на имеющихся в деле материалах, показаниях свидетелей, заключениях других экспертов и т.п. Самостоятельным сбором материалов для экспертизы является и анализ экспертом всех материалов дела. Эксперт не вправе использовать материалы дела, не относящиеся к

предмету экспертизы, хотя и имеет право запросить недостающие материалы. Но в любом случае право эксперта использовать материалы дела ограничено предметом экспертизы. Эксперт не может подменять собою функции правосудия и вести самостоятельный анализ материалов дела, выбирая из них данные, которые будут положены в основу выводов по экспертизе, исходя из аналогии с имеющимися в деле документами.

Беспристрастность эксперта по отношению к участникам процесса выражается в соблюдении режима взаимодействия эксперта с теми лицами, которые могут быть заинтересованы в том или ином результате экспертного исследования. Однако влияние на субъективное формулирование выводов эксперта может оказать нарушение следователем, дознавателем или судьей презумпции невиновности, когда в постановлении о назначении судебной экспертизы по уголовным делам при указании на обстоятельства дела неправомерно предрешается вопрос о вменении лицу вины за правонарушение. Это зачастую предопределяет выводы судебного эксперта. Беспристрастность эксперта способен нарушать даже общий информационный фон, который сознательно формируется средствами массовой информации по «громким» делам, получившим ту или иную предварительную окраску в общественном мнении. Поэтому столь важны правовые гарантии защиты беспристрастности эксперта. Согласно ст. 7 закона о государственной судебно-экспертной деятельности при производстве судебной экспертизы эксперт независим от органа или лица, назначивших судебную экспертизу, сторон и других лиц, заинтересованных в исходе дела. Воздействие на эксперта со стороны лиц, участвующих в деле, и иных лиц не допускается. Лица, виновные в оказании воздействия на эксперта, несут уголовную ответственность (ст. 302 УК). Поэтому критерием беспристрастности и независимости эксперта является его процессуальная самостоятельность, которая гарантируется порядком назначения и производства судебной экспертизы. Даже административная подчиненность

эксперта не является основанием для вмешательства в его деятельность. Руководитель экспертного учреждения не обладает правом диктовать эксперту ту или иную методику, а тем более навязывать какие бы то ни было выводы.

2. Гносеологические критерии достоверности результатов экспертизы. В процессе экспертного познания формируются сущности, характеризующие объекты экспертизы, их взаимосвязи и взаимозависимости. В этом процессе итог познания зависит от безупречности эвристических операций, логических и фактографических построений. Абстрактной истины правосудия не существует: истина всегда конкретна и относится к обстоятельствам жизнедеятельности личности, общества и государства. В силу чего именно принцип достоверности следует рассматривать как основной логический инструмент экспертного мышления в его законной и обоснованной форме. Можно без преувеличения утверждать, что логическое построение экспертного знания возможно только на основе принципа достоверности. Соблюдение законов логики в акте экспертного мышления является безусловным критерием достоверности.

Недопустимы логические погрешности, когда тезис не следует из доводов, эксперт должен правильно применять логические правила доказывания: доводы должны обосновывать тезис. В этом плане распространенной ошибкой является, когда от сказанного в относительном смысле к сказанному безотносительно, когда довод, верный только в определённом отношении при наличии определённого условия, приводится в качестве основания тезиса как верный безотносительно, для всех условий и объектов исследования. Истинность доводов эксперта не должна выводиться из тезиса, предписанного следствием или судом. Равно как и вывод эксперта не может доказываться посредством того же самого вывода. Вывод в заключении эксперта должен логически вытекать из доводов, выстроенных в

единой терминологии, определенных метрических системах и по апробированным или официально принятым методикам.

Истина достоверна именно потому, что достоверно само постигающее мышление, достоверны и его понятия. Как провидчески отмечал Гегель сами по себе абстрактные определения рассудка нельзя принимать за понятия: «понятия должны быть единством не неопределенным, но существенно определенным и быть лишь единством определений». Причем само это единство, по Г. Гегелю, должно быть «столь привязано к своим определениям, что, собственно, является единством его самого и определений, так что без определений единство – ничто, оно гибнет, или же... само снижается до лишь неистинной определенности, а чтобы быть чем-то истинным и реальным, нуждается в сопряжении».¹

Согласно общенаучным представлениям, всякая сторона объекта есть часть его целого. Однако объект экспертного исследования является целым не только потому, что включает в себе части, но и в том смысле, что, включая их в себя, он оказывается завершенным объектом для оценки правосудием. Вместе с тем, сама эта завершенность объекта экспертного исследования, его целостность является результатом диссоциации частей в процессе разбора экспертным знанием. Это значит, что достоверность в экспертном познании реализуется, прежде всего, как последовательное движение исследующей мысли от неполного, неточного выражения какого-либо результата познания к более полному, более точному его выражению соответственно с процессуальной задачей доказывания. Достоверность целого есть, следовательно, результат реального процесса познания данной правосудию конкретной ступени его развития и доказательного знания о нем.

Как известно, доказательство есть результат мыслительного процесса, имеющего логическую природу. Именно благодаря доказыванию

¹ Гегель Г. Философия религии: в 2-х т. М., 1977. Т. 2. С. 378

осуществляется переход от экспертного определения факта к судебному определению – юридической квалификации явления. Разумеется, основание такого перехода следует искать в самом характере объекта. Истина в правосудии достигается синтезом различных определений фактов и обстоятельств. Доказывание, в динамике синтезирующее различные определения объекта под «огнем» критики и в состязания сторон, представляется своего рода «игровую» форму интеллектуального достижения синтетического результата коллегиального и общественного знания. Если правосудие не сознает необходимости в синтезе различных определений для характеристики фактов, входящих в предмет доказывания, тогда для него нет необходимости в сопоставлении противоположных точек зрения, правовых позиций и в экспертном познании и оценке их результатов.

С логической точки зрения судебное доказывание представляет собой именно тот процесс, которым создаются связи, путем сопряжения понятий и порождается необходимость правового решения. Термин достоверность, используемый всегда, когда речь идет о результатах доказательства, особенно удачен, поскольку имеет прямое отношение к той роли, которую играет в умозаключении результат знания. Именно этим термином устанавливается связь отдельных частей исследования, включая экспертное, результатом чего является то, что само рассуждение принимает завершённую форму акта правосудия. Логический результат оказывается соотнесенным со всеми элементами судопроизводства, т.е. нечто необоснованное и недоказанное – становится доказанным и достоверным.

С точки зрения философии, достоверное «завершается через свое развитие».¹ Завершение, применительно к доказательству, есть имплементация правосудием внешнего знания, в том числе экспертного. Формой проявления достоверности является ее обоснование. Экспертное

¹ Гегель Г. Соч. в 14-ти т. М., 1959. Т. IV. С. 12.

обоснование в отношении того, что оно устанавливает в качестве истинного или в качестве ложного, представляет собой определенную сумму наблюдений, фактов, аргументов, внутренняя необходимая связь которых до конца может быть выяснена только судом. Подобное обоснование экспертного знания представляется незавершенным в отношении цели правосудия. Однако, как инструмент обеспечения достоверности и справедливости правосудия экспертное знание достигает своей цели тогда, когда его результаты находятся в согласии другими элементами судебного доказывания. Это значит, что достоверность правосудия совершается не простым набором очевидных фактов, а взаимопроникновением смыслов экспертного знания и судебного их исследования и усвоения. Более того, можно утверждать, что судебно-экспертное доказательство не состоялось бы вообще, если бы в нем не были совмещены, не были показаны как связанные в правовое единство достоверности.

Таким образом, гносеологически достоверность должна быть объяснена правосудием в своей сущности не только как предполагаемое состояние, но как то, что имеет свое объективное основание, как нечто связанное с предметом доказывания и юридической квалификацией события. Вместе с тем, экспертное обоснование не только стремится показать необходимость содержания явления или предмета, оно деятельно выстраивает мотивацию его понимания. Достижение этой цели превращает экспертное знание либо в доказательство, либо в опровержение. Логическая форма экспертного знания, по существу, есть движение от абстрактно сформулированной задачи к конкретному ее решению, через соединение, разделение, исчисление и формулирование понятий о предмете исследования. Формально-логическим умозаключениям правосудие определяет правильность исходных и резолютивных свойств экспертного знания. Поэтому верификации достоверности выводов эксперта можно

достичь средствами формальной логики при разумном движении мышления правосудия.

Наряду с логической безупречностью достоверность выводов экспертизы должна основываться на правильности восприятия и фиксации фактов, материальных и нематериальных явлений и обстоятельств. Например, измерение следов или объектов должно производиться исправным, сертифицированным и прошедшим поверку измерительным инструментом, или выводы по бухгалтерским, налоговым, оценочным операциям – соответствующими формулами и правилами расчетов. Недостоверным суды признают результат экспертизы в случаях нарушений последовательности исследований, неправильного использования технических и иных средств, в том числе:

- нарушения существующей экспертной методики исследования, ее полного отсутствия либо несовершенства;

- использования неисправной техники, оборудования, приборов и измерительных инструментов, не прошедших поверку, не отвечающих государственным стандартам качества, эталонам и требуемым физическим свойствам;

- применения математически ошибочных расчетов, физических, химических, биомедицинских и др. способов анализа, дающих значительную погрешность (разброс значений) в оценках результатов исследований.

Гносеологические критерии достоверности результатов экспертизы могут быть связаны с субъективными параметрами, в частности:

- профессиональной или личностной непригодностью эксперта;
- состоянием здоровья, психосоматическим состоянием эксперта;
- невозможностью прийти к единому мнению, когда экспертиза производится комиссией экспертов.

Гносеологическая недостоверность результатов экспертизы может обнаруживаться на разных стадиях производства экспертизы, но, как

правило, констатация недостоверности является прерогативой правосудия, поскольку невозможно судить о достоверности результатов экспертизы по незавершенному акту или на отдельных стадиях ее производства. Экспертное познание материализует процессуальный акт – заключение экспертизы. Оно становится объектом исследования для правосудия, которое в свою очередь анализирует, была ли недостоверность следствием непреднамеренных ошибок или заблуждений эксперта, либо его осознанным волеизъявлением, противоречащим закону.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что типизация и классификация свойств, состояний и признаков достоверности, а также элементов и факторов, предопределяющих достоверность исходных данных и конечных результатов судебно-экспертной деятельности, показывает, что экспертное познание является результатом последовательного применения принципа достоверности, и именно ему правосудие обязано своим истинным результатом - справедливостью. Принцип достоверности включает в себя критерии научности познания и критики его результатов постольку, поскольку является необходимым условием достижения целей экспертного знания. В экспертном познании объективность истины всегда была и остается его целью, а принцип достоверности – наиболее эффективным средством достижения этой цели.

§ 2. Общий анализ практики обеспечения достоверности заключений экспертов

В соответствии с целями настоящего исследования предпринято обобщение практики обеспечения достоверности заключений экспертов, исходя из того, что основанием сомнений их достоверности является факт назначения повторной экспертизы. Эмпирическую базу составили официальные сведения по повторным экспертизам, выполненным в

федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации за семилетний период 2012-2018 гг.¹ Предмет обобщения составили следующие данные государственной статистической отчетности.

Таблица №1

Период (год)	Общее количество выполненных экспертиз	Количество повторных экспертиз	Не подтвердили данные первичных экспертиз:	
			кол-во	%
2012	97886	908	603	66,4
2013	104094	953	558	62
2014	104898	992	659	68,8
2015	115010	1130	701	64,4
2016	110973	1017	684	68,1
2017	104513	1213	823	67,8
2018	112601	1179	780	66,2

Для того, чтобы обозначить место анализируемого массива статистических данных, следует отметить, что он составляет около 12-15 % в общем массиве государственной статистической отчетности о количестве экспертиз, проведенных по рассмотренным судами делам. Так, согласно мониторингу высшей судебной инстанции в 2011 г. по гражданским делам было назначено 74 529 экспертиз, 22,2% которых в связи с невозможностью вынесения правильного решения без их проведения, включая прямо предусмотренные законом случаи (ст. 283, ч. 2 ст. 286 ГПК). То есть «в связи с невозможностью без специальных знаний установить факт, имеющий значение для разрешения дела, и (или) отсутствием иных доказательств, с

¹ Здесь и далее данные статистической информации по повторным экспертизам, выполненным в судебно-экспертных учреждениях Минюста России (далее – СЭУ).

достоверностью подтверждающих или опровергающих данное обстоятельство».¹

В территориальном отношении повторные экспертизы в наибольшем количестве проводились по следующим региональным подразделениям.

Таблица № 2

СЭУ с наибольшим проведением повторных экспертиз²

Год	РФЦСЭ		Южный РЦСЭ		Сибирский РЦСЭ		Приволжский СЭУ	
2012	174	19,2%			79	8,7%		
2013	173	19,3%			48	5,3%	50	5,6%
2014	167	17,4 %					75	7,8%
2015	188	17,3 %	73	6,7%	59	5,4%		
2016	197	19,6 %	57	5,7%	54	5,4%	47	4,7%
2017	188	15,5%	77	6,3%	86	7,1%	89	7,3%
2018	150	12,7%	71	6,0%	95	8,1%	55	4,7%

По видам судопроизводства проведение повторных экспертиз распределялось следующим образом.

¹ Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14 декабря 2011 г. // БВС. 2012. № 3.

² Отобраны по показателю более 4 % от общего количества проведенных экспертиз.

Таблица № 3

Проведение повторных экспертиз по видам судопроизводства

Год	Уголовное		Гражданское		Арбитражное		Административное	
2012	134	56,5%	72	30,4%	30	12,7%	1	0,4%
2013	150	60,7%	74	30%	20	8,1%	3	1,2%
2014	161	67,1%	70	29,2%	7	2,9%	2	0,8%
2015	212	68,4%	69	22,3%	23	7,4%	6	1,9%
2016	154	58,8%	72	27,5%	20	7,6%	16	6,1%
2017	252	70,6%	68	19%	24,6	6,7%	13	3,6%
2018	174	61,9%	81	28,8%	18	6,4%	8	2,8%

Повторные экспертизы назначались по следующим основаниям¹:

- сомнения в правильности или обоснованности заключения эксперта (130 или 49,6%);
- наличие противоречий в выводах эксперта или экспертов (31 или 11,8%), в заключениях нескольких экспертов (43 или 16,4%);
- не ознакомление подозреваемого – 1 экспертиза (0,4%);
- ошибка следователя – 1 экспертиза (0,4%).

Следует отметить, что зачастую суды не указывают основания для назначения повторных экспертиз. В 2016 г. они были назначены без мотивировки, в том числе без указания сомнений в достоверности по 56 (21,4%) первичным экспертизам. Повторные экспертизы назначались по 17 видам экспертиз после СЭУ Минюста России. Большинство повторных экспертиз в 2016 г. составили:

- автотехнические 111 (42,4%¹);

¹ По данным 2016 г.

- почерковедческие – 80 (30,5%)
- технические экспертизы документов – 22 (8,4%);
- строительно-технические – 19 (7,2%);
- лингвистические – 7 (2,7%);
- психологические – 5 (1,9%);
- видео-и звукозаписей и землеустроительные – по 4 (по 1,5%);
- оружия и следов выстрела – 2 (0,8%).

Остальные экспертизы повторно перепроверялись в меньших масштабах: трасологические (1), лакокрасочных материалов и покрытий (1), автороведческие (1), нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов (1), пожарно-технические (1), товароведческие (1), наркотических средств (1) и маркировочных обозначений (1), что в сумме составило 8 или 3,1%.

Весьма показательно, что обоснованность назначения повторных экспертиз достаточно высока, ими опровергается почти половина результатов первичных экспертиз. Так, в 2016 г. из 262 повторных экспертиз, назначенных после СЭУ Минюста России, выводы по 111 экспертизам или 42,4% не подтвердили выводы первичных экспертиз. Соответствующий показатель за 2015 г. составил 123 экспертизы или 39,7 %. Большинство из этих повторных экспертиз составили: автотехнические – 41 (37,0%), почерковедческие – 40 (36,0%). В 2015 г. аналогичные показатели составили 37,4% и 28,5%, соответственно.

Удельный вес повторных автотехнических экспертиз с не совпавшими выводами составил 37,0% от общего количества повторных экспертиз данного вида (не совпали выводы 41 из 111 повторных экспертиз). В 2015 году – 33,6 % (не совпали выводы 46 экспертиз из 137 повторных). Причинами расхождения выводов первичной и повторной автотехнических экспертиз отмечались:

¹ Указан процент от количества повторных экспертиз после СЭУ Минюста России.

- неполнота исследования;
- несоблюдение рекомендованной методики;
- неправильная оценка полученных результатов;
- различия в оценках дорожно-транспортной ситуации;
- выход эксперта за пределы его компетенции;
- различное понимание механизма ДТП;
- различная оценка вещной обстановки на месте ДТП;
- различное понимание исходной информации;
- неправильная трактовка экспертом данных нормативно-технической документации и справочно-методической литературы;
- различный экспертный подход к решению поставленных вопросов;
- отсутствие информации о перечне документов, предоставленных при производстве первичной экспертизы;
- различия соблюдения водителем правил дорожного движения; и др.

Повторные почерковедческие экспертизы в 2016 г. разошлись с выводами первичных экспертиз в 50% случаев; в 2015 г. – в 43,2%. Причинами сомнений в достоверности первичных почерковедческих экспертиз указывались:

- неправильная или разная оценка выявленных признаков;
- неполнота исследования (в частности отсутствие расчета априорной информативности исследуемых подписей);
- решение экспертной задачи при различном количестве свободных образцов; и др.

Согласно содержащейся в статистической информации СЭУ Минюста России в 2016 г. проведено 1017 повторных экспертиз (по 23 видам экспертиз) после судебно-экспертных учреждений иных министерств и ведомств, негосударственных судебно-экспертных учреждений и иных организаций, частнопрактикующих экспертов. Выводы 684 экспертиз или

68,1% не совпали с выводами первичных экспертиз (в 2015 г. – с не совпавшими выводами выполнено 701 повторная экспертиза или 64,4% 68,0% из 1130).

После экспертов государственных судебно-экспертных учреждений других ведомств СЭУ Минюста России в 2016 г. выполнено 383 повторных экспертиз. Из них 240 экспертиз или 62,7% приходится на экспертизы с не совпавшими выводами (в 2015 г. выводы 260 (56,9%) из 457). Наибольшее количество повторных экспертиз составили экспертизы, выполненные после экспертов ЭКЦ МВД России – 345 или 90,1% по 14 видам экспертиз (в 2015 году – 412 или 90,2%). Выводы 216 повторных экспертиз (62,6%) не подтвердили выводы первичных (в 2015 году – выводы по 235 повторным экспертизам или 57,0% не подтвердили выводы предыдущих). Большинство повторных экспертиз после ЭКЦ МВД России составили:

- автотехнические – 147 или 42,6% (в 2015 г. – 165 или 40,0%), из них 72 экспертизы или 49,0% не подтвердили выводы предыдущих экспертиз (в 2015 году – 75 или 45,5% соответственно);

- почерковедческие – 139 или 40,3% (в 2015 г. – 142 или 34,5%), из них 103 экспертизы или 74,1% не подтвердили выводы предыдущих экспертиз (в 2015 году – 104 или 73,2% соответственно);

- технические экспертизы документов – 10 или 3,0% (в 2015 г. – 22 или 5,3%), из них 8 экспертиз или 80,0% не подтвердили выводы первичных (в 2015 году – 10 или 45,5%, соответственно);

- оружия и следов выстрела – 10 или 3,0% (в 2015 г. – 25 или 6,1%), из них 6 экспертиз или 60,0% не подтвердили выводы первичных (в 2015 г. – 15 или 60,0% соответственно).

По ведомствам, имеющим в своем составе экспертные учреждения, также наблюдаются факты в сомнения о достоверности первичных экспертиз, в частности: после экспертов ФСБ России проведено 4 повторные экспертизы (выводы 3 экспертиз не подтвердили выводы первичных); СК

России - 6 (4); Минобороны России - 14 (9); Минздрава России - 1 (1); Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков¹ - 5 (2); ГПС МЧС России - 9 (9); Департамента безопасности и противодействия коррупции г. Москвы - 6 (2).

Велик процент сомнений в достоверности первичных экспертиз, проводившихся в негосударственных (частных) судебно-экспертных учреждениях. В 2016 г. по ним было проведено 460 повторных экспертиз по 19 видам (в 2015 г. – 468 экспертиз по 17 видам экспертиз). Выводы по 360 из них или 78,3% не совпали с выводами предыдущих (в 2015 г. – 366 или 78,2%). После частнопрактикующих экспертов в СЭУ Минюста России проведено 39 повторных экспертиз (в 2015 году – 35): - автотехнические – 28, - почерковедческие – 7, - товароведческие (исследование промышленных товаров) и строительно-технические – по 2. Выводы 28 экспертиз (71,8%) не подтвердили предыдущие (в 2015 году – 29 или 82,9%).

Анализ статистической информации СЭУ Минюста России выявил, что в 2018 г. проведено 1179 повторных экспертиз после судебно-экспертных учреждений иных министерств и ведомств, негосударственных судебно-экспертных учреждений и иных организаций, частнопрактикующих экспертов. Выводы 780 экспертиз или 66,2% не совпали с выводами первичных экспертиз (в 2017 г. – с не совпавшими выводами выполнено 823 повторных экспертизы или 67,8% из 1213 экспертиз).

В числе основных причин расхождений выводов повторных и первичных экспертиз, выполненных в СЭУ Минюста России – достаточно высокий уровень сомнений судов в достоверности первичных экспертиз. При назначении повторных экспертиз суды отмечали отсутствие методического единообразия при решении типовых экспертных задач некоторых родов (видов) судебных экспертиз (в основном, автотехнических,

¹ Ныне упразднена.

почерковедческих и строительно-технических), а также недостаточную профессиональную квалификацию отдельных экспертов.

Вместе с тем, при назначении повторных экспертиз следственные и судебные органы совершают нарушения, которые сами по себе способны породить сомнения в правильности их действий и решений. Например, ими допускаются следующие нарушения:

- не указываются мотивы назначения повторной экспертизы;
- не приводятся выводы первичных экспертиз, которые вызвали сомнения в их достоверности;
- не анализируются причины и обстоятельства расхождений выводов первичной и повторной экспертиз и не приводятся доводы, по которым отдается приоритет тому или иному заключению;
- хотя и в редких случаях, но имеют место нарушения процессуального правила о том, что производство повторной экспертизы не может назначаться тому же эксперту, которым была проведена первичная экспертиза (ст. 207 УПК и др.).

Представленные статистические данные показывают, что повторные экспертизы представляют собой акт экспертной перепроверки (верификации) достоверности первичного заключения эксперта. В этой связи следует согласиться с Е.Р. Россинской, которая считает, что «единственной возможностью проверки научной обоснованности и достоверности экспертного заключения является реальная состязательность экспертов».¹ Назначение повторной экспертизы – это, по сути, привлечение к участию в деле нескольких лиц, обладающих специальными знаниями в одной и той же сфере, которые должны представить свои профессиональные суждения по одним и тем же вопросам, поставленным правосудием. Тогда у правосудия появляется возможность сравнить заключения экспертов, решивших одну и

¹ Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., 2014.

ту же экспертную задачу, и сделать выбор в пользу наиболее достоверных суждений.

Потребность в привлечении дополнительного экспертного мнения обнаруживается как на досудебной стадии производства, так и в суде. И здесь возникает вопрос о критериях достоверности экспертизы, произведенной на досудебной стадии, когда в распоряжении следствия отсутствует весь массив необходимых сведений. В этих случаях вопрос о назначении повторной экспертизы заранее предрешен, так по вышеприведенной статистике от 60 до 90 % первичных автотехнических экспертиз, проведенных в учреждениях МВД России, проходят повторную проверку экспертами Минюста России. В иных случаях решение о назначении повторной экспертизы принимается в зависимости от степени достоверности выводов эксперта и позволяет не учитывать первичное заключение эксперта в качестве доказательства.

Однако выработка критериев достоверности в виде правовых признаков доказательств в научной литературе является дискуссионным. Ряд авторов считают необходимым и достаточным наличие двух признаков относимости и допустимости доказательств¹, в то же время достаточно давно известно, что «нельзя определить достоверность доказательства в момент его получения»², достоверность экспертизы «окончательно определяется на завершающем этапе доказывания, когда оценивается вся совокупность собранных доказательств».³ Однако, как верно подмечено другими авторами, «не всякое относимое и допустимое доказательство в конечном итоге будет

¹ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2014. С. 64; Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М., 2008. С. 100; Кипнис Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве. М., 1995. С. 12-13.

² Дорохов В.Я. Понятие доказательства в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1964. № 9. С. 108-117.

³ Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2014. С. 65.

признано достоверным»¹; «безошибочная оценка доказательств с точки зрения относимости и достоверности может быть осуществлена судом только при вынесении итогового судебного решения, когда представленные сторонами и собранные самим судом доказательства исследованы полно, всесторонне и объективно».²

Задача правосудия определить в результате свободной оценки всех собранных по делу доказательств достоверность заключения эксперта. Как верно отмечает профессор Н.П. Майлис «заключение эксперта оценивается путем сопоставления выводов с другими собранными по делу доказательствами, выясняется, не противоречит ли заключение другим материалам дела, в том числе другим заключениям экспертов по данному делу. При определении доказательственного значения заключения эксперта уясняется, входят ли обстоятельства, установленные экспертом, в предмет доказывания по делу или они являются доказательственными фактами».³ Однако при отсутствии критериев, достоверность определяется по внутреннему убеждению правоприменителя, которое образует его исключительную компетенцию, вторгаться в которую закон не допускает. Потребность в выработке названных критериев для внесения их в закон обнаруживаются в практической судебно-экспертной деятельности. Только в сочетании формальной проверки достоверности экспертизы и свободной ее оценки судом, как доказательства, могут быть решены задачи правосудия.

Практика выявила такие критерии достоверности экспертизы, как: полнота исследования; соблюдение рекомендованной методики; правильность оценки полученных результатов; соблюдение пределов

¹ Нобель А.Р. Достоверность как обязательный признак доказательств, используемых в административно-юрисдикционном процессе // Административное и муниципальное право. 2014. № 6. С. 571.

² Балакшин В.С. Соотношение допустимости доказательств с их относимостью и достоверностью // Законность. 2014. № 3. С. 11.

³ Майлис Н.П. Трасология и трасологическая экспертиза: курс лекций. М., 2015. С. 23.

компетенции эксперта; понимание механизма исследуемого явления; правильность оценки вещной обстановки на месте происшествия или месте событий; правильность понимания исходной информации; правильность трактовки экспертом данных нормативно-технической документации и справочно-методической литературы; и др. Например, Арбитражный суд Западно-Сибирского округа в постановлении от 27.09.2016 № Ф04-3851/2016 по делу № А70-14554/2014 усомнился в выводах эксперта, сделанных в заключении первоначальной экспертизы, поскольку выезд на объект не осуществлялся.¹ Следовательно, по данным критериям правосудие на практике определяет достоверность заключений экспертов. Несоответствие экспертизы этим критерием используется для непризнания судом доказательственной силы заключения эксперта.

Вместе с тем, представленный перечень критериев является весьма условным, выведенным из статистических данных, до настоящего времени не существует исчерпывающего перечня критериев достоверности заключений судебных экспертов. Так дополнительная экспертиза назначается в случаях недостаточной ясности или неполноты первичной экспертизы (ч. 1 ст. 207 УПК, ч. 1 ст. 87 ГПК, ч. 1 ст. 87 АПК, ч. 1 ст. 83 КАС). Кроме того, согласно ст. 20 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» повторная судебная экспертиза, назначается «в связи с возникшими у суда... сомнениями в правильности или обоснованности ранее данного заключения». Даже с учетом разъяснений данных высшей судебной инстанцией категорий «недостаточной ясности – невозможность уяснения смысла и значения терминологии, используемой экспертом... признаков, выявленных при изучении объектов, критериев оценки, выявленных признаков» и «неполноты – отсутствуют ответы на все

¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.09.2016 № Ф04-3851/2016 по делу № А70-14554/2014//<https://base.garant.ru/38147388/>.

поставленные перед экспертом вопросы»¹ на практике невозможно определить границы между «сомнениями в правильности» «неясностью» и недостоверностью заключения эксперта.

В связи с этим материальное и процессуальное законодательство может быть усовершенствовано путем включения в него критериев оценки достоверности результатов судебных экспертиз. При этом законодателю предстоит решить ряд дополнительных вопросов правового регулирования, например, выработки более ясных критериев для назначения дополнительной и повторной экспертизы, а также определить могут ли вероятностные и оценочные характеристики выводов служить основанием для сомнений в достоверности результатов судебной экспертизы.

§ 3. Частные случаи обеспечения достоверности заключений экспертов

В числе частных случаев обеспечения достоверности экспертиз на первом месте следует выделить случаи, связанные с **неопределенностью государственной классификации судебных экспертиз**. До настоящего времени отечественная правоохранительная система не располагает единым государственным классификатором судебных экспертиз, проводимых в стране. Как отмечалось высшей судебной инстанцией возникающие у судов сложности с определением рода или вида экспертизы «зачастую вызваны недостаточной осведомленностью судей о классификации экспертиз».² Неправильное определение рода или вида экспертизы ведет к неверному

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21 декабря 2010 г. № 28 // БВС. 2011. № 2.

² Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14 декабря 2011 г. // БВС. 2012. № 3.

разрешению вопроса о том, возможно ли поручение этой экспертизы тому же эксперту. Не определив предметную область экспертизы, правосудию бывает весьма затруднительно вынести законное решение.

Так, Боровской районный суд Калужской области поручил Калужской лаборатории судебных экспертиз провести строительно-техническую экспертизу, на разрешение которой были поставлены вопросы, касающиеся возможности ведения истцами личного подсобного хозяйства на принадлежащем им земельном участке с учетом использования ответчиком смежного земельного участка под стоянку и ремонт грузового автотранспорта, а также для складирования пиломатериалов. Определение о назначении данной экспертизы было возвращено в суд без исполнения в связи с тем, что поставленные вопросы не входят в компетенцию строительно-технической экспертизы и в данном экспертном учреждении отсутствуют эксперты, обладающие необходимыми знаниями. Несмотря на это, суд вновь пришел к выводу о необходимости назначения именно строительно-технической экспертизы и поручил ее проведение эксперту, имеющему специальность инженера-строителя. Однако, проведя назначенную судом экспертизу, данный эксперт также не смог дать конкретные ответы на интересующие суд вопросы, сославшись на то, что они находятся в компетенции органов, осуществляющих санитарно-эпидемиологический надзор. Принятое районным судом решение по делу было отменено в кассационном порядке.¹

На втором месте находятся случаи **расхождения во мнениях участников комиссионных экспертиз или неопределенности их выводов**, в том числе в тех случаях, когда заключение эксперта по комиссионной экспертизе подписывалось не всеми экспертами и к нему приобщалось отдельное заключение эксперта (ч. 2 ст. 83 ГПК). В таких случаях

¹ См. там же.

заклучения оцениваются судами по правилам в совокупности со всеми имеющимися в деле доказательствами (ст. 67, ч. 3 ст. 86 ГПК). Например, руководствуясь ст. 87 АПК суд усомнился в обоснованности заключения эксперта по первоначальной экспертизе, по которой сторонами были представлены противоречащие друг другу мнения специалистов (рецензии), назначил по делу повторную комиссионную экспертизу.¹ В другом случае, руководствуясь ч. 2 ст. 87 АПК, апелляционный суд, усомнился в обоснованности представленного заключения эксперта и приняв во внимание, что вопросы, поставленные на разрешение эксперта, могут иметь существенное значение для рассмотрения спора, пришел к выводу о необходимости назначения повторной экспертизы, проведение которой поручил другому эксперту, так как первоначальное заключение эксперта содержало вероятностный вывод о соответствии даты фактического составления соглашения об отступном и акта приема-передачи земельного участка дате, указанной в документах.² В другом деле, в заключении комиссии экспертов Алтайской краевой клинической психиатрической больницы содержался вывод о том, что выявленное у лица психическое расстройство не мешало ему понимать значение своих действий либо руководить ими. Однако заключение не было подписано членом комиссии экспертом-психологом, который в своем заключении выразил иное мнение. Суд отверг это мнение со ссылкой на то, что выводы эксперта-психолога носят предположительный характер. Хотя такие действия суда соответствуют позиции Верховного Суда Российской Федерации, согласно которым, суду достаточно изложить мотивы согласия или несогласия с ними

¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.04.2017 № Ф04-5926/2016 по делу № А45-27068/2015.

² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10.03.2017 N Ф07-8899/2016 по делу N А66-13627/2013

в судебном решении «отдельно по каждому заключению». ¹ Тем не менее, вопрос о достоверности разных суждений членов комиссии экспертов и вероятностном (неопределенном) характере их выводов остается нормативно нерешенным.

В ряде случаев проблема обеспечения достоверности экспертиз не увязывалась с тем, **что именно в заключении эксперта является неполным или недостаточно ясным.** Как правило, повторная экспертиза (ст. 20 Федерального закона "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации") назначается судами в связи с их «сомнениями в объективности и обоснованности заключения эксперта», например, когда значительно различались цены, указанные в заключении по оценочной экспертизе и в представленном по запросу суда документе о стоимости предмета; когда имелись противоречия в заключении эксперта и в пояснениях этого же эксперта в судебном заседании; когда экспертом не учитывались отдельные обстоятельства или был нарушен порядок проведения экспертизы, в частности, экспертом не осуществлялся личный осмотр объекта исследования.

В определениях о назначении повторной экспертизы суды не всегда указывают, какие именно выводы первичной экспертизы вызывают у них сомнения. Некоторые суды при недостаточной ясности заключения, а также при отсутствии в заключении эксперта ответов на ряд вопросов, указаний на примененные методики и оборудование назначали повторную экспертизу вместо дополнительной или, когда при недостаточной ясности первичных заключений экспертов и наличии в них противоречий суду следует назначить дополнительную или повторную экспертизу.²

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. №23 "О судебном решении", п. 7.

² Определения Верховного Суда Российской Федерации от 11.04.2017 № 41-КГ17-2; от 09.10.2017 № 304-ЭС17-13990; от 04.05.2017 № 305-ЭС17-3792.

Далее на практике достоверность заключения эксперта может быть поставлена под сомнение тем, что **перед экспертом не были сформулированы соответствующие вопросы**. Изучение судебной практики показывает, что судами не всегда соблюдалось требование о разъяснении сторонам по делу и другим участвующим в деле лицам их права представить суду вопросы, подлежащие разрешению при проведении экспертиз (ст. 35, ч. 2 ст. 79 ГПК). Однако окончательный круг вопросов, по которым требуется заключение эксперта, определяется судом. Принятие предложенных сторонами вопросов является его правом, а не обязанностью, хотя отклонение вопросов суд обязан мотивировать (ч. 2 ст. 79 ГПК).

Аналогичные вопросы возникают и в арбитражной практике, так руководствуясь ст. 87 АПК арбитражный суд установил, что на разрешение эксперта не ставился конкретный вопрос о нахождении в жилом доме механического, электрического оборудования, и назначил по делу повторную судебную строительно-техническую экспертизу.¹ По делу о взыскании убытков, связанных с необходимостью выполнения ремонтно-восстановительных работ самоходной очистительной станции, обнаружил отсутствие исследования экспертом состояния корпуса судна из 12 неисправностей только по 9, апелляционный суд усмотрел предусмотренные в ст. 87 АПК основания для проведения дополнительной экспертизы.²

В ряде случаев в нарушение названной нормы закона стороны представляли свои вопросы после назначения экспертизы, суды вынуждены были выносить новое определение о назначении экспертизы, что затягивало рассмотрение дел, вплоть до того, что по отдельным делам невозможно было сформулировать окончательный круг вопросов. Так, судами Ямало-Ненецкого автономного округа перед экспертом ставились сначала

¹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 09.08.2016 № Ф06-12121/2016 по делу № А57-18297/2015.

² Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 23.05.2016 № Ф03-1981/2016 по делу № А73-346/2015.

определенные судом вопросы, а потом вопросы сторон, которые ими вновь видоизменялись после получения заключений экспертов, проводивших первичную и последующую экспертизы. В итоге возникает научно-практический вопрос о том, как законодательно определить «пункт, в котором суд может поставить точку в череде вопросов», заявленных сторонами к экспертам после начала проведения судебной экспертизы. На сегодняшний день этот вопрос не нашел окончательного решения в процессуальном законодательстве.

Следующий частный случай сомнений правосудия в достоверности заключения эксперта – это **постановка перед экспертом вопросов правового характера**. В судебной практике общепризнанно, что такие вопросы не могут ставиться.¹ Однако в законодательстве не существует «водораздела» между вопросами правового и неправового характера. В широком смысле, если вопрос возник в системе судопроизводства, то нет оснований его считать неправовым – в суде все вопросы могут быть отнесены к правовым. Тем не менее, в практике судов считается недопустимым постановка, в частности, перед автотехнической экспертизой вопросов о соответствии действий лица Правилам дорожного движения и какие их пункты нарушены.² Аналогично это касается назначения судебно-психиатрических экспертиз, в которых суды ставят на разрешение экспертов вопросы о вменяемости лиц, установлении опеки и др.

Нарушение территориальной и иной подведомственности производства экспертиз также во многих случаях вызывало у судов сомнения в достоверности полученных выводов. Хотя это касается в большей степени формально-процессуальных признаков достоверности. Поскольку качество экспертного знания территориальность не определяет. Тем не менее,

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 "О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству", п. 13.

² Обзор судебной практики... // БВС. 2012. № 3.

судебная практика имеет немало примеров, когда экспертиза в целом ставилась под сомнение в связи с нарушением правил территориальности, который предусмотрен ст. 11 Федерального закона "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации" и др. нормативными правовыми актами.

Например, суд г. Владимира назначил судебно-почерковедческую экспертизу Приволжскому РЦСЭ Минюста России, который отказался производить ее по причине несоответствия его установленной территориальной сфере экспертного обслуживания, ограниченной городом Нижний Новгород и Нижегородской областью.¹

В другом примере, судом Чувашской Республики была назначена судебно-почерковедческая экспертиза, производство которой поручено экспертам Экспертно-криминалистического центра МВД по Чувашской Республике. Определение о назначении экспертизы и материалы гражданского дела были возвращены в суд с указанием на то, что в силу ведомственного акта² названный центр проводит экспертизы только по уголовным делам и делам об административных правонарушениях. В связи с этим суду пришлось обращаться в Чувашскую лабораторию судебной экспертизы Минюста России.

Нарушение субъективных возможностей экспертного учреждения (эксперта) в обеспечении достоверности экспертизы. В ряде случаев судами вообще не оценивалась возможность конкретного экспертного учреждения по проведению соответствующего вида экспертизы. Например, во Владимирской области суд безуспешно назначил землеустроительную экспертизу Владимирской ЛСЭ Минюста России, которая не могла быть там проведена в связи с отсутствием в период ее назначения данного вида

¹ Приказ Минюста России от 03.02.2012 № 14.

² Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 "Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации".

экспертиз в Перечне родов (видов) экспертиз, выполняемых в судебно-экспертных учреждениях Минюста России.¹

Аналогичная ситуация имела место в районном суде г. Краснодара, который поручил производство амбулаторной судебно-психиатрической экспертизы учреждению, в компетенцию которого не входило проведение этой экспертизы. В г. Магнитогорске суд назначил санитарно-эпидемиологическую экспертизу Торгово-промышленной палате города, которая не была уполномочена на проведение данного рода экспертиз.

Сомнения в достоверности могут возникать и тогда, когда суд или другие органы правосудия не вникают в саму возможность экспертного учреждения или эксперта провести экспертизу в отношении конкретного объекта исследования, никак не оценивают материально-технические возможности или условия для проведения экспертизы. Так, определением мирового судьи в г. Астрахани была назначена судебная экспертиза, учреждению в котором отсутствовало контрольно-диагностическое оборудование.

В практике имелись случаи недопустимого назначения экспертизы конкретному эксперту: когда компетентность предложенного участниками процесса эксперта не была подтверждена; когда эксперт уже привлекался к участию по тому же объекту или делу. Например, в Санкт-Петербурге суд назначил комплексную судебно-медицинскую экспертизу с участием экспертов – миколога и аллерголога-иммунолога, которые ранее давали консультации по рассматриваемому делу стороне защиты. При наличии сомнений в объективности и беспристрастности эксперта в Ярославской области суд отказал в удовлетворении ходатайства о назначении судебной экспертизы эксперту, который, как выяснилось, был зависим от ответчика, будучи ранее его сослуживцем по ГИБДД. В другом деле апелляционный суд

¹ Приказ Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237 // <https://minjust.ru/ru/prikaz-minyusta-rossii-ot-27122012-no-237>

столкнулся с тем, что заключение эксперта и заключение специалиста были выполнены одним и тем же лицом, пришел к выводу о том, что эти заключения являются недопустимыми доказательствами, в связи с чем, исходя из положений статьи 87 АПК, назначил новую экспертизу.¹

Сложности верификации достоверности заключений экспертов возникали **в случаях уклонения участников процесса от участия** в ее проведении или при непредоставлении соответствующих образцов или документов. Так, суды приходили к выводу об уклонении стороны от экспертизы в случаях, когда стороной не предоставлялись необходимые для исследования материалы и документы или не обеспечивался доступ к объекту исследования, когда сторона не являлась на исследование, которое невозможно провести без ее участия, или сторона не осуществляла предварительную оплату экспертизы. Вместе с тем, эксперт или судебно-экспертное учреждение не вправе отказаться от проведения порученной им экспертизы в установленный судом срок, мотивируя это отказом стороны произвести оплату экспертизы до ее проведения (абз. 2 ч. 2 ст. 85 ГПК).

Наибольшее число отказов со стороны ответчиков от участия в экспертизах в судебной практике отмечается по делам об установлении отцовства и об оспаривании отцовства. В этих случаях судами применяются положения о последствиях, установленных ч. 3 ст. 79 ГПК. Например, в Иркутской области суд по делу об установлении отцовства и взыскании алиментов с согласия ответчика назначил судебную молекулярно-генетическую экспертизу, от проведения которой впоследствии ответчик уклонился. Суд вынес решение в пользу ответчика. Вторая инстанция отменила это решение, мотивировав это тем, неучастие ответчика в судебной молекулярно-генетической экспертизе, требовало от суда возможности решить дело по имеющимся свидетельским показаниям. При

¹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 12.02.2016 № Ф10-4971/2015 по делу № А14-4168/2015.

уклонении стороны от участия в экспертизе, непредставлении экспертам необходимых материалов и документов для исследования и в иных случаях, если по обстоятельствам дела и без участия этой стороны экспертизу провести невозможно, суд в зависимости от того, какая сторона уклоняется от экспертизы, а также какое для нее она имеет значение, вправе признать факт, для выяснения которого экспертиза была назначена, установленным или опровергнутым. Этот вопрос разрешается судом в каждом конкретном случае в зависимости от того, какая сторона, по каким причинам не явилась на экспертизу или не предоставила экспертам необходимые объекты исследования, а также какое значение для нее имеет заключение эксперта, исходя из имеющихся в деле доказательств в их совокупности.¹

Случаи нарушения процессуальных гарантий достоверности результатов экспертиз достаточно многочисленны и касаются в основном конкретных упущений в соблюдении процессуального порядка. Например, в случаях: когда экспертиза продолжала производиться по приостановленному судом делу, с нарушением требований ч. 4 ст. 86 и ст. 216 ГПК²; или когда в нарушение ст. 227 ГПК копии определения о назначении экспертизы, в котором также решался вопрос о приостановлении производства по делу, не высылались лицам, участвующим в деле; когда определения суда, которые могли быть обжалованы в кассационном порядке, вместе с материалами дел направлялись в экспертные учреждения до истечения срока обжалования; а также, когда судом не был поставлен на обсуждение сторон вопрос о назначении по делу повторной экспертизы³.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 октября 1996 г. № 9 "О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов", п. 6.

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.11.2016 N 308-ЭС16-3825(3).

³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.05.2017 № 18-КГ17-42.

Отдельные суды получали частные жалобы на определение о назначении экспертизы потому, что вопрос о наличии оснований для назначения экспертизы был взаимосвязан с вопросом о законности приостановления производства по делу. Так, во Владимирской области суд назначил повторную автотехническую экспертизу в нарушение требований ст. 87 ГПК, приостановив производство по делу, не привел мотивов, по которым он не согласился с результатами ранее проведенной экспертизы.

На оценку достоверности результатов экспертизы может повлиять даже такой, казалось бы не связанный с экспертным знанием вопрос об оплате экспертных расходов.¹ В ряде случаев судебный акт, в котором содержалась оценка достоверности результатов экспертизы, мог быть отменен в порядке ст. ст. 104 и 218 ГПК в связи с неправильными судебными расходами по частной жалобе, когда при вынесении решения суды не указывают в его мотивировочной части на распределение судебных расходов, касающихся оплаты проведенной по делу экспертизы. Во избежание подобных решений высшая судебная инстанция разъяснила, что подобные определения суда в части разрешения вопросов оплаты не препятствует движению дела, в силу ст. ст. 331 и 371 ГПК и не подлежит обжалованию в кассационном (апелляционном) порядке.²

Подытоживая анализ частных случаев обеспечения достоверности заключений экспертов, следует отметить, что судебная практика отражает некоторую неопределенность и испытывает своего рода дефицит правового регулирования в таких вопросах как государственная классификация родов, видов экспертиз, производство которых поручается государственным и негосударственным учреждениям, а также частным лицам. До настоящего времени отечественная правоохранительная система не располагает единым

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.02.2017 № 302-КГ16-21382.

² Обзор судебной практики... // БВС. 2012. № 3.

государственным классификатором родов и видов экспертиз, проводимых в стране.

Частными аспектами, характеризующими выявление признаков достоверности экспертного познания при решении задач расследования и судебного разбирательства уголовных, гражданских, административных и арбитражных дел следует признать случаи расхождения во мнениях участников комиссионных экспертиз или неопределенности их выводов; отсутствия понятийного разграничения между «достоверностью», «неполнотой» и «неясностью» заключений экспертов; процедурой формулирования правосудием вопросов эксперту, в том числе отграничения вопросов правового характера; уклонения участников процесса от участия в ее проведении или при непредоставлении соответствующих образцов или документов; нарушений процессуальных гарантий достоверности экспертиз, включая территориальную подведомственность по производству экспертиз, а также недооценку субъективных возможностей экспертного учреждения (эксперта) в обеспечении достоверности результатов экспертизы; и др.

Выводы по 2-й главе

1. Анализ типизации и классификации свойств, состояний и признаков достоверности, а также элементов и факторов, предопределяющих достоверность исходных данных и конечных результатов судебно-экспертной деятельности, показывает, что экспертное познание является результатом последовательного применения принципа достоверности, и именно ему правосудие обязано своим истинным результатом – справедливостью. Принцип достоверности включает в себя критерии научности познания и критики его результатов постольку, поскольку является необходимым условием достижения целей экспертного знания. В экспертном познании объективность истины всегда была и остается его

целью, а принцип достоверности – наиболее эффективным средством достижения этой цели.

2. Исходя из анализа признаков и свойств достоверности, а также элементов и факторов, предопределяющих достоверность исходных данных и конечных результатов судебно-экспертной деятельности, следует признать, что материальное и процессуальное законодательство нуждается в усовершенствовании в части включения в него критериев оценки достоверности результатов судебных экспертиз и выработки более ясных критериев для назначения дополнительной и повторной экспертизы, определения в каких случаях вероятностные и оценочные характеристики выводов экспертов могут служить основанием для сомнений в ее достоверности.

3. Рассмотрение наиболее распространенных в судебной практике частных случаев обеспечения достоверности заключений экспертов показал, что судебная практика нуждается в уточнении правового регулирования по вопросам государственной классификации родов, видов экспертиз, производство которых поручается государственным и негосударственным учреждениям и частным лицам. Частными аспектами, характеризующими выявление признаков достоверности экспертного познания при решении задач расследования и судебного разбирательства уголовных, гражданских, административных и арбитражных дел следует признать случаи расхождения во мнениях участников комиссионных экспертиз или неопределенности их выводов; отсутствия понятийного разграничения между «достоверностью», «неполнотой» и «неясностью» заключений экспертов; процедурой формулирования правосудием вопросов эксперту, в том числе отграничения вопросов правового характера; уклонения участников процесса от участия в ее проведении или при непредоставлении соответствующих образцов или документов; нарушений процессуальных гарантий достоверности экспертиз, включая территориальную подведомственность по производству экспертиз, а

также недооценку субъективных возможностей экспертного учреждения (эксперта) в обеспечении достоверности экспертизы; и др.

Глава 3. Перспективы реализации принципа достоверности судебно-экспертной деятельности

§ 1. Разработка критериев достоверности судебно-экспертной деятельности

Перспективы реализации принципа достоверности судебно-экспертной деятельности определяются общей диалектикой развития правового регулирования в направлении его конкретизации, точной направленности и детализации применительно к потребностям судопроизводства. Достоверность, как принцип судебно-экспертной деятельности и, одновременно, как свойство судебных доказательств, обнаруживает необходимость уяснения этого понятия во всех видах отечественного правосудия. Можно с уверенностью утверждать, что процессуальное содержание и доказательственный смысл понятия достоверности едины для уголовного, гражданского и административного судопроизводства.

Согласно ч. 1 ст. 88 УПК, ч. 3 ст. 67 ГПК, ч. 3 ст. 71 АПК, ч. 3 ст. 84 КАС заключение эксперта, как доказательство, подлежит оценке с точки зрения его относимости, допустимости, достоверности. Все три понятия, характеризует отдельно взятое доказательство с точки зрения его соответствия требованиям процессуального закона. Таким образом, нормативно закрепленное доказательственное значение заключения эксперта определяется тремя категориями. Однако каждая из этих категорий является оценочной. Процессуальные кодексы не определяют конкретных критериев относимости, допустимости и достоверности. Более того, если закон посвящает относимости и допустимости отдельные статьи (ст. 59, 50 ГПК), пытаясь разъяснить эти категории, то о достоверности он умалчивает. И если проанализировать то, что закон вкладывает, например, в достоверность – обстоятельства, которые «должны быть подтверждены определенными

средствами доказывания» (ст. 60 ГПК), то становится вполне очевидным, что все три понятия, выделяемые законодателем, вполне могут быть объединены в одно – достоверность.

Возвращаясь к истинному смыслу слова досто[йное] вер[ы]¹ суда, можно совершенно точно определить, что иное – недопустимое и не относящееся к делу заключение эксперта будет недостоверным – недостойным доверия суда. Ибо допустимость характеризует способы и требования к порядку собирания, закрепления сведений об обстоятельствах, имеющих значение для дела, а также к их источникам. Относимость – это наличие пространственно-временной и причинно-следственной связи сведений, имеющих значение для дела. Следовательно, достоверность в широком смысле включает в себя оба предыдущих понятия. Это отражается и в судебной практике, иногда в судебных актах наблюдается смешение этих понятий. Так, руководствуясь ст. 87 АПК и оценивая первичную судебную экспертизу, апелляционный суд установил, что имеется «недостаточная ясность» в выводах эксперта, который «неполно» исследовал проектно-изыскательную документацию при первичной экспертизе.²

Кроме того, сомнение в логичности названной процессуальной «триады» признаков заключения эксперта подтверждается тем, что экспертиза назначается следователем или судом, следовательно, они самим фактом назначения экспертизы априорно предрешают вопрос о ее допустимости и относимости к делу. А вот, то, что они не могут заранее предрешить – это достоверность результатов экспертизы в форме ее ясности. И в этом вопросе, безусловно, требуется мыслительная деятельность по уяснению следователем или судом соответствия экспертизы неким

¹ См. гл. 1 §§ 1,3.

² Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 13.07.2015 № Ф06-25635/2015 по делу N А65-9343/2014.

критериям «ясности признаков, выявленных при изучении объектов, критериев оценки, выявленных признаков»¹.

Согласно процессуальным кодексам, суд вправе по мотивам неясности признать доказательство недостоверным. Кроме того, высшая судебная инстанция добавляет к этому еще два признака – «объективность» и «обоснованность» заключения.² Следовательно, в случаях сомнений суда в наличии этих признаков заключение эксперта может быть исключено из процесса доказывания. Но при этом государственные средства на производство судебной экспертизы будут затрачены. Будут получены определенные результаты экспертизы, которая выполнялась по заданию (решению) суда. При этом критериев и мотиваций вынесения определенного решения в форме постановления суда закон не предусматривает, а лишь упоминает о мотивации «несогласия суда с ранее данным заключением эксперта» (ч. 3 ст. 87 ГПК, ч. 3 ст. 83 КАС). Поэтому избранная законодателем формула разделения понятий относимости, допустимости и достоверности дает основание для вывода о том, что не включение в качестве доказательств заключений экспертов может быть только по основанию недостоверности.

Вместе с тем, отечественное законодательство содержит примеры регулирования внесудебных экспертиз и способов их повторной верификации. Так, ст. 25 Федерального закона «Об обращении лекарственных средств»³ предусматривает повторное проведение экспертизы в случаях противоречивых данных, фальсификации выводов экспертизы лекарственного средства, сокрытия оснований для отвода эксперта вследствие его заинтересованности в результатах соответствующей

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21 декабря 2010 г. № 28 // БВС. 2011. № 2.

² Обзор судебной практики ... 14 декабря 2011 г. // БВС. 2012. № 3.

³ Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ "Об обращении лекарственных средств" // СЗ. 2010. № 16. Ст. 1815.

экспертизы, наличия данных о прямом либо косвенном вмешательстве в процесс соответствующей экспертизы лиц, не участвующих в ее проведении. Таким образом, законодатель требует перепроверять достоверность результатов первичной экспертизы в случае выявления коррупционных факторов ее проведения. В процессуальных нормах, касающихся судебных экспертиз подобного требования нет, поскольку сама категория «заинтересованности в результатах экспертизы» не образует правонарушения. Поскольку эту заинтересованность в разной степени имеют все участники процесса, и это не может быть поставлено им в вину. В то же время обращает на себя внимание то, что приведенные нормы об экспертизе лекарственных средств не содержат категории достоверности.

По нашему мнению, названные процессуальные нормы нуждаются в существенном изменении. Представляется, что понятие достоверность, как принцип и как свойство доказательств, включает в себя категории относимости и допустимости, а также ясности, полноты, объективности и др. Однако для этого в законе необходимо указать соподчинение понятий и дать развернутые критерии достоверности доказательств с их разбивкой по основным видам доказательств, выделив заключение эксперта в самостоятельный вид. Это позволит избежать распространенных судебных ошибок, когда признание на начальных стадиях процесса доказательства достоверным, но недопустимым или не относящимся к делу, влечет его исключение из дальнейшего хода оценки правосудием на последующих стадиях процесса.

Представляется вполне очевидным, если процессуальный закон определит конкретные свойства доказательств, критерии их достоверности и закрепит признаки доказательств, не относящиеся к делу и недостоверных. Причем закон должен «оставить маневр» для гибкости процессуальных решений, если на начальной стадии судопроизводства то или иное доказательство было признано недостоверным, то суд должен иметь

возможность изменить это решение, если он убедится в достоверности доказательства в ходе последующего судопроизводства. Более определенного урегулирования требуют как порядок исключения недостоверных доказательств из процесса доказывания (ст. 235 УПК), так и порядок восстановления в качестве достоверных доказательств.

Следует отметить, что законодателю предстоит урегулировать порядок признания заключения эксперта, как доказательства, недостоверным и об исключении его из процесса доказывания по всем видам судопроизводства и стадиям процесса, начиная с досудебных оперативно-следственных и кончая апелляционной и надзорной инстанциями. Действующий процессуальный порядок этого не предусматривает и, например, отвергнутое судом первой инстанции по причине недостоверности заключение эксперта, не оценивается последующими инстанциями в конкретной процессуальной форме, а принимается умозрительно по умолчанию или вообще не упоминается.

На практике в распоряжении правосудия оказываются несколько заключений эксперта по одному и тому же вопросу, но с разными результатами (первичной и повторной), по которым не выносятся никаких судебных оценок об их достоверности по ясно сформулированным критериям. На это обстоятельство обратил внимание судов Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 3 Постановления от 29 апреля 1996 г. "О судебном приговоре", обязав суды указать, «почему одни доказательства признаны им достоверными, а другие отвергнуты. По делу в отношении нескольких подсудимых или по делу, по которому подсудимый обвиняется в совершении нескольких преступлений, приговор должен содержать анализ доказательств в отношении каждого подсудимого и по каждому обвинению».

Исходя из этого применительно ко всем видам судопроизводства и их процессуальным стадиям необходимо решить рассматриваемый вопрос более определенно (например, по аналогии с ч. 4 ст. 236 УПК), если судья,

следователь, арбитр исключает какое-либо доказательство из процесса, то в своем постановлении он должен указать, какое конкретно доказательство исключается (какое из заключений экспертов) и какие материалы дела, обосновывающие исключение этого доказательства, не могут использоваться в процессе доказывания.

Анализ процессуального законодательства свидетельствует, что в нем нет определенности по вопросу о том, на какой стадии судопроизводства, в какой форме и в каком порядке может быть сформулирован вывод правосудия о недостоверности заключения эксперта. На стадии предварительного расследования дознаватель, следователь, признав доказательство недостоверным, исключает его из обвинительных актов без вынесения по этому вопросу отдельного постановления или соответствующей мотивации. Точно также и суд на определенной стадии процесса может исключить недостоверное, по его мнению, заключение, при этом никаких параметров этого важного процессуального действия не установлено. По-видимому, это законодательный пробел, который должен быть восполнен. Определенности в этом вопросе вполне легко достигнуть, если включить в законодательство обязанность органов правосудия в каждом случае давать мотивированную оценку достоверности заключения эксперта. Если такая оценка не дана, то по умолчанию заключение эксперта, имеющееся в деле, правосудие обязано воспринимать как достоверное.

Исключение из процесса недостоверного доказательства должно мотивироваться в каждом случае процессуальным актом, в котором орган правосудия должен указать не только то, какое доказательство исключается из процесса доказывания как недостоверное, но документально подтвержденные мотивы, обосновывающие такое решение. Следует также поставить вопрос о необходимости дополнительной и отдельной оценки вопроса достоверности заключения эксперта в суде апелляционной и кассационной инстанций. Вышестоящая инстанция должна иметь

процессуальную возможность вернуть в процесс доказывания заключение эксперта, если оно было признано недостоверным необоснованно на предыдущей стадии процесса. Подобная мысль ранее уже высказывалась в научной литературе, но в отношении «недопустимых» доказательств.¹ Кроме того, согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, правила, согласно которым устранение дефектных с точки зрения процессуальной формы доказательств должно осуществляться прежде всего на стадии предварительного слушания, не исключает возможность переноса решения вопроса об их допустимости на более поздний этап судопроизводства. Это возможно в тех случаях, когда несоответствие доказательства положениям закона не является очевидным и требует проверки с помощью других доказательств.²

Постановка вопроса о том, что законодатель должен предусмотреть процедуру постоянной верификации (осмысления и переосмысления) достоверности доказательств на всех стадиях процесса корреспондируется с позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 3 Постановления от 29 апреля 1996 г. "О судебном приговоре", согласно которой при вынесении судом приговора должны получить оценку все рассмотренные в судебном заседании доказательства – как подтверждающие выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, так и противоречащие этим выводам. Суд в соответствии с требованиями закона должен указать в приговоре, почему одни доказательства признаны им достоверными, а другие отвергнуты.

Таким образом, достоверность выступает, как родовое понятие – как правовой принцип, дополнительными гарантиями соблюдения которого, являются «относимость», «допустимость» (объективность, всесторонность,

¹ Lupinskaya P. *Основания и порядок принятия решений о недопустимости доказательств* // Российская юстиция. 1994. № 11. С. 4-5; Anisimov A. *Допустимость доказательств* // Законность. 2007. № 7. С. 35-37.

² Определение Конституционного Суда РФ от 23 мая 2006 г. № 154-О.

полнота, беспристрастность и др.) доказательства, которые необходимы в соответствии со своими критериями, но они не подменяют собою достоверность. Поэтому, если с процессуальных позиций заключение эксперта как доказательство отвечает критериям достоверности, но вызывает сомнения с точки зрения, например, полноты, оно, по сути, не может быть исключено из процесса доказывания. Поэтому на всех стадиях процесса должна производиться документальная фиксация критериев достоверности доказательств.

Таким образом, исходя из того, что достоверность является принципом и родовым понятием по отношению ко всем другим понятиям, используемым в законодательстве для определения, истинности, качественности и пригодности доказательств, можно предложить следующую концепцию определения критериев достоверности заключений экспертов.

Критерии достоверности заключений судебных экспертов могут быть распределены по следующим группам:

1. Критерии допустимости:

1.1. Допустимость процессуальных условий назначения экспертизы, исходя из процессуальных, следственных и иных действий, которые предусмотрены законодательством с учетом вида и полномочий органа, назначившего судебную экспертизу.

1.2. Допустимость исходных данных, представляемых эксперту, включая:

- верность и точность выбора объекта исследования;
- отсутствие заведомо ложных, сфальсифицированных данных;
- надежность источников получения информации;
- аутентичность документов, выполненных в нескольких экземплярах, либо на нескольких языках;
- подлинность документов, если в задачу исследования не входит оценка их подлинности.

1.3. Допустимость условий сбора, получения, обработки объектов исследования – надлежащим процессуально и законным способом с соблюдением условий фиксации материальных следов, признаков предмета, условий их хранения, транспортировки и передачи их эксперту.

1.4. Допустимость компетентности эксперта:

- профессиональная пригодность эксперта – по документально подтвержденным данным о наличии у лиц, являющихся судебными экспертами, специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла при проведении конкретного вида экспертизы, а также в той мере, в какой это предусматривается их служебными обязанностями;

- уверенность, в честности и авторитете эксперта, у которого не должно быть официальных ограничений права заниматься судебно-экспертной деятельностью;

- безупречность деловой репутации эксперта, учитывая данные о предыдущих результатах и достижениях в конкретной экспертной профессии, научный рейтинг (при наличии ученой степени, ученого звания, научных трудов), отсутствие отмененных или оспоренных заключений;

- личностной пригодностью эксперта с учетом состояния здоровья или иного психосоматического состояния (например, отсутствия алкогольного или наркотического опьянения в момент производства экспертизы).

1.5. Допустимость процессуального качества оформления заключения эксперта с учетом выполнения требований закона о реквизитах и правилах информационно-документационного закрепления результатов исследования (наличие дат, подписей, печатей, бланков, описей, приложений и др.).

2. Критерии относимости:

2.1. Относимость компетенции эксперта, учитывая род, вид экспертизы, профиль и специализацию эксперта или экспертного учреждения на проведение соответствующей экспертизы.

2.2. Относимость использованной экспертной методики, включая:

- отсутствие произвольного выбора экспертной методики, если нормативными и официальными методическими рекомендациями установлены градации и указания на конкретные определенные методики;

- надежность частной методики либо характера исследования, учитывая ее валидацию, верификацию, апробацию, получение тех же результатов при многократном тестировании одних и тех же объектов (проверяемость, воспроизводимость, проверочно-перепроверочная надежность), или когда применяются разные формы проверки (альтернативная надежность), или когда рассчитывается сходство между частями тестирования (разъединенная надежность);

- бесспорность, доказательность выбора определенного метода исследования;

- проверяемость выбранной методики исследования, которая должна быть сформулирована и описана официально-документационно или иметь статус общепризнанной научной разработки;

- единообразии применения методики с соблюдением предусмотренных ею порядка, процедур и условий экспертного тестирования. Проверяется посредством наблюдения в нормальных условиях восприятия или экспериментального исследования объектов и логически правильной обработки полученных данных, а также посредством логических выводов из имеющегося знания, которое уже было установлено ранее.

2.3. Относимость средств экспертного исследования с учетом использования исправной техники, оборудования, приборов и измерительных инструментов, прошедших поверку и отвечающих государственным стандартам качества, эталонам и требуемым физическим свойствам;

2.4. Относимость способов экспертного исследования:

- обоснованность применения конкретного способа исследования;

- точность математических расчетов, физических, химических, биомедицинских и др. способов анализа, в том числе дающих значительную неопределенность, погрешность (разброс значений) в оценках результатов исследований;

- экспериментальная чистота исследования, возможность повторить эксперимент в тех же условиях (ретикация), получив тот же результат;

- точность способа суждений об исследуемом объекте – асерторическое суждение, описывающее реальное состояние объекта, и аподиктическое, выражающее связь объектов или явлений.

2.5. Относимость коллегиального результата экспертного исследования, учитывая оценку возможности прийти к единому мнению, когда экспертиза произведена комиссией экспертов, разошедшихся во мнениях, в том числе с применением процедур согласования, голосования, рейтингового анализа.

2.6. Относимость вероятностных результатов экспертного исследования, в случаях, когда эксперт не может категорически высказать суждение относительно факта, наличие или отсутствие которого в прошлом или настоящем не было установлено с очевидностью, определенностью или недвусмысленностью, в том числе учитывая несомненность – исключение сомнений по поводу части обстоятельства, объекта или его свойства.

3. Критерии объективности:

3.1. Независимость суждений эксперта в отношении предшествующих суждений административных руководителей, органов правосудия, назначивших экспертизу, или ранее изложенных в материалах дела;

3.2. Беспристрастность эксперта к выбору относимых методов и способов исследования и достижению определенных результатов, в том числе:

- соответствие между исследованием и объектом исследования;
- отсутствие эмоциональности, предпочтений, предубежденности, предвзятости и предрассудков в отношении результата исследования;
- гносеологически нейтральное сопоставление познавательной и оценочной способностей с отрывом объекта от субъекта (участника дела, должностных лиц и др.);
- отсутствие прямой и косвенной заинтересованности эксперта в заранее определенном результате исследования;
- исключение «подгонки» исследования под заданный результат.

3.3. Неподкупность эксперта – отсутствие коррупционной составляющей, связываемой с результатом экспертизы.

3.4. Отсутствие прямой личной, деловой связи или иной зависимости эксперта от участников процесса или сторон дела.

4. Критерии полноты (всесторонности):

4.1. Полнота ответов на вопросы, поставленных перед экспертом.

4.2. Полнота использования объектов исследования, включая полноту оценки материальных объектов, истребования материалов и документов.

4.3. Полнота использования альтернативных методик исследования и всестороннее сравнение различных подходов к исследованию, проведению экспериментов и тестированию, в том числе полнота моделирования, объективации, абстрагирования или «угадывания» результата при наличии благоприятной возможности (шанса) пропорциональной вероятности возникновения результата исследования.

4.3. Полнота результатов экспертизы по предмету доказывания, исходя из того к какой части юридического факта, обстоятельства дела или правонарушения относилось экспертное исследование.

Подытоживая изложенную конструкцию критериев достоверности заключений экспертов, следует отметить, что она в известной мере условна и

носит в ряде случаев умозрительный характер незавершенной и нуждающейся в совершенствовании концепции. Однако особенность представленной концепции определения критериев достоверности заключений экспертов состоит в том, что эта концепция представляет собой вытекающий из процессуального законодательства алгоритмизированный и логически сформулированный инструментарий, с помощью которого правосудие и экспертное сообщество может с наивысшей степенью успешности определять достоверность заключений экспертов.

§ 2. Перспективы обеспечения принципа достоверности судебно-экспертной деятельности

Перспективы обеспечения принципа достоверности судебно-экспертной деятельности в функциональном значении видятся, как минимум, по следующим направлениям: а) в корректировке судебной практики; б) административной реконструкции государственной судебно-экспертной системы; в) унификации и алгоритмизации экспертных методик; г) кадровом обеспечении; д) специализированном образовании; е) информатизации.

1. Судебная практика, исходя из выявленных выше критериев достоверности, может быть скорректирована. Поскольку на смену неопределенной парадигмы допустимости-относимости-полноты доказательств может быть принята более стройная логически и нормативно парадигма критериев достоверности доказательств, включающих более четкие, непересекающиеся и различимые по смыслу признаки, по которым правосудие сможет эффективнее принимать законные решения.

В настоящее время, как показано выше, суды принимают решения, в которых одно и то же явление характеризуется то, как «относимость», то, как «допустимость». О полноте экспертного исследования вообще спорить не

приходится, поскольку в законодательстве вообще нет критериев полноты¹, так же как и нет определенности с синонимичным понятием всесторонности. Оставляя за рамками настоящего практического рассуждения философский вопрос о пределах полноты экспертного знания, следует признать, что любое заключение эксперта может быть дополнено, а значит в отсутствие четких критериев «полнота» - это чисто оценочная, субъективная категория, с помощью которой возможны произвольные и неправомерные судебные решения. Точно также и объективность экспертного исследования исчерпывающе не разъяснена судебными инстанциями, ведь уровень объективации знания в судебных решениях связывается с самыми различными факторами, а в конечном счете, не имеет завершенной правовой определенности.

В отсутствие критериев достоверности судебная практика пестрит самыми оригинальными обоснованиями, по которым отвергаются добротные экспертизы и принимаются на веру им противоположные. Например, поводами для сомнений в достоверности экспертиз суды называли: «несоблюдение баланса интересов участников процесса»², «отсутствие у суда специальных знаний»³, «закключение эксперта не рекомендуется использовать как возможный элемент доказательства»⁴, «сложность поставленных перед экспертом вопросов»⁵, и др.

Следовательно, совершенствование судебной практики оценки достоверности результатов экспертиз может быть направлено по пути

¹ За исключением рекомендательной позиции высшей судебной инстанции о том, что судам необходимо учитывать на все ли поставленные вопросы ответил эксперт. См.: Обзор судебной практики... 14 декабря 2011 г. // БВС. 2012. № 3.

² Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.04.2017 N Ф06-20515/2017 по делу N А65-5628/2016.

³ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.04.2017 N Ф04-5926/2016 по делу N А45-27068/2015.

⁴ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.04.2017 N Ф05-5360/2017 по делу N А40-20161/16.

⁵ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.10.2016 N Ф01-4732/2016 по делу N А29-6798/2015.

разработки четких критериев, которые частично уже наработаны в судебно-экспертной деятельности, но их следует развивать, придавая им строгую логику и математическую точность. Тем самым может быть получен в высшей степени положительный эффект качества судебных актов, их справедливости и обеспечения прав личности, общества и государства.

2. Судебно-экспертная система может быть административно реконструирована на основе принципа достоверности, как конечного резюмирующего элемента ее деятельности. С учетом этого принципа достаточно наглядно можно представить, какие элементы этой системы работают на конечный результат, а какие только его отдалают и запутывают. Достоверность как принцип работы позволяет реконструировать всю систему экспертного сообщества страны, начиная с системы государственных судебно-экспертных учреждений, заканчивая негосударственными частнопрактикующими экспертами. Реконструкция, с этой точки зрения, может быть подвергнута система, как в структурном, так и в функциональном отношении.

Если взглянуть на судебно-экспертную систему страны в структурном отношении, соотнеся ее с принципом достоверности, то можно обнаружить в ней две, зачастую противостоящие конструкции: государственную и частную. Противостоящие потому, что у них разная целевая ориентация, государственные судебно-экспертные учреждения ориентированы на обслуживание правосудия и достижение его целей, частные – в первую очередь заинтересованы в получении дохода из обслуживания правосудия. Поскольку достоверность, как мы ранее выяснили, не является однозначной определенностью для правосудия, то на этой неопределенности и несогласованности между государственными и негосударственными судебно-экспертными учреждениями могут достигаться разные цели, и не всегда конструктивные. Кроме того, даже внутри государственной системы экспертных учреждений наблюдается их целевая разобщенность по

ведомственному принципу. МВД, ФСБ, СК, Минюст, Минздрав, Минобороны и другие ведомства имеют в своем составе судебно-экспертные учреждения. Естественно, что главной мотивацией, целевой доминантой они (за исключением Минюста России) имеют отстаивание ведомственных интересов. Но если принцип достоверности не провозглашен, как единый эталон деятельности судебно-экспертных учреждений, независимо от их ведомственной принадлежности, то в стране падает доверие к экспертному знанию, растет число повторных экспертиз, перепроверок экспертов одного ведомства экспертами другого ведомства. Нельзя не видеть, что такая конструкция нерациональна, небрежна и расточительна. Она может быть улучшена за счет того, что структура судебно-экспертных учреждений может быть избавлена от дублирующих и неконтролируемых звеньев. Все государственные элементы должны быть администрируемы из единого «мозгового» центра и подчинены единой цели – генерации достоверности результатов деятельности этих учреждений. Отдельный разговор, выходящий за рамки настоящего исследования, о том, как это устроить с точки зрения финансирования, прохождения государственной и иной службы соответствующими категориями экспертов.

Однако вполне очевидно, что административные нормативы обеспечения достоверности должны быть одинаковыми для всех ведомств, в которых имеются судебно-экспертные учреждения. И это не составляет особой сложности, определить их можно на уровне страны в целом – правительства, а не только ведомств. Причем здесь следует учитывать особенности административно-территориального устройства нашей страны. Образно говоря, «плотности» правоохранительной системы страны должна соответствовать «плотность» судебно-экспертных учреждений, рационально концентрируемых и оптимально рассредоточенных по территории страны.

В этой связи администрирование является средством реализации принципа достоверности результатов судебно-экспертной деятельности,

которое подлежит востребованию на общегосударственном уровне. Необходима целостная концепция администрирования судебно-экспертной деятельности, в которой в полной мере будет разработан структурно-функциональный и понятийный аппарат системы, сформированы теоретические и нормативные основы управления качеством в данной области, модели синхронизации деятельности различных учреждений, критерии оценки эффективности ими реализации принципа достоверности.

Следует отметить, что в работах отечественных авторов проблема улучшения администрирования (менеджмента) судебно-экспертной деятельности отмечалась и ранее.¹ Однако в этих работах авторы, говорят о «качестве» судебных экспертиз абстрактно, не указывают, какое конкретно имеется в виду качество – положительное или отрицательное. Конечный результат – достоверность экспертного знания как бы отводится на второй план. Применить имеющиеся разработки можно будет вполне однозначно, если целью администрирования избрать принцип достоверности.

Таким образом, принцип достоверности предстаёт как принцип экспертного права и как принцип государственного управления, администрирования и менеджмента государственных и негосударственных судебно-экспертных организаций.

3. Экспертные методики, применительно к принципу достоверности, могут быть коренным образом переосмыслены. Существующая обширная литература по вопросам методик экспертного исследования², по сути,

¹ Аверьянова, Т.В. Судебная экспертиза. Курс общей теории. М., 2008; Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001; Кузьмин С.А. Организационно-правовое обеспечение менеджмента качества судебно-экспертной деятельности. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

² Смирнова С.А., Усов А.И. Повышение научной обоснованности методического обеспечения судебной экспертизы – один из важных международных трендов // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 2. С. 11–17; Смирнова С. А., Омелянюк Г.Г., Бебешко Г.И. Методические подходы к проведению валидации судебно-экспертных методик, включающих методики измерения (МИ) // Теория и практика судебной экспертизы. 2012. № 1. С. 50–62.

предполагает достоверность результатов, полученных при применении каждой из экспертных методик, однако в действительности в этом вопросе не существует методического единообразия и единомыслия. Достаточно сказать, что до настоящего времени не существует общегосударственного классификатора судебных экспертиз, а тем более нет реестра экспертных методик. Казалось бы, решение проблемы их создания давно назрело, но на практике правосудие продолжает испытывать затруднения с оценкой допустимости, относимости и достоверности результатов судебных экспертиз, проведенных за пределами государственных судебно-экспертных учреждений или не вошедших в ведомственные перечни экспертных учреждений.¹ В гражданском, уголовном, административном судопроизводстве растет количество дел, при разрешении которых возникает необходимость в производстве судебных экспертиз, не укладывающихся в официально-утвержденные перечни родов и видов судебных экспертиз, обеспеченных соответствующими методиками.² Все чаще возникают экспертные задачи, не имеющие должного методического обеспечения. Поэтому специалисты вполне обоснованно ставят вопросы унификации методик экспертного исследования.³

¹ Приказ МВД России от 11 янв. 2009 г. № 7 «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» (ред. 16.05.2016); Приказ Минюста России от 20 дек. 2002 г. «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях системы Министерства юстиции Российской Федерации»; Приказ ФСБ РФ от 23 июня 2011 г. № 277 «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности» (ред. 12.05.2015); Приказ МЧС России от 19 августа 2005 г. № 640 «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях федеральной противопожарной службы».

² Приказ Минюста России от 27 декабря 2012 г. № 237 // <https://minjust.ru/ru/prikaz-minyusta-rossii-ot-27122012-no-237>

³ Аснис А.Я. Субъективное и объективное в судебной экспертизе и современная практика правоприменения // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. №1 (41). С. 60-61.

Проблема даже не столько в том, что до сих пор в стране отсутствует единый (надведомственный) государственный орган, отвечающий за состояние научно-методического обеспечения судебно-экспертной деятельности, сколько в том, что нет принципиальной целевой установки на удовлетворении потребности государства в позитивном качестве судебно-экспертной деятельности в виде ее достоверности. Именно на достоверность рассчитывает каждый участник отправления правосудия, в том числе имея в виду качество достоверности результатов проведенных судебных экспертиз. Достоверность достигается, помимо прочего и тем, что применяются одни и те же экспертные методики, независимо от того, какое судебно-экспертное учреждение или лицо проводит исследование. Участники уголовного, гражданского, арбитражного и административного процесса должны иметь возможность в равной степени ознакомиться с содержанием примененной экспертной методики, включая способы исследования и параметры технических средств. Следовательно, законодательство должно в полной мере учесть эту потребность и установить четкие гарантии достоверности экспертных методик.

Вполне заслуживают внимания предложения ряда ученых и практиков о необходимости создания Единого государственного реестра методик судебных экспертиз. Для проведения этой работы необходимо создать национальный аналитический орган, который будет вести отбор, регистрацию и патентование экспертных методик, в том числе частных, вносить предложения по подготовке соответствующих стандартов и нормативных актов. В этой связи представляется обоснованной, но все же недостаточной государственной мерой создание Технического комитета по стандартизации «Судебная экспертиза»¹, поскольку стандарт и методика проведения экспертизы имеют различающиеся между собой свойства и

¹ Приказ Росстандарта от 13 мая 2015 г. № 561.

характер нормативного влияния на обеспечения конечного качества экспертизы – ее достоверность.

Тем не менее, «на стыке» стандартизации и методического обеспечения судебно-экспертной деятельности предстоит решить множество научно-практических задач, например: по разработке национальных стандартов по видам и родам экспертиз; по обеспечению единства измерений, технической и информационной совместимости, сопряжения результатов судебно-экспертных исследований; созданию систем обеспечения качества экспертного производства, инфокоммуникационных систем, унификации экспертных методик и др.

В этой деятельности определенные ориентиры уже имеются, в частности, изложенные в стандартах – ГОСТах «Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий»¹, «Аккредитация судебно-экспертных лабораторий»², «Аттестация испытательного оборудования»³, «Стандартные образцы состава и свойств веществ и материалов. Основные положения»⁴, «Лаборатории медицинские. Частные требования к качеству и компетентности»⁵, «Точность (правильность и прецизионность) методов и результатов измерений»⁶ и др. Кроме того, при осуществлении этой работы должен быть востребован обширный массив международных инструктивно-методических материалов,

¹ ГОСТ ISO/IEC 17025-2019. Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий. М., 2019.

² ГОСТ Р 52960-2008. Аккредитация судебно-экспертных лабораторий. Руководство по применению ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025. М., 2008.

³ ГОСТ Р 8.568-2017. Государственная система обеспечения единства измерений. Аттестация испытательного оборудования. Основные положения. М., 2018.

⁴ ГОСТ 8.315-2019. Государственная система обеспечения единства измерений (ГСИ). Стандартные образцы состава и свойств веществ и материалов. Основные положения. М., 2020.

⁵ ГОСТ Р ИСО 15189-2015. Лаборатории медицинские. Частные требования к качеству и компетентности. М., 2015.

⁶ ГОСТ Р ИСО 5725-1-2002. Точность (правильность и прецизионность) методов и результатов измерений. Часть 1. Основные положения и определения М., 2009.

например, ИЛАС G-19:2014 «Modules in a Forensic Science Process»¹, «ENFSI Guideline for Evaluative Reporting in Forensic Science. Strengthening the Evaluation of Forensic Results across Europe»² и др.

Представляется весьма важным дальнейшее совершенствование научных основ и практики сертификации судебно-экспертных методик, применения вероятностно-статистических методов при оценке значимости результатов экспертного исследования³, валидации методического обеспечения судебно-экспертной деятельности⁴.

Следует также обратить внимание на методический аспект разрешения правовых вопросов экспертами. Несмотря на то, что высшие судебные инстанции не приветствуют участие экспертов в решении правовых вопросов⁵, на практике это происходит во множестве случаев, когда перед экспертом ставятся вопросы оценки соответствия действий лиц конкретным

¹ ИЛАС-G19:08/2014. Модули в судебно-экспертном процессе – Modules in a Forensic Science Process // <https://ilac.org/language-pages/russian/>

² Градусова О.Б. и др. Руководство ENFSI по оценке совокупности выявленных признаков объектов судебной экспертизы статистическими методами: комментированный перевод / Под ред. А.И.Усова. М., 2018.

³ Усов А.И., Градусова О.Б., Кузьмин С.А. Использование вероятностно-статистических методов при оценке значимости результатов экспертного исследования в отечественной и зарубежной судебной экспертизе (сравнительный анализ) // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Том 14. № 4. С. 6–15.

⁴ Смирнова С.А., Усов А.И. Повышение научной обоснованности методического обеспечения судебной экспертизы – один из важных международных трендов // Теория и практика судебной экспертизы. 2017. Том 12. № 2. С. 11–17. Смирнова С.А., Омелянюк Г.Г., Бебешко Г.И. Методические подходы к проведению валидации судебно-экспертных методик, включающих методики измерения (МИ) // Теория и практика судебной экспертизы. – 2012. – № 1. С. 50–62. Смирнова С. А., Омелянюк Г.Г., Бебешко Г.И. Методические подходы к проведению валидации судебно-экспертных методик, включающих методики измерения (МИ) // Теория и практика судебной экспертизы. 2012. № 1. С. 50–62; Усов А.И., Градусова О.Б., Кузьмин С.А. Использование вероятностно-статистических методов при оценке значимости результатов экспертного исследования в отечественной и зарубежной судебной экспертизе (сравнительный анализ) // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Том 14. № 4. С. 6–15.

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

правилам и нормативам, например, Правилам дорожного движения¹, узкоспециальным положениям финансового, налогового, патентного и др. отраслей права.

Представляется, что для этого должна существовать «селективная» методика, которая позволит экспертам видеть границу между правовыми вопросами и специальными вопросами экспертного знания, связанными, например, с финансовым, информационным, техническим и другим регулированием. Такая методика, разумеется, должна сформулировать границы невмешательства эксперта в квалификацию деяния, оценку доказанности вины и другие вопросы, относящиеся к сфере исключительной компетенции правосудия. Возможно, для этого потребуется не одна методика, а множество дополнений к уже существующим методикам, которыми будут «разведены» правовые вопросы для судебной экспертизы и правосудия. Но так или иначе, исчерпывающие сведения об этом должны быть в Едином государственном реестре методик судебных экспертиз.

Кроме того, необходимо разрешить методические вопросы при производстве комиссионных и комплексных экспертиз, выполняемых экспертами разных специальностей или состоящих на службе различных ведомств. В этой связи существует потребность в создании надведомственной ведущей организации, координирующей сопряжение методик при проведении комплексных экспертиз.

4. Кадровое обеспечение судебно-экспертной системы. Обычно в научной литературе, когда речь заходит об этом вопросе, то он сводится к обсуждению того, как улучшить образование и подготовку экспертов.² Здесь

¹ Постановление Совета Министров - Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 «О правилах дорожного движения» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 22 ноября 1993 г. № 47. Ст. 4531.

² Аверьянова Т.В. Организационные и методические проблемы развития и внедрения методов экспертного // Использование достижений науки и техники в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений. Саратов, 1994; Теория

хотелось бы поставить вопрос иначе. Не менее важно понять, как распорядиться уже имеющимся «человеческим ресурсом» страны, который уже существует в виде великолепных научных экспертных школ и незаменимых практиков – экспертов, уже имеющих свои достижения и непререкаемый авторитет, прекрасные личные и профессиональные качества.

С сожалением приходится признавать, что на сегодня не существует государственного органа, который бы вообще задался целью понять, с каким человеческим потенциалом страна осуществляет судебно-экспертную деятельность. Никто не задумывается над вопросом о личном качестве каждого эксперта и о его месте в общегосударственной системе экспертного знания. На сегодня ни личные качества, ни дипломы, ни стаж и результаты работы экспертов никого практически не интересуют. При отправлении правосудия экспертизы поручаются экспертам по случаю или по их должностной принадлежности. Только в скандальных ситуациях всплывает вопрос, а кто собственно поставил подпись под заключением эксперта, что это за люди и каков уровень их квалификации. Поэтому ясно, что вопрос о кадровом обеспечении в экспертной сфере давно перезрел.

Его решение представляется весьма сложным, потому что его решение упирается в политику. По большому социально-политическому счету, в стране идет противоборство двух тенденций в экспертной области – государственного управления и рыночного хаоса. Создать водораздел между коммерческой и некоммерческой судебной экспертизой – это сверхзадача государства, которая хотя и связана с достоверностью судебно-экспертной деятельности, но все же выходит за рамки настоящего исследования. Здесь же отметим, что приблизиться к решению этой задачи можно с помощью простейшего и естественного способа кадровой работы – учета экспертных кадров.

Экспертное сообщество сегодня остро нуждается в **федеральном регистре судебных экспертов** (далее – Регистр). Современные инфокоммуникационные возможности страны вполне позволяют создать публичный электронный портал для регистрации экспертных кадров. Организация такого портала может быть предпринята под эгидой Минюста России, который отдельным нормативным актом мог бы предусмотреть правила ведения Регистра по родам и видам экспертиз с учетом всех необходимых критериев качества личности эксперта и имеющихся у него специальных знаний.

Во-первых, в этом заинтересованы сами эксперты, каждый из которых представляет собой личность, которая вправе рассчитывать на важность своего служения для общества и возможность быть отмеченным обществом.

Во-вторых, для органов правосудия не менее важно знать, кто конкретно проводит экспертизу, кому ее лучше назначить, и кто лучше справляется с этой работой. При проведении сложных экспертиз, требующих особых знаний с помощью Регистра органы правосудия могут безошибочно найти компетентных специалистов, работающих в научно-исследовательских организациях и учебных заведениях. Штатные судебные эксперты ведомств могли бы качественно курировать научно-методическое обеспечение привлекаемых внештатных экспертов. Имея в распоряжении Регистр, правосудие может рационально распределять между ними экспертную нагрузку, и тем самым сократить сроки производства судебных экспертиз. Ведь с помощью электронного Регистра возможно наглядно представить загруженность экспертного сообщества. Тогда можно будет избавиться от сегодняшней проблемы, когда эксперт, обладающей уникальной квалификацией и опытом никем не востребован только потому, что экспертной работой загружают по «наезженной» практике тех, кому ранее она поручалась, пусть даже они и не обладают высшей квалификацией.

В-третьих, гражданское общество также заинтересовано в том, чтобы знать, «кто есть кто» в экспертном сообществе. Система рейтингов экспертов по их стажу, образованию, качеству экспертной работы – всё это позволит переориентировать экспертное сообщество на достижение принципа достоверности судебно-экспертной деятельности.

5. Образование в целях подготовки и переподготовки кадров для судебно-экспертной системы также имеет важное значение. Проблемам повышения качества образования в этой сфере посвящено немало публикаций С.А. Смирновой¹, Н.П. Майлис² и многих других. Однако, в аспекте достоверности – обеспечения конечного качества образования экспертов сказано, на наш взгляд недостаточно. Причиной этого является, на наш взгляд, отсутствие общегосударственной политики в области экспертного образования. На сегодняшний день государство исходит как-бы из равной удаленности от различных систем образования, в надежде на то, что стихийное востребование экспертов само себя отрегулирует и лучшие из экспертов окажутся в лучшем положении, а худшие отсеются. В действительности всё происходит далеко не так.

В настоящее время подготовка специалистов в области судебной экспертизы производится в экспертных учреждениях³ и в учебных заведениях⁴. Действующий федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 40.05.03 Судебная

¹ Смирнова С.А. Вызовы времени и экспертные технологии правоприменения. М., 2012.

² Майлис Н.П. О подготовке экспертных кадров в учебных заведениях и в системе государственных судебно-экспертных учреждений // Теория и практика судебной экспертизы. 2007. № 2 (6). С. 34–36.

³ Например, ФБУ РФЦСЭ Минюста России имеет лицензию на осуществление образовательной деятельности от 29.05.2012 г. № 0021.

⁴ Майлис Н.П. О подготовке экспертных кадров в учебных заведениях и в системе государственных судебно-экспертных учреждений // Теория и практика судебной экспертизы. 2007. № 2 (6). С. 34–36.

экспертиза¹ ограничивается только пятью специализациями: криминалистические, инженерно-технические, экономические, речеведческие экспертизы и экспертизы веществ, материалов и изделий. Однако Перечень родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях, в частности, Минюста России насчитывает свыше 50 видовых специализаций². С этой точки зрения названный Государственный образовательный стандарт нуждается в существенной корректировке.

По нашему мнению, вся образовательная деятельность в целях подготовки экспертов нуждается в том, чтобы она координировалась государством из единого центра, который одновременно мог бы вобрать в себя как функции контроля реализации образовательных программ, так и сертификацию и учет судебных экспертов страны, независимо от их ведомственной и хозяйственной принадлежности. Вопросы о том, на каких основах целесообразнее разворачивать этот центр: на бюджетной или на самоокупаемой; администрирования или самоуправления, по-видимому, выходят за пределы настоящего исследования и относятся к сфере административного права и государственного управления. Хотя этот вопрос мог бы стать весомым предметом для внесения изменений в действующий закон о судебно-экспертной деятельности.

6. Информатизация судебно-экспертной системы в основной массе работ ученых раскрывается, исходя из необходимости наращивания вспомогательного технического потенциала судебно-экспертных учреждений. Однако в настоящее время удовлетворение минимальных потребностей технической оснащенности экспертов перестали быть идеалом

¹ Приказ Минобрнауки России от 28.10.2016 № 1342 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза (уровень специалитета).

² Приказ Минюста России от 27.12.2012 № 237 // <https://minjust.ru/ru/prikaz-minyusta-rossii-ot-27122012-no-237>

их функциональной эффективности. Электроника и киберпространство теперь уже реально заняли место непосредственных производительных сил в экспертном труде. Поэтому, на наш взгляд, пришло время коренного переосмысления концепции применения инфокоммуникационных средств в экспертной сфере. В современных условиях для этого видится как минимум два ранее научно-практически не востребованных направления: а) информационный учет экспертных ресурсов; б) искусственный интеллект в экспертной деятельности.

Информационный учет экспертных ресурсов может быть организован по принципу саморегулируемого интернет-портала, на котором по заданным заинтересованными государственными органами, в том числе судами и правоохранительными структурами, могли быть совмещены информационные массивы: а) методического обеспечения; б) кадрового состава; в) образования, подготовки и переподготовки экспертов; г) сертификации или лицензирования экспертов; и др. Задание на разработку подобного портала вполне можно было бы утвердить нормативным актом Минюста России.

Несколько более сложной представляется реализация идеи **искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности**. В настоящий момент в юридической литературе практически ничего не разработано по этой проблематике. Пока правоведы не сформулировали понимания искусственного интеллекта в виде правовой проблемы, требующей безотлагательного решения. Однако взрывообразное развитие кибертехнологий не оставляет иного выбора, как незамедлительно погрузиться в правовой анализ искусственного интеллекта и создание юридических основ его применения в практической деятельности. Поскольку компьютерный искусственный интеллект реально уже создан и применяется, и по своим возможностям превышает человеческие возможности. Имеются киберсистемы, которые способны самообучаться, адаптироваться к

материальной, духовной и правовой жизни общества. Искусственный разум уже давно обыгрывает человека не только в азартных, но и в деловых играх. Есть программы спорщики, которые уже могут легко переспорить человека в юридических дебатах. Программы уже давно способны писать и проверять составленные людьми юридические акты, в том числе заключения экспертов. Созданы алгоритмизированные комплексы, способные выносить правовые решения с почти такой же, как и у судов, доказательной силой и обоснованностью.¹ Уже сейчас существуют роботы-эксперты, которые самостоятельно проводят экономические, оценочные, банковские экспертизы. Причем они решают их быстрее и качественнее с математической точностью. Круг решаемых ими задач не ограничен. В отличие от экспертов-людей они могут беспристрастно выдерживать заданные параметры объективности и достоверности.

Разумеется, если общество и правосудие убедятся в том, что одну и ту же функцию за человека-эксперта может выполнять робот, что он лучше, чем человек справляется с исследовательской задачей, то альтернативы роботам не будет. Искусственный интеллект способен уже сейчас молниеносно выдать экспертное решение по многим типовым вопросам и более того, качественно его оформить, заверив электронной подписью, которая несравненно более защищена, чем обычная – человеческая, заверенная печатью учреждения. А главное, что техника при должной эксплуатации не допускает методических ошибок, она безупречна ровно настолько, насколько о ней позаботился человек, встраивая ее в правоотношения.

Чтобы оценить всю мощь и пользу искусственного интеллекта для судебно-экспертной системы, нужно подготовить к этому материальное и процессуальное право, предусмотрев в нем типовые алгоритмы принятия

¹ Искусственное моделирование судебных актов позволило роботам в большинстве случаев 70-80% предсказать решения Европейского суда по правам человека.

решений, как для условий очевидности, так и в неочевидности событий и доказательств, а также для выявления признаков достоверности экспертного познания при решении задач расследования и судебного разбирательства уголовных, гражданских, административных и арбитражных дел. В экспертном мышлении хотя и не всё может быть алгоритмизировано (как показано в § 1 гл. 1), но многое из всего можно представить в виде ясных алгоритмов искусственного интеллекта, исходя из типовых экспертных заданий по значительной массе судебных дел.

Несмотря на целый ряд преимуществ искусственного экспертного интеллекта, он пока остается в сфере футурологии непознанного. Формализованная кибернетически экспертная деятельность отпугивает и тем, что роботу-эксперту будут недоступны чувства этики, интуиции, верности, чести и др. Однако искусственный интеллект уже преодолел порог непонимания человеческих чувств, морали, нравственности, обычаев и традиций. Все это может быть программируемо и выражено точным языком кибернетических и математических алгоритмов. Робот-эксперт уже работает и понимает человека лучше, чем человек понимает себя. В этой связи насущной правовой задачей обеспечения достоверности судебно-экспертной деятельности представляется создание правовой регламентации искусственного интеллекта для выработки способов исследования связей между достоверностью и процессуальным актом, содержащим выводы эксперта, в практическом применении к различным ситуациям правосудия.

Подводя итог сказанному о перспективах обеспечения достоверности в судебно-экспертной деятельности, следует прийти к выводу о том, что современные условия функционирования государственной системы экспертизы могут быть существенно модифицированы с помощью правового закрепления принципа достоверности в судебной практике и государственном управлении, а также в сферах экспертного образования,

методического, кадрового и информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности.

§ 3. Совершенствование правового закрепления принципа достоверности судебно-экспертной деятельности

Понятие «достоверность» закон употребляет наряду с другими понятиями, характеризующими как процессуальные акты, в том числе заключения эксперта, так и процедуру доказывания. В одном смысловом ряду с достоверностью в уголовном, гражданском, арбитражном и административном процессуальном законодательстве находятся понятия: «относимость», «допустимость», «обоснованность», «всесторонность», «полнота», «объективность», «достаточность», «правильность»¹. Однако правила соподчиненности этих понятий отсутствуют, они употребляются как неравнозначные и не синонимичные. Вместе с тем, как обосновано выше, понятие достоверность в названном понятийном ряду является родовым, применительно к судебно-экспертной деятельности. Ведь нельзя считать достоверным заключение эксперта, если оно не относимое или недопустимое, необъективное, неполное или неправильное. Равно как и наоборот – неправильное заключение нельзя считать достоверным.

Процессуальный закон содержит некоторые правила признания доказательств недопустимыми, не относимыми. Однако правила признания доказательств недостоверными в законодательстве отсутствуют. Допустимости и относимости доказательств процессуальные кодексы посвящают отдельные статьи, а о достоверности говорится в общем смысловом контексте оценки доказательств или судебных актов. По нашему мнению, это нелогично по существу и в частности по отношению к заключениям экспертов.

¹ Ст. 7, 33, 88, 207, 235 УПК; ст. 59, 60, 67, 85, 86, 87 ГПК; 55, 67, 68, 71, 75 АПК; ст. 26.2, 26.11 КоАП; ст. 60, 61, 70, 84, 152 КАС; ст. 20 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

1. Как справедливо отмечал И.В. Овсянников, «если свойства относимости и допустимости доказательств достаточно подробно разработаны и исследованы в современной теории доказательств, то этого нельзя сказать о достоверности как свойстве доказательств».¹ Кроме того, многие отечественные процессуалисты традиционно отождествляли достоверность с «истиной по делу».² В ней видели делимое понятие, полагая, что достоверность в зависимости от формы познания может быть непосредственной или опосредованной, «полученной путем сообщения или теоретического доказательства».³ Отражение в достоверности субъективных и объективных факторов качества доказательств и доказывания также ранее отмечалась рядом ученых⁴. Например, Е.П. Гришина отмечала, что в достоверности «переплетаются как объективный, так и субъективный моменты. Оба они тесно взаимосвязаны и, как правило, друг без друга не существуют. Объективный момент (наличие или отсутствие каких-либо фактов или различное сочетание фактов) всегда предполагают субъективное

¹ Овсянников И.В. Проблема достоверности доказательств в доказательственном праве России // Современное право. 2004. № 7.

² Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. С. 256; Арсеньев, В.Д. Истина, достоверность и обоснованность в судебном и экспертном исследовании по уголовным делам // Вопросы теории судебной экспертизы. М., 1979. № 39. С. 33-45.

³ Педенчук А.К. Проблемы обеспечения достоверности заключения судебного эксперта. М., 1992. С. 76.

⁴ Аснис А.Я. Субъективное и объективное в судебной экспертизе и современная практика правоприменения // Теория и практика судебной экспертизы. 2016. №1 (41). С. 60-61; Аминев Ф.Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. юрид. наук. 2017; Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001; Гришина Е.П. Достоверность доказательств и способы ее обеспечения в уголовном процессе: дис... канд. юрид. наук. М., 1996; Жижина М.В. Оценка достоверности заключения эксперта как доказательства в арбитражном судопроизводстве: проблемы и пути преодоления // Право и экономика. 2009. № 3. С. 20-24; Немира С.В. Достоверность заключения эксперта в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. 2016; Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. М., 1995; Смирнова С.А. Вызовы времени и экспертные технологии правоприменения. М., 2012; Шляхов А.Р. Судебная экспертиза: организация и проведение. М., 1979; Эйсман А.А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). М., 1967.

восприятие и сугубо субъективную оценку этих фактов действительности».¹ А.А. Эйсман считал достоверным, «такой вывод из исследования или такое утверждение, истинность которого обеспечена заранее, гарантирована соответствующим выбором метода исследования или способа рассуждения».² Аналогично трактуемый термин «правильность» заключения эксперта «означает соответствие выводов эксперта объективной действительности»³ требует уточнения, поскольку авторы не приводят четких критериев различий этих понятий.

В этой связи следует согласиться с точкой зрения А.Н. Петрухиной, которая убедительно показывает, что «достоверность – понятие более широкое, поскольку она определяется не только путем анализа самого заключения, но и его оценкой в совокупности с другими доказательствами, как, впрочем, и любого другого доказательства».⁴ Актуальным для практики судопроизводства, но дискуссионным в теории доказательств является вопрос о соотношении достоверности и допустимости как важнейших характеристик любого доказательства, в частности заключения эксперта. Е.А. Гришина также отмечала, что «вопрос о достоверности того или иного источника доказательств или самого доказательства может быть поставлен только в том случае, если доказательство (или источник) являются допустимыми, и в то же время допустимое доказательство ничего не докажет либо приведет к ошибочным выводам, если оно не будет достоверным».⁵ И.В. Овсянников подчеркивает, что различие рассматриваемых понятий

¹ Гришина Е.П. Достоверность доказательств и способы ее обеспечения в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 50 - 51.

² Эйсман А.А. Заключение эксперта. Структура и научные обоснования. М., 1967. С. 111.

³ Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М., 2009. С. 23; Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. М., 2005. С. 108.

⁴ Петрухина А.Н. Достоверность результатов экспертного исследования в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2012. № 2. С. 8-10.

⁵ Гришина Е.П. Достоверность доказательств и способы ее обеспечения в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996. С. 42.

состоит в том, что «допустимость оценивается по формальным признакам, прямо предусмотренным в законе, а достоверность – не по формальным признакам, а содержательно».¹

Как видим, высказанное нами мнение о родовом характере понятия достоверность, разделяют многие авторы. Выводы эксперта могут быть вполне правильными, но не достоверными, противоречить истине и другим доказательствам. Следовательно, формальное выполнение закона при оформлении заключения эксперта обеспечивает допустимость полученного доказательства, но не гарантирует его достоверность. Кроме того, если оценка допустимости доказательства производится безотносительно к другим доказательствам, то оценка с точки зрения достоверности возможна лишь по отношению к другим доказательствам и дается в целом по результатам доказывания.

По нашему мнению, избежать процессуальной неопределенности в вышеприведенном понятийном ряду можно, если выделить родовое понятие и раскрыть его с помощью подчиненных ему понятий, которые по существу являются критериями достоверности. Элементами и одновременно критериями достоверности следует признать вышеприведенные понятия: «относимость», «допустимость», «обоснованность», «всесторонность», «полнота», «объективность», «достаточность», «правильность».²

Если категорию достоверности вывести в процессуальном понятийном ряду в качестве принципа, то снимаются все вопросы согласованности понятий. Принцип права обеспечивается критериями его соблюдения. Алгоритм распределения критериев достоверности дан нами в предыдущем § 2 гл. 3 настоящей диссертации. На этой основе выстраивается четкая

¹ Овсянников И.В. Проблема достоверности доказательств в доказательственном праве России // Современное право. 2004. № 7.

² Ст. 7, 33, 88, 207, 235 УПК; ст. 59, 60, 67, 85, 86, 87 ГПК; 55, 67, 68, 71, 75 АПК; ст. 26.2, 26.11 КоАП; ст. 60, 61, 70, 84, 152 КАС; ст. 20 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

логика: правосудие и эксперт действуют во исполнение единого процессуального принципа достоверности, соблюдение которого определяется ясными и недвусмысленными критериями. В случае обнаружения несоответствия заключения эксперта любому из критериев оно признается недостоверным и это является основанием для назначения повторной экспертизы.

От такого толкования достоверности институт повторной судебной экспертизы только выиграет, поскольку назначение повторных экспертиз будет подчинено ясным и последовательным критериям достоверности, которые будут едины независимо от вида судопроизводства – уголовного, гражданского, арбитражного или административного. От этого выиграет и целостность экспертной системы, ведь ее функциональность не имеет деления по видам судопроизводства, она хотя и разделена на ведомственные сегменты, но едина по смыслу профессии, как едины и должны быть критерии качества ее работы. Поэтому наилучшим обобщающим показателем качества судебно-экспертной деятельности является достоверность. Исходя из этого, можно предложить следующее определение:

Достоверность судебно-экспертной деятельности – это состояние совпадения и взаимообусловленности критериев, позволяющих воспринимать доказанность факта или события, исходя из оценки соблюдения каждого критерия как элемента доказывания, достигать в правосудии несомненного и убедительного результата – законного процессуального решения или судебного акта.

На основе этого определения можно представить изменения в процессуальное право, включая закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» в той мере, в какой они содержат неопределенность в вопросах о том: как определить, содержит ли заключение достоверное описание проведенного исследования; как проверить достоверность сделанных экспертом выводов; должен ли суд в

случаях, когда эксперт не смог ответить все поставленные перед ним вопросы, назначать дополнительную или повторную экспертизу; как определить недостаточную ясность, неполноту, правильность, объективность и обоснованность заключения эксперта; какие должны быть выявлены нарушения закона, при которых заключение эксперта будет являться недопустимым и не относимым; каким образом при проведении экспертизы вне государственного судебно-экспертного учреждения суд должен определять наличие у лиц, не являющихся государственными судебными экспертами, специальных знаний в различных областях науки, техники, искусства, ремесла при проведении конкретного вида экспертизы; и др.

В уголовно-процессуальной сфере, исходя из принципа достоверности, предлагается внести следующие изменения в УПК

В статье 75 УПК слово «недопустимые» заменить словом «недостоверные».

Статью 88 УПК изложить в следующей редакции:

«Статья 88. Правила оценки доказательств

1. Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения его достоверности, а все собранные доказательства как по отдельности, так и в совокупности – следующим критериям достоверности доказательств:

а) относимости – смысловой связи доказательства с предметом судебного разбирательства;

б) допустимости – подтверждению доказательства установленными законом средствами и способами доказывания;

в) обоснованности – документальной и фактической подтвержденности доказательства доводами, не оставляющими сомнений в их истинности, убедительности и законности;

г) всесторонности – обширности доказательства, применительно к пространству, времени и кругу лиц, исследуемых в судебном процессе;

д) полноты – качественной и количественной пригодности доказательства для установления факта, обстоятельства или взаимной связи между ними;

е) объективности – беспристрастности, непредубеждённости, непредвзятости, неподкупности, справедливости и независимости получения, подтверждения и оценки доказательства;

ж) достаточности – количественной наполненности сведений для установления факта, обстоятельства или взаимной связи между ними;

з) правильности – верности, точности, безошибочности получения, подтверждения и оценки доказательства.

2. В случаях, указанных в части второй статьи 75 настоящего Кодекса, суд, прокурор, следователь, дознаватель признает доказательство недостоверным.

3. Прокурор, следователь, дознаватель вправе признать доказательство недостоверным по ходатайству подозреваемого, обвиняемого, их защитника, потерпевшего или его представителя, а также по собственной инициативе. Доказательство, признанное недостоверным, не подлежит включению в обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление.

4. Суд вправе признать доказательство недостоверным по ходатайству сторон или по собственной инициативе в порядке, установленном статьями 234 и 235 настоящего Кодекса.».

В гражданско-процессуальной сфере могут быть представлены изменения, учитывая, что согласно ч. 2 ст. 12 ГПК суд, сохраняет независимость, объективность и беспристрастность, осуществляет руководство процессом и создает условия для установления фактических обстоятельств при рассмотрении и разрешении гражданских дел, а в случае возникновения в процессе рассмотрения дела вопросов, требующих специальных знаний в области науки, техники, искусства, ремесла, –

назначает экспертизу (ч.1 ст. 79 ГПК), что входит в задачи гражданского судопроизводства по правильному разрешению гражданских дел (ст. 2 ГПК). При этом результаты экспертизы не имеют для суда заранее установленной силы и оцениваются им по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании всех имеющихся в деле доказательств; результаты такой оценки суд обязан отразить в решении, в котором приводятся мотивы, по которым одни доказательства приняты в качестве средств обоснования выводов суда, другие доказательства отвергнуты судом, а также основания, по которым одним доказательствам отдано предпочтение перед другими (ст. 67 ГПК). Гарантиями прав участвующих в деле лиц при назначении судом по делу экспертизы выступают установленная уголовным законодательством ответственность за дачу заведомо ложного заключения (часть вторая ст. 80 ГПК, ст. 307 УК), предусмотренная ч. 2 ст. 87 ГПК возможность ходатайствовать перед судом – в случае возникновения сомнений в правильности или обоснованности заключения эксперта - о назначении повторной экспертизы, проведение которой поручается другому эксперту, а также установленные процессуальным правом процедуры проверки судебных постановлений вышестоящими судами и основания для их отмены или изменения.

Исходя из этого, статьи 59, 60 ГПК предлагается изложить в следующей редакции:

«Статья 59. Достоверность доказательств

1. Суд принимает только те доказательства, достоверность которых подтверждена при рассмотрении и разрешении дела.

2. В случае если суд придет к выводу, что письменное доказательство не отвечает принципу достоверности и не подлежит принятию в качестве доказательства, он должен привести в своем решении мотивы и правовые основания, которым доказательство не соответствует.

3. Достоверность доказательства, ранее отклоненного судом, может быть восстановлена мотивированным решением суда в ходе дальнейшего судопроизводства.

Статья 60. Критерии достоверности доказательств

Достоверность доказательств при рассмотрении и разрешении дела подтверждается их соответствием следующим критериям:

1. Относимость – смысловая связь доказательства с предметом судебного разбирательства.

2. Допустимость – подтверждение доказательства установленными законом средствами и способами доказывания.

3. Обоснованность – документальное и фактическое подтверждение доказательства доводами, не оставляющими сомнений в их истинности, убедительности и законности.

4. Всесторонность – обширность доказательства, применительно к пространству, времени и кругу лиц, участвующих в судебном процессе.

5. Полнота – качественная и количественная пригодность доказательства для установления факта, обстоятельства или взаимной связи между ними.

6. Объективность – беспристрастное, непредубеждённое, непредвзятое, неподкупное, справедливое и независимое получение и подтверждение доказательства.

7. Достаточность – количественная наполненность сведений для установления факта, обстоятельства или взаимной связи между ними.

8. Правильность – верность, точность, безошибочность получения, подтверждения и оценки доказательства.».

В части первой статьи 85 ГПК слова «обоснованное и объективное» заметить словом «достоверное».

В статье 87 ГПК:

в части первой слово «неполноты» заметить словом «недостоверности»;

в части второй слова «правильности или обоснованности» заменить словом «достоверности».

В арбитражно-процессуальной сфере представляется целесообразным внести следующие изменения в АПК:

В части второй статьи 55 АПК слово «объективное» заменить словом «достоверное», слова «по поставленным вопросам» исключить.

Статьи 67, 68 АПК изложить в следующей редакции:

«Статья 67. Достоверность доказательств

1. Арбитражный суд принимает только те доказательства, достоверность которых подтверждена при рассмотрении и разрешении дела.

2. В случае если арбитражный суд придет к выводу, что письменное доказательство не отвечает принципу достоверности и не подлежит принятию в качестве доказательства, он должен привести в своем решении мотивы и правовые основания, которым доказательство не соответствует.

3. Достоверность доказательства, ранее отклоненного арбитражным судом, может быть восстановлена мотивированным решением арбитражного суда в ходе дальнейшего судопроизводства.

Статья 68. Критерии достоверности доказательств

Достоверность доказательств при рассмотрении и разрешении дела подтверждается их соответствием следующим критериям:

1. Относимость – смысловая связь доказательства с предметом судебного разбирательства.

2. Допустимость – подтверждение доказательства установленными законом средствами и способами доказывания.

3. Обоснованность – документальное и фактическое подтверждение доказательства доводами, не оставляющими сомнений в их истинности, убедительности и законности.

4. Всесторонность – обширность доказательства, применительно к пространству, времени и кругу лиц, участвующих в судебном процессе.

5. Полнота – качественная и количественная пригодность доказательства для установления факта, обстоятельства или взаимной связи между ними.

6. Объективность – беспристрастное, непредубеждённое, непредвзятое, неподкупное, справедливое и независимое получение и подтверждение доказательства.

7. Достаточность – количественная наполненность сведений для установления факта, обстоятельства или взаимной связи между ними.

8. Правильность – верность, точность, безошибочность получения, подтверждения и оценки доказательства.».

Части первую, вторую и третью статьи 75 АПК изложить в следующей редакции:

«1. Арбитражный суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на непосредственном исследовании достоверности имеющихся в деле доказательств.

2. Арбитражный суд оценивает достоверность каждого доказательства в отдельности и взаимную связь доказательств в их совокупности.

3. Доказательство признается арбитражным судом достоверным, если в результате его проверки и исследования выясняется, что оно соответствует критериям, установленным в статье 68 настоящего Кодекса.».

В административно-правовой сфере предлагается внести поправки в КоАП следующего содержания:

Статью 26.11. «Оценка доказательств» дополнить абзацем вторым следующего содержания

«Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения его достоверности, а все собранные доказательства как по отдельности, так и в совокупности – следующим критериям достоверности доказательств:

а) относимости – смысловой связи доказательства с предметом дела об административном правонарушении;

б) допустимости – подтверждению доказательства установленными законом средствами и способами доказывания;

в) обоснованности – документальной и фактической подтвержденности доказательства доводами, не оставляющими сомнений в их истинности, убедительности и законности;

г) всесторонности – обширности доказательства, применительно к пространству, времени и кругу лиц, исследуемых в деле об административном правонарушении;

д) полноты – качественной и количественной пригодности доказательства для установления факта, обстоятельства или взаимной связи между ними;

е) объективности – беспристрастности, непредубежденности, непредвзятости, неподкупности, справедливости и независимости получения, подтверждения и оценки доказательства;

ж) достаточности – количественной наполненности сведений для установления факта, обстоятельства или взаимной связи между ними;

з) правильности – верности, точности, безошибочности получения, подтверждения и оценки доказательства.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, по нашему мнению, необходимо также привести в соответствие вышеприведенной процессуальной логике, изложив его статьи 60 и 61 в следующей редакции:

«Статья 60. Достоверность доказательств

1. Суд принимает только те доказательства, достоверность которых подтверждена при рассмотрении и разрешении дела.

2. Суд признает доказательства недостоверными по письменному ходатайству лица, участвующего в деле, или по собственной инициативе.

3. При рассмотрении ходатайства об исключении доказательств из административного дела ввиду их недостоверности бремя доказывания обстоятельств, на которых основано ходатайство, возлагается на лицо, заявившее ходатайство.

4. В случае если суд придет к выводу, что письменное доказательство не отвечает принципу достоверности и не подлежит принятию в качестве доказательства, он должен привести в своем решении мотивы и правовые основания, которым доказательство не соответствует.

5. Достоверность доказательства, ранее отклоненного судом, может быть восстановлена мотивированным решением суда в ходе дальнейшего судопроизводства.

Статья 61. Критерии достоверности доказательств

Достоверность доказательств при рассмотрении и разрешении административного дела подтверждается их соответствием следующим критериям:

1. Относимость – смысловая связь доказательства с предметом судебного разбирательства.

2. Допустимость – подтверждение доказательства установленными законом средствами и способами доказывания.

3. Обоснованность – документальное и фактическое подтверждение доказательства доводами, не оставляющими сомнений в их истинности, убедительности и законности.

4. Всесторонность – обширность доказательства, применительно к пространству, времени и кругу лиц, участвующих в судебном процессе.

5. Полнота – качественная и количественная пригодность доказательства для установления факта, обстоятельства или взаимной связи между ними.

6. Объективность – беспристрастное, непредубеждённое, непредвзятое, неподкупное, справедливое и независимое получение и подтверждение доказательства.

7. Достаточность – количественная наполненность сведений для установления факта, обстоятельства или взаимной связи между ними.

8. Правильность – верность, точность, безошибочность получения, подтверждения и оценки доказательства.».

В статье 84 КАС:

в части первой статьи слова «всестороннем, полном, объективном» заметить словом «достоверном»;

в части третьей исключить слова «относимость, допустимость».

Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» устанавливает, что в соответствии с нормами процессуального законодательства Российской Федерации судебная экспертиза может производиться как в государственных судебно-экспертных учреждениях, так и лицами, обладающими специальными знаниями в области науки, техники, искусства или ремесла, но не являющимися государственными судебными экспертами, вследствие чего любая судебно-экспертная деятельность обладает едиными задачами, правовой основой регулирования, принципами, правами и обязанностями эксперта, а также требованиями, предъявляемыми к заключению эксперта или комиссии экспертов и его содержанию. Это означает, что этот закон должен основываться на закрепленных процессуальными кодексами условиях доказывания, собирания, проверки и оценки доказательств, а также правил, в соответствии с которыми осуществляется обеспечение принципа достоверности доказательств. Поэтому данный закон нуждается в корректировке в том же контексте, что и процессуальное законодательство, и исходя их вышеизложенной логики, в него следует внести изменения, следующего характера:

«Статья 4. Принципы государственной судебно-экспертной деятельности»

Государственная судебно-экспертная деятельность основывается на принципах законности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина, прав юридического лица, а также независимости эксперта, достоверности исследований, проводимых с использованием современных достижений науки и техники.

Статья 8. Достоверность экспертных исследований

1. Эксперт проводит исследования с соблюдением следующих критериев достоверности:

а) относимости – смысловой связи выводов эксперта с поставленными перед ним вопросами;

б) допустимости – подтверждения выводов эксперта установленными законом средствами и способами;

в) обоснованности – документальной и фактической подтвержденности выводов эксперта общепринятыми научными и практическими данными, не оставляющими сомнений в их истинности, убедительности и законности;

г) всесторонности – обширности выводов эксперта, применительно к пространству, времени и кругу лиц, исследуемых в ходе судебной экспертизы;

д) полноты – качественной и количественной пригодности выводов эксперта в отношении факта, обстоятельства или взаимной связи между ними;

е) объективности – беспристрастности, непредубежденности, непредвзятости, неподкупности, справедливости и независимости эксперта при формулировании выводов и составлении заключения;

ж) достаточности – количественной наполненности сведений для установления факта, обстоятельства или взаимной связи между ними;

з) правильности – верности, точности, безошибочности выводов судебной экспертизы.

2. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить достоверность сделанных выводов на базе официальных или общепринятых научных и практических методиках проведения экспертиз.».

Следует обратить внимание также и на то, что Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» не регулирует содержание методик и правил проведения конкретных судебных экспертиз, однако в нем вполне могли быть учтены общие условия регистрации, сертификации и апробации экспертных методик, в нем нет также предложенных нами выше правил регистрации экспертов. В этой связи предлагается дополнить этот закон следующими положениями:

Статью 11 дополнить абзацем десятым следующего содержания:

«Федеральный реестр экспертных методик включает сведения о сертифицированных и апробированных методиках проведения судебных экспертиз. Организация Федерального реестра экспертных методик относится к ведению Министерства юстиции Российской Федерации, которое регламентирует порядок его ведения, пополнения, управления базами данных, а также определяет организацию – администратора Федерального реестра экспертных методик.».

Статью 13 дополнить абзацем третьим следующего содержания:

«Федеральный регистр судебных экспертов включает сведения о государственных и негосударственных экспертных учреждениях, а также персональную информацию о лицах, обладающих правом самостоятельного производства судебной экспертизы. Организация Федерального регистра судебных экспертов относится к ведению Министерства юстиции Российской Федерации, которое регламентирует порядок его ведения,

пополнения, управления базами данных, а также определяет организацию – администратора Федерального регистра судебных экспертов.».

Подводя итог предложенным законодательным новациям следует подчеркнуть, что все они ориентированы на новый подход к разработке концепции определения критериев достоверности заключений экспертов в целях закрепления принципа достоверности в законодательстве о судебно-экспертной деятельности. Разработанные предложения по совершенствованию законодательства позволят в государственном масштабе прийти к более эффективному оцениванию достоверности заключений экспертов в деятельности правоохранительных органов, научной деятельности и учебном процессе.

Выводы по 3-й главе

1. Предложенная автором концепция определения критериев достоверности заключений экспертов в известной мере условна, однако ее особенность состоит в том, что она представляет собой вытекающий из процессуального законодательства алгоритмизированный и логически сформулированный инструментарий, с помощью которого правосудие и экспертное сообщество может с наивысшей степенью успешности определять достоверность заключений экспертов, независимо от вида судебной экспертизы.

2. Современные условия функционирования государственной системы судебно-экспертных учреждений в Российской Федерации могут быть существенно модифицированы с помощью правового закрепления принципа достоверности в судебной практике и государственном управлении, а также в сферах экспертного образования, методического, кадрового и информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности.

3. Разработанные законодательные новации ориентированы на качественно новый подход к разработке концепции определения критериев

достоверности заключений экспертов синхронно и взаимообусловлено, как в процессуальных кодексах, так и в законодательстве о судебно-экспертной деятельности.

Заключение

1. Резюмируя исследование принципа достоверности судебно-экспертной деятельности в уголовном, гражданском, арбитражном и административном процессах, полагаем, что изложенный в диссертации материал дает комплексное научное представление об универсальных правилах достоверности, содержащее ряд новых межотраслевых и междисциплинарных подходов, применимых в различных методах и способах получения экспертного знания в многогранных аспектах судопроизводства, включая следующие направления:

– обеспечение единства правовых, организационных и методологических критериев достоверности результатов судебно-экспертной деятельности во всех видах судопроизводства и правоохранительной деятельности с участием любых форм экспертных организаций;

– разработанное автором определение принципа достоверности судебно-экспертной деятельности, его структура и содержание во взаимосвязи с действующим понятийно-терминологическим аппаратом, его свойства, состояния и их признаки, а также методы, средства, способы и методики обеспечения достоверности в судебно-экспертной деятельности;

– определение направлений практической реализации достоверности при производстве судебных экспертиз, заключающееся в выработке и нормативном закреплении критериев достоверности заключений экспертов, включая категории относимости, допустимости, полноты, объективности и основательности доводов и фактов, предопределивших процессуальный результат судебно-экспертного исследования;

– авторский анализ практики оценок достоверности в разных системах правосудия и судебных учреждениях, а также в третейской, медиальной и иной правовой деятельности с учетом современных позиций Верховного

Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации.

2. Представленное автором определение понятия достоверность – это состояние совпадения и взаимообусловленности критериев, позволяющих воспринимать доказанность факта или события, исходя из оценки соблюдения каждого критерия как элемента доказывания, достигать в правосудии несомненного и убедительного результата – законного процессуального решения или судебного акта. Возможность раздельного восприятия правосудием элементов сама по себе не указывает, связаны ли воспринимаемые правосудием критерии между собой, и если связаны, то каким именно образом. Поэтому свойство множественности критериев в оценке достоверности не имеет заранее предрешенного единства. Достоверность в правосудии является предпосылкой формирования собственно предметной области процессуального знания, совмещающей в себе и множественность элементов, и их единство. Критерии достоверности процессуально могут быть определены в виде понятийного ряда: «относимость», «допустимость», «обоснованность», «всесторонность», «полнота», «объективность», «достаточность», «правильность»¹. Соотнесение названных категорий понятийного ряда с принципом достоверности дает правосудию возможность непротиворечивого перехода оценок от одного элемента (критерия) к другому. Чтобы правосудие могло воспринять всё многообразие элементов достоверности экспертного знания, последние, во-первых, не должны существовать отдельно от судебного процесса, в абсолютно замкнутых восприятиях эксперта. Во-вторых, они должны иметь место в законе и в процессуальном правоотношении в виде судебно-экспертной деятельности, которая не только их объединяет,

¹ Ст. 7, 33, 88, 207, 235 УПК; ст. 59, 60, 67, 85, 86, 87 ГПК; 55, 67, 68, 71, 75 АПК; ст. 26.2, 26.11 КоАП; ст. 60, 61, 70, 84, 152 КАС; ст. 20 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации».

превращая в существенные элементы правовой оценки, но и обладает характеристиками, обеспечивающими их соотнесение между собой для правосудия. Соотнесение элементов достоверности при этом двойко: либо элементы, оставаясь изолированными сущностями, соотносятся друг с другом на уровне экспертного знания, либо сами элементы приобретают свойства правосудного знания. Ни тот, ни другой способ соотнесения для правосудия не реализуем вне судебно-экспертной деятельности.

3. Процедура обеспечения достоверности судебно-экспертной деятельности включает в себя анализ и понимание фактов, их всесторонний разбор, рассмотрение отдельных сторон, составных частей, оценку заключенной в них доказательственной информации для установления относимости, допустимости, достоверности и достаточности фактов, использованных в рамках судебных экспертиз для установления всего круга обстоятельств, подлежащих доказыванию или учету при судебном рассмотрении. Обеспечение достоверности экспертного знания в судебном акте заключается в выделении предметно-смысловой структуры судебно-экспертной деятельности в виде принципа. Анализ предмета исследования позволяет автору заметить, что способ выделения этой структуры не совсем ясен, ввиду незавершенности его инкорпорации, как в законодательстве, так и в судебной практике. Правовое закрепление принципа достоверности как предметно-смысловой области, означает, с одной стороны, выявление соотношений и связей, присущих самому предмету экспертного знания; достоверность усматривается (воспринимается и отображается) в виде сущностной структуры предмета познания, который без каких-либо искажений, объективно, беспристрастно с очевидностью и полнотой раскрывается в процессе судебно-экспертной деятельности.

4. Исходя из анализа действующих нормативно-правовых и судебных актов, можно сделать вывод о том, что нормативно-правовое регулирование и судебная практика не располагают до настоящего времени единой

методологией и критериями оценки достоверности экспертного знания. Категория достоверности, как правило, отождествляется лишь с качеством выполненного экспертного задания, но законодатель оставляет за рамками правового регулирования истинность и степень качества экспертной «работы» и ограничивается, в основном, только констатацией необходимости соблюдения экспертом процедурных, документационных формальностей, оставляя за собой окончательное решение вопроса о достоверности. При этом для оценки достоверности заключения эксперта российское законодательство не предлагает четких критериев, приемов, способов и единых методик. Следовательно, проблема достоверности судебно-экспертной деятельности представляет собой до сих пор нерешенную правовую проблему и незавершенную область правовой регламентации судебно-экспертной деятельности. В этой связи предлагается ввести в закон принцип достоверности, который создаст четко определенную смысловую структуру, где достоверность станет одновременно и функционально-активным началом, и независимой рецептивной способностью соответствующих видов судебно-экспертной деятельности.

5. Достоверность, как правовой принцип и функционально-сущностное явление правосудия, осуществимо в любой процессуальной форме, необходимо включает в себя оценку свойств и элементов достоверности, разрабатываемых в общей теории судебной экспертизы, наряду с другими принципами и учениями об экспертном познании, доказательствах и процессуальном доказывании. Предложенная концепция определения критериев достоверности заключений экспертов, как целостная система философски и юридически аргументированных и логически взаимосвязанных научных представлений, описывающих и объясняющих закономерности обеспечения достоверности экспертного познания. Новизна и особенность представленной концепции состоит в том, что она представляет собой вытекающий из процессуального законодательства

алгоритмизированный и логически сформулированный инструментарий, с помощью которого правосудие и экспертное сообщество может с наивысшей степенью успешности определять достоверность заключений экспертов, независимо от их вида, рода и характера.

6. Исходя из проведенного автором научного поиска приоритетных направлений применения принципа достоверности, как универсального и атрибутивного элемента судебно-экспертной деятельности, независимо от различий классов, родов и видов, типизации их объектов, задач, методов экспертного исследования, а также материальных ситуаций и процессуальных форм использования возможностей этого принципа в судопроизводстве, определены современные условия функционирования государственной системы в области судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации, которые могут быть существенно модифицированы с помощью правового закрепления принципа достоверности в судебной практике и государственном управлении, а также в сферах экспертного образования, методического, кадрового и информационного обеспечения судебно-экспертной деятельности.

7. Усовершенствование имеющихся и разработка новых теоретических положений и научно-практических рекомендаций позволили сформулировать конкретные законодательные новации, ориентированные на качественно новый подход к разработке концепции определения критериев достоверности заключений экспертов синхронно и взаимообусловлено, как в процессуальных кодексах, так и в законодательстве о судебно-экспертной деятельности. Тексты новых положений, предлагаемых для внесения в законодательство, изложены в § 3 гл. 3 настоящей диссертации. Предлагается также усовершенствовать теоретические положения о механизме оценки достоверности заключения эксперта, отображения свойств достоверности и состояний достоверности в системе судопроизводства Российской Федерации.

8. Проведенное исследование позволяет утверждать, что достоверность, необходимо и возможно закрепить как принцип судебно-экспертной деятельности, включив его в статью 4 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». Кроме того, в статье 8 названного федерального закона предлагается определить синхронно с аналогичными положениями процессуальных кодексов следующий понятийно-категориальный алгоритм понимания и обеспечения достоверности экспертных исследований с соблюдением следующих **критериев достоверности**:

а) **относимости** – смысловой связи выводов эксперта с поставленными перед ним вопросами;

б) **допустимости** – подтверждения выводов эксперта установленными законом средствами и способами;

в) **обоснованности** – документальной и фактической подтвержденности выводов эксперта общепринятыми научными и практическими данными, не оставляющими сомнений в их истинности, убедительности и законности;

г) **всесторонности** – обширности выводов эксперта, применительно к пространству, времени и кругу лиц, исследуемых в ходе судебной экспертизы;

д) **полноты** – качественной и количественной пригодности выводов эксперта в отношении факта, обстоятельства или взаимной связи между ними;

е) **объективности** – беспристрастности, непредубежденности, непредвзятости, неподкупности, справедливости и независимости эксперта при формулировании им своих выводов и составлении заключения;

ж) **достаточности** – количественной наполненности сведений для установления факта, обстоятельства или взаимной связи между ними;

з) **правильности** – верности, точности, безошибочности выводов судебной экспертизы.

9. Обоснование дополнения в Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», в котором предлагается предусмотреть создание Федерального **реестра экспертных методик** и Федерального **регистра судебных экспертов**, организация и регламентация которых может быть отнесена к ведению Министерства юстиции Российской Федерации.

10. Представленные законодательные новации ориентированы на качественно новый подход к разработке концепции определения критериев достоверности заключений экспертов синхронно и взаимообусловлено, как в процессуальных кодексах, так и в законодательстве о судебно-экспертной деятельности.

Список литературы

Нормативные правовые и нормативно-технические акты¹

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. – 25.12.1993. – № 237.
2. Федеральный конституционный закон «О референдуме Российской Федерации» от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ : одобрен Гос. Думой 11 июня 2004 года // СЗ. – 2004. – № 27. – Ст. 2710.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ : принят Гос. Думой 14 июня 2002 г.] // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации [федер. закон от 5 мая 1995 г. № 70-ФЗ : принят Гос. Думой 5 апреля 1995 года] // СЗ. – 1995. – № 19. – Ст. 1709.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ : принят Гос. Думой 23 октября 2002 г.] // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации : [федер. закон от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ : принят Гос. Думой 20 февраля 2015 г.] // СЗ РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : [федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 декабря 2001 г.] // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г.] // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

¹ В целях краткости в списке и сносках указан первичный источник опубликования акта, использованного в редакции, действующей на дату подготовки настоящей диссертации.

9. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» : [принят Гос. Думой 05 апреля 2001 г.] // СЗ РФ. – 2001. – № 23. – Ст. 2291.

10. Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации» от 5 апреля 2013 года № 41-ФЗ : [принят Гос. Думой 22 марта 2013 г.] // СЗ. 2013 – № 14, – Ст. 1649.

11. Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ : [принят Гос. Думой 24 марта 2010 г.] // СЗ. – 2010. – № 16. – Ст. 1815.

12. Федеральный закон «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации и муниципальных образований» от 7 февраля 2011 г. № 6-ФЗ : [принят Гос. Думой 28 января 2011 г.] // СЗ. – 2011. – № 7. – Ст. 903.

13. Федеральный закон «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ : [принят Гос. Думой 4 июля 2014 г.] // СЗ. – 2014. – № 30. – Ст. 4213.

14. Указ Президента Российской Федерации от 4 августа 2010 г. № 983 «О рассмотрении предложений и инициатив, связанных с празднованием на федеральном уровне памятных дат субъектов Российской Федерации» // СЗ. – 2010. – № 32. – Ст. 4300.

15. Исследование автотранспортных средств в целях определения стоимости восстановительного ремонта и оценки: Методические рекомендации для судебных экспертов. (утв. Минюстом России, ред. 22.01.2015) // <http://docs.cntd.ru/document/499065491>.

16. Письмо Минкультуры России «Методические указания по вопросам реализации федеральной целевой программы «Культура России (2012-2018)» от 25.01.2013 № 446-01-56/10-НМ // https://rulaws.ru/acts/Pismo-Minkultury-Rossii-ot-25.01.2013-N-446-01-56_10-NM/

17. Письмо Росздравнадзора «Перечень вопросов (с ответами), поступивших в адрес Росздравнадзора и Минздравсоцразвития России при проведении 15.03.2005 совещания на тему «Основные направления деятельности Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития на 2005 год» от 02.06.2005 № 01И-242/05 // https://rulaws.ru/acts/Pismo-Roszdravnadzora-ot-02.06.2005-N-01I-242_05/

18. Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении Положения о государственной историко-культурной экспертизе» от 15 июля 2009 г. № 569 // СЗ. – 2009. – № 30. – Ст. 3812.

19. Постановление Совета Министров - Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 «О правилах дорожного движения» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации – 22.11.1993. – № 47. – Ст. 4531.

20. Правило (Стандарт) аудиторской деятельности «Аудит в условиях компьютерной обработки данных» (одобрено Комиссией по аудиторской деятельности при Президенте РФ 22.01.1998 Протокол № 2) // Аудиторские ведомости. – 1998. – № 3.

21. Приказ МВД России «Об утверждении Наставления по организации экспертно-криминалистической деятельности в системе МВД России» от 11 января 2009 г. № 7 // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=451495#07926777611699634>

22. Приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315/

23. Приказ Минздравсоцразвития России от 26.08.2010 № 753н «Об утверждении порядка организации и проведения этической экспертизы возможности проведения клинического исследования лекарственного

препарата для медицинского применения и формы заключения совета по этике» // Российская газета. – 06.09.2010. – № 199.

24. Приказ Мининформсвязи России «Об утверждении Методики расчета экономически обоснованных затрат и нормативной прибыли на услуги присоединения и услуги по пропуску трафика и на универсальные услуги связи» от 24.05.2006 № 66 // БНА. – 19.06.2006. – № 25.

25. Приказ Миннауки России от 07 октября 1992 г. № 611 «О доплатах за неблагоприятные условия труда работникам системы Комитета по высшей школе" // <https://sudact.ru/law/prikaz-minnauki-rf-ot-07101992-n-611/>

26. Приказ Минобороны России «Об утверждении Административного регламента по проведению государственной экспертизы проектной документации» от 06.07.2012 № 1700 // БНА. – 2013. – № 4.

27. Приказ Минобрнауки России от 28.10.2016 № 1342 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по специальности 40.05.03 Судебная экспертиза (уровень специалитета)» (Зарегистрирован в Минюсте России 06.12.2016 № 44595) // <https://sudact.ru/law/prikaz-minobrnauki-rossii-ot-28102016-n-1342/prikaz/>

28. Приказ Минсельхоза России «Об утверждении Правил проведения экспертизы лекарственных средств для ветеринарного применения и формы заключения комиссии экспертов»: от 05.06.2012 № 311. Зарегистрирован в Минюсте России 20.07.2012 № 24963 // Российская газета.– 17.08.2012. – № 189.

29. Приказ Минфина России «О порядке учета территориальными органами Федерального казначейства бюджетных и денежных обязательств получателей средств федерального бюджета» от 30.12.2015 № 221н // <https://base.garant.ru/71300866/>

30. Приказ Минфина России «Регламент работы Экспертной комиссии по рассмотрению материалов, представленных для получения

лицензий на осуществление деятельности по изготовлению защищенной от подделок полиграфической продукции, в том числе бланков ценных бумаг...» от 07.02.2003 № 14н // БНА. – 2003. – № 15.

31. Приказ Минэкономразвития России «Об утверждении Положения о порядке проведения экспертизы отчета об оценке ценных бумаг, требованиях и порядке выбора саморегулируемой организации оценщиков, осуществляющей проведение экспертизы» от 29 сентября 2006 г. № 303 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти (далее - БНА). – 2006. – № 46.

32. Приказ Минюста России «О государственной религиоведческой экспертизе» от 18.02.2009 № 53 // Российская газета. — 13.03.2009. –№ 43.

33. Приказ Минюста России «Об установлении территориальных сфер экспертного обслуживания федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждений Минюста России и утверждении Перечня курируемых федеральным бюджетным учреждением Российским федеральным центром судебной экспертизы при Минюсте России и федеральными бюджетными учреждениями региональными центрами судебной экспертизы Минюста России федеральных бюджетных учреждений лабораторий судебной экспертизы Минюста России» от 03.02.2012 № 14 // <https://minjust.ru/ru/deyatelnost-v-sfere-sudebnoy-ekspertizy/prikaz-minyusta-rossii-ot-03022012-no-14-ob-ustanovlenii>

34. Приказ Минюста России «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» от 27.12.2012 № 237 // <https://minjust.ru/ru/prikaz-minyusta-rossii-ot-27122012-no-237>

35. Приказ МЧС России «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях и экспертных подразделениях федеральной противопожарной службы» от 19.08.2005 № 640 (Зарегистрирован в Минюсте РФ 28.11.2005 № 7210) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_56759/

36. Приказ Росавиакосмоса «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Врачебно-летная экспертиза авиационного персонала экспериментальной авиации» от 24.06.2003 № 80 (Зарегистрирован в Минюсте России 21.07.2003 № 4910) // БНА – 22.12.2003. – № 51.

37. Приказ Роснедр «Об утверждении структуры и состава Государственной комиссии по запасам полезных ископаемых, Временного регламента проведения государственной экспертизы запасов полезных ископаемых, геологической, экономической и экологической информации о предоставляемых в пользование участках недр» от 21.04.2005 № 450 // <https://base.garant.ru/2161866/>

38. Приказ Роспотребнадзора «Об утверждении Административного регламента ... по выдаче на основании результатов санитарно-эпидемиологических экспертиз, расследований, обследований, исследований, испытаний и иных видов оценок» от 18.07.2012 № 775 (ред. 22.07.2016) // Российская газета. – 2012. – № 227.

39. Приказ Росстандарта «О создании технического комитета по стандартизации «Судебная экспертиза» от 13.05.2015 № 561 // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP&n=623981#06112393418917079>

40. Приказ Ростехнадзора «Об утверждении Административного регламента предоставления Федеральной службой по экологическому, технологическому и атомному надзору государственной услуги по лицензированию деятельности в области использования атомной энергии»

(Зарег. в Минюсте России 20.03.2015 № 36496) от 08.10.2014 № 453 // <https://base.garant.ru/77659981/>

41. Приказ Роструда «Об утверждении рекомендаций по организации и проведению проверок соблюдения требований Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 426-ФЗ «О специальной оценке условий труда» организациями, уполномоченными на проведение специальной оценки условий труда» от 02.06.2014 № 199 // http://mintrudrb.ru/upload/docs/prik_199.pdf

42. Приказ ФАС России «Об утверждении регламента взаимодействия структурных подразделений центрального аппарата Федеральной антимонопольной службы по осуществлению закупок товаров, работ, услуг» от 13.03.2017 № 295/17 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_226795/

43. Приказ ФСБ России «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов Федеральной службы безопасности» от 23 июня 2011 г. № 277 // БНА. – 03.10.2011. – № 40.

44. Приказ ФСИН России «Об утверждении Порядка организации и осуществления внутреннего финансового контроля в Федеральной службе исполнения наказаний» от 29.09.2015 № 864 // <https://minjust.consultant.ru/documents/17020>

45. Приказ ФСТ России от 09.06.2006 № 122-с/1 «Об утверждении Методики расчета размера экономически обоснованных затрат и нормативной прибыли, подлежащих применению при формировании регулируемых тарифов на услуги общедоступной электросвязи» // БНА. – 2006. – № 31.

46. Приказ ФФОМС «Об утверждении Порядка организации и проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию» от

01.12.2010 № 230 (Зарегистрирован в Минюсте России 28.01.2011. № 19614)
// Российская газета. – 2011. – № 20.

47. Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении Концепции формирования системы мониторинга, отчетности и проверки объема выбросов парниковых газов» от 22 апреля 2015 г. № 716-р // СЗ. – 2015. – № 18. – Ст. 2737.

48. Распоряжение Правительства Российской Федерации «Об утверждении методических рекомендаций по проведению технологического и ценового аудита инвестиционных программ сетевых организаций, отнесенных к числу субъектов электроэнергетики...» от 23.09.2016 № 2002-р // СЗ. – 2016. – № 40. – Ст. 5762.

49. ГОСТ 8.315-2019. Государственная система обеспечения единства измерений (ГСИ). Стандартные образцы состава и свойств веществ и материалов. Основные положения. – М.: Стандартинформ, 2020. – 28 с.

50. ГОСТ ISO/IEC 17025-2019. Общие требования к компетентности испытательных и калибровочных лабораторий. – М.: Стандартинформ, 2019. – 32 с.

51. ГОСТ Р 52960-2008. Аккредитация судебно-экспертных лабораторий. Руководство по применению ГОСТ Р ИСО/МЭК 17025. – М.: Стандартинформ, 2008. – 16 с.

52. ГОСТ Р 8.568-2017. Государственная система обеспечения единства измерений. Аттестация испытательного оборудования. Основные положения. – М.: Стандартинформ, 2018. – 16 с.

53. ГОСТ Р ИСО 15189-2015. Лаборатории медицинские. Частные требования к качеству и компетентности. – М.: Стандартинформ, 2015. – 50 с.

54. ГОСТ Р ИСО 5725-1-2002. Точность (правильность и прецизионность) методов и результатов измерений. Часть 1. Основные положения и определения – М.: Стандартинформ, 2009. – 32 с.

55. ГОСТ Р ИСО/МЭК 17020-2012. Оценка соответствия. Требования к работе различных типов органов инспекции – М.: Стандартинформ, 2013. – 20 с.

56. ИЛАС-G19:08/2014. Модули в судебно-экспертном процессе – Modules in a Forensic Science Process // <https://ilac.org/language-pages/russian/>

Международно-правовые акты

57. Ветеринарно-санитарный кодекс водных животных. Всемирная организация здравоохранения. 2013. Ст. 1.4.4, 1.4.5. // <https://www.fsvps.ru/fsvps-docs/ru/importExport/tsouz/docs/CodexVodnJiv.pdf>

58. Директива № 2006/48/ЕС Европарламента и Совета Европейского Союза «О создании и осуществлении деятельности кредитных организаций» // <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/LSU/?uri=celex%3A32006L0048>

59. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 12.02.2016 № 46 «О Правилах регистрации и экспертизы безопасности, качества и эффективности медицинских изделий» // <https://www.alta.ru/tamdoc/16sr0046/>

60. Договор, учреждающий Европейское сообщество (Подписан в г. Риме 25.03.1957. Ст. 285, ч.2 // <http://docs.cntd.ru/document/901771692>

61. Кодекс Алиментариус. Принципы и руководящие указания для проведения оценки микробиологического риска – Principles and Guidelines for the Conduct of Microbiological Risk Assessment (CAC/GL 30-1999) // <https://base.garant.ru/71818904/>

62. Конвенция ЕС о процедуре общего транзита (Заключена в г. Интерлакене 20.05.1987) // Official Journal EU № L 226. – 13.08.1987. – P. 2.

63. Конвенция о правах ребенка (Заключена 20.11.1989) // Сборник международных договоров СССР. – М., 1993. – Вып. XLVI. – С. 242–257.

64. Конвенция ООН о договорах полностью или частично морской международной перевозки грузов (Принята резолюцией 63/122 Генеральной Ассамблеи от 11.12.2008) //

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/carriage_of_goods.shtml

65. Конвенция Совета Европы против манипулирования спортивными соревнованиями" (CETS № 215. Заключена в г. Маглингене 18.09.2014) // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=1630#014430462416052636>

66. Международный кодекс рекламной практики (Принят Международной торговой палатой в ред. 02.12.1986) // Закон. – 1996. – № 12. – С. 54-57.

67. Модельный закон о недопустимости действий по реабилитации нацизма, героизации нацистских преступников и их пособников" (Принят в г. Санкт-Петербурге Межпарламентской Ассамблеей СНГ (постановление от 17.05.2012 № 37-18). Ст. 12 // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31226489

68. Модельный закон о предпринимательстве (Принят в г. Санкт-Петербурге Межпарламентской Ассамблеей СНГ, постановление от 27.11.2015 №43-8) // <http://www.parliament.am/library/modelayin%20orenqner/329.pdf>

69. Модельный закон о просветительской деятельности (Принят в г. Санкт-Петербурге Межпарламентской Ассамблеей СНГ, постановление от 07.12.2002 № 20-15) // <http://docs.cntd.ru/document/901865093>

70. Модельный закон о туристской деятельности (Принят в г. Санкт-Петербурге Межпарламентской Ассамблеей СНГ, постановление от 16.04.2015 № 42-14) // www.parliament.am/library/modelayin%20orenqner/323.pdf

71. Модельный закон об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов (Принят в г. Санкт-

Санкт-Петербурге Межпарламентской Ассамблеей СНГ, постановление от 17.05.2012 № 37-12). Ст. 3. // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31226625#pos=2;-57

72. Модельный закон об общественной экспертизе (Принят в г. Санкт-Петербурге Межпарламентской Ассамблеей СНГ, постановление от 29.11.2013 № 39-8). Ст. 2 // <http://www.parliament.am/library/-modelayin%20orenqner/287.pdf>

73. Модельный закон об охране нематериального культурного наследия (Принят в г. Санкт-Петербурге Межпарламентской Ассамблеей СНГ, постановление от 29.11.2013 № 39-17). Ст. 22. // <http://www.parliament.am/library/modelayin%20orenqner/293.pdf>

74. Модельный закон об экологической экспертизе (Принят в г. Санкт-Петербурге Межпарламентской Ассамблеей СНГ, постановление от 20.05.2016 № 44-10). Ст. 4. // http://vuzirossii.ru/publ/-modelnyj_zakon_ob_ehkologicheskoy_ehkspertize_novaja_redakcija/37-1-0-4713.

75. Модельный закон об экологическом аудите (Принят в г. Санкт-Петербурге Межпарламентской Ассамблеей СНГ, постановление от 29.11.2013 № 39-5). // www.parliament.am/library/modelayin%20orenqner/284.pdf

76. Модельный закон об электронном правительстве (Принят в г. Санкт-Петербурге Межпарламентской Ассамблеей СНГ от 25.11.2016 № 45-14). // <https://zakonrb.com/npa/o-modelnom-zakone-ob-elektronnom-pravitelstve>

77. Постановление № XLVII-6 Парламентского Собрания Союза Беларуси и России «О проекте Декрета Высшего Государственного Совета Союзного государства «О Порядке формирования и исполнения бюджета Союзного государства» (Принято в г. Сочи 05.12.2014) // Информационный бюллетень Парламентского Собрания Союза Беларуси и России. – 2014. – № 3(52).

78. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010. – М.: Статут, 2013. – С. 450-552.

79. Рекомендация Rec(2004)10 Комитета Министров Совета Европы к Государствам - членам ЕС относительно защиты прав человека и достоинства лиц с психическим расстройством (принята Комитетом Министров Совета Европы 22 сентября 2004 г. на восьмьсот девяносто шестом заседании Заместителей Министров Совета Европы) // <https://base.garant.ru/70161780/>

80. Рекомендация Комитета Министров Совета Европы CM/REC (2014)6 Государствам-членам о Руководстве по правам человека для пользователей Интернета (принята Комитетом Министров Совета Европы 16 апреля 2014 г. на 1197-м заседании Заместителей Министров) Ст. 34, п. 2. <https://base.garant.ru/70901548/>

81. Таможенный кодекс Таможенного союза от 11.04.2017 № // СЗ. 2010, № 50, ст. 6615.

Судебная практика

82. Обзор судебной практики по применению законодательства, регулирующего назначение и проведение экспертизы по гражданским делам, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 14 декабря 2011 г. // БВС. – 2012. – № 3.

83. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 03.02.2017 № 302-КГ16-21382 // <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-03022017-n-302-kg16-21382-po-delu-n-a33-112572012/>

84. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.05.2017 № 18-КГ17-42 // <https://rf-gpk.ru/document-1753.html>

85. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.11.2016 № 308-ЭС16-3825(3) // <https://base.garant.ru/71552926/>

86. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.03.2017 № 592-О «По жалобе гражданина Данилюка С. А. на нарушение его конституционных прав п. 5 ч. 2 ст. 246 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и ч. 16 ст. 24.18 Федерального закона «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» // <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-09032017-n-592-o/>

87. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.05.2006 № 154-О // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1256282/>

88. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 04.05.2017 № 305-ЭС17-3792 // <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-04052017-n-305-es17-3792-po-delu-n-a40-2221802015/>

89. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 09.10.2017 № 304-ЭС17-13990 // <https://base.garant.ru/71785366/>

90. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.04.2017 № 41-КГ17-2 // <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-11042017-n-41-kg17-2/>

91. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебном приговоре» от 29.04.96 № 1 // Российская юстиция. – 1996. – № 7. – С. 54.

92. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 07.10.2016 № Ф01-4732/2016 по делу № А29-6798/2015 // <https://base.garant.ru/39658862/>

93. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 23.05.2016 № Ф03-1981/2016 по делу № А73-346/2015 // <https://base.garant.ru/37166945/>

94. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.04.2017 № Ф04-5926/2016 по делу № А45-27068/2015 // <https://base.garant.ru/38201752/>

95. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 27.09.2016 № Ф04-3851/2016 по делу № А70-14554/2014 // <https://base.garant.ru/38147388/>

96. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14.04.2017 № Ф05-5360/2017 по делу № А40-20161/16 // <https://base.garant.ru/41883313/>

97. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 09.08.2016 № Ф06-12121/2016 по делу № А57-18297/2015 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/ZDJRQDmnUjmw/>

98. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 13.07.2015 № Ф06-25635/2015 по делу № А65-9343/2014 // <https://base.garant.ru/39205828/>

99. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 25.04.2017 № Ф06-20515/2017 по делу № А65-5628/2016 // <https://base.garant.ru/39245114/>

100. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 10.03.2017 № Ф07-8899/2016 по делу № А66-13627/2013 // <https://base.garant.ru/41238118/>

101. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 12.02.2016 № Ф10-4971/2015 по делу № А14-4168/2015 // <https://base.garant.ru/40172331/>

102. Постановление ЕСПЧ от 07.03.2017 № 68059/13 V.K. v. Russia // Бюллетень ЕСПЧ. – 2017. – № 7. – С. 106–128.

103. Постановление ЕСПЧ от 12.11.2015 № 30456/06 Merezchnikov v Russia // Российская хроника Европейского суда. – 2016. – № 2. – С. 118–124.

104. Постановление ЕСПЧ от 14.06.2016 № 42147/05 Urazov v Russia // Прецеденты ЕСПЧ. – 2017. – № 4 (40). – С. 11–29. .

105. Постановление ЕСПЧ от 15.01.2015 № 69842/10 Albakova v Russia // Бюллетень ЕСПЧ. – 2015. – № 10. – С. 86–96.

106. Постановление ЕСПЧ от 21.06.2016 № 48023/06 Vasenin v Russia // Бюллетень ЕСПЧ. – 2017. – № 4. – С. 77–96.

107. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.02.2009 № 4-П. «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 37, 52, 135, 222, 284, 286 и 379.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и ч. 4 ст. 28 Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» в связи с жалобами граждан Ю.К. Гудковой и др.// Российская газета. – 18.03.2009. – № 45.

108. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике применения судами законодательства, регламентирующего направление уголовных дел для дополнительного расследования» от 08.12.99 № 84 // Российская юстиция. – 2000. – № 2. – С. 54.

109. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О применении норм ГПК РСФСР при рассмотрении дел в суде первой инстанции» от 14.04.88 № 3 // <http://xn--b1azaj.xn--p1ai/1988/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N03-ot-14.04.1988.html>

110. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21 декабря 2010 г. № 28 // БВС. – 2011. – № 2.

111. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // БВС – 2017 – № 7.

112. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. №23 «О судебном решении» // <https://www.vsrp.ru/documents/own/8088/>

113. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному

разбирательству» // <http://xn--b1azaj.xn--p1ai/2008/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N11-ot-24.06.2008.html>.

114. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 октября 1996 г. № 9 «О применении судами Семейного кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел об установлении отцовства и о взыскании алиментов» // <http://xn--b1azaj.xn--p1ai/1996/postanovlenie-plenuma-vs-rf/N09-ot-25.10.1996.html>

Научная литература и официально-документальные источники

115. Аверьянова, Т.В. Организационные и методические проблемы развития и внедрения методов экспертного / Т.В. Аверьянова // Использование достижений науки и техники в предупреждении, раскрытии и расследовании преступлений. – Саратов: СВШ МВД России, 1994. – С. 15–18.

116. Аверьянова, Т.В. Судебная экспертиза: Курс общей теории. / Т.В. Аверьянова. – М.: Норма, 2006. – 480 с.

117. Аминев, Ф.Г. О некоторых проблемах судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации / Ф.Г. Аминев // Российский судья. – 2016. – № 6. – С. 12–16.

118. Амосов, С. О вероятности и достоверности выводов арбитражного суда / С. Амосов // Хозяйство и право. – 1997. – № 12. – С. 130–134.

119. Анисимов, А. Допустимость доказательств / А. Анисимов // Законность. – 2007. – № 7. – С. 35–37.

120. Аристотель. Сочинения в 4-х т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1978. – Т. 2 – 687 с.

121. Аронов, Р.А. К проблеме вездесущности сознания / Р.А. Аронов // Вопросы философии. – 1995. – № 3. – С. 182–186.

122. Арсеньев, В.Д. Истина, достоверность и обоснованность в судебном и экспертном исследовании по уголовным делам / В.Д. Арсеньев // Вопросы теории судебной экспертизы. – М., 1979. – № 39. – С. 33–45.

123. Аснис, А.Я. Субъективное и объективное в судебной экспертизе и современная практика правоприменения / А.Я.Аснис // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – №1 (41). – С. 60-61.

124. Баев, О.Я. Защита доказательств в уголовном судопроизводстве: монография / О.Я. Баев. – М.: Проспект, 2016. – 216 с.

125. Балакшин, В.С. Оценка допустимости доказательств в российском уголовном процессе: монография / В.С. Балакшин. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 382 с.

126. Балакшин, В.С. Соотношение допустимости доказательств с их относимостью и достоверностью / В.С. Балакшин // Законность. – 2014. – № 3. – С. 8–14.

127. Барыгина, А.А. Критерии допустимости доказательств в уголовном процессе: монография / А.А. Барыгина. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 190 с.

128. Барыгина, А.А. Оценка допустимости и достоверности заключений судебно-медицинских экспертиз / А.А. Барыгина, И.Л. Старикова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2017. – Т. 17. – № 2. – С. 13–18.

129. Белкин, Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. / Р.С. Белкин. – М.: Норма, 2001. – 240 с.

130. Большой энциклопедический словарь. – М.: БСЭ, 2002. –735 с.

131. Борисов, Г.А. Теория государства и права / Г.А. Борисов. – Белгород, 2007. – 292 с.

132. Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии / Под ред. Э. Л. Радлова. – СПб., 1911. – 284 с.

133. Витгенштейн, Л. О достоверности / Л. Витгенштейн // Вопросы философии. – 1991. – № 2. – С. 67–120.

134. Гаврилов, Б.Я. Об ограничении судейского усмотрения при назначении уголовного наказания / Б.Я. Гаврилов // Российская юстиция. – 2006. – №4. – С. 20–22.

135. Гегель, Г. Сочинения: в 14-ти т. / Г. Гегель – М.: Соцэкиздат, 1959. – Т. IV. – 488 с.

136. Гегель, Г. Философия религии: в 2-х т. / Г. Гегель – М.: Мысль, 1977. – Т. 2. – 573 с.

137. Гильберт, Д. Основы теоретической логики. / Д. Гильберт, В. Аккерман – М., 2010. – 304 с.

138. Головкин, Л.В. О проблемах российского уголовного процесса / Л.В. Головкин // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2014. – № 1. – С. 75–80.

139. Градусова, О.Б. Руководство ENFSI по оценке совокупности выявленных признаков объектов судебной экспертизы статистическими методами: комментированный перевод / О.Б. Градусова, С.А. Кузьмин, А.И. Селин и др./ Под ред. А.И. Усова. – М: РФЦСЭ, 2018. – 128с.

140. Григорьев, В.Н. Уголовный процесс / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. – М., 2008. – 832 с.

141. Григорьев И.А. Нормативно-правовое закрепление принципа достоверности судебно-экспертной деятельности / И.А. Григорьев // Закон и право. – 2018. – № 3. – С. 146–153.

142. Григорьев, И.А. Классификация признаков достоверности в судебно-экспертной деятельности / И.А. Григорьев // Образование. Наука. Научные кадры. – 2018. – № 1. – С. 52–56.

143. Григорьев, И.А. Научно-практический анализ обеспечения достоверности заключений экспертиз / И.А. Григорьев // Государственная служба и кадры. – 2018. – № 1. – С. 101–111.

144. Григорьев, И.А. Нормативно-правовое закрепление принципа достоверности судебно-экспертной деятельности / И.А. Григорьев // Закон и право. 2018. № 3. С. 146–153.

145. Григорьев, И.А. Принцип достоверности как методологический императив судебно-экспертной деятельности / И.А. Григорьев // Теория и практика судебной экспертизы. – 2018. – Т. 13. – № 2. – С. 36–42.

146. Григорьев, И.А. Философско-теоретические основы принципа достоверности судебно-экспертной деятельности / И.А. Григорьев // Теория и практика судебной экспертизы. – 2018. – Т. 13. – № 1. – С. 26–40.

147. Громов, Н. Заключение эксперта (обзор практики) / Н. Громов, А. Смородинова, В. Соловьев // Российская юстиция. – 1998. – № 8. – С. 29–30.

148. Громов, Н.А. Оценка доказательств в уголовном процессе / Н.А. Громов, С.А. Зайцева – М.: Издательство «ПРИОР», 2002. – 173 с.

149. Громов, Н.А. Принципы уголовного процесса, их понятие и система / Н.А. Громов, В.В. Николайченко // Государство и право. – 1997. – № 7. – С. 33–40.

150. Гуссерль Э. Собр. соч. Т.1. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль. – М.: Гнозис, 1994. – 162 с.

151. Давлетов, А.А. Нормативная модель общей части доказательственного права в уголовном процессе / А.А. Давлетов // Государство и право. – 1992. – № 10. – С. 63–66.

152. Декарт. Соч. в 2-х томах / Декарт. – М.: Мысль, 1994. – Т. I. – 633 с.

153. Декарт. Соч. в 2-х томах / Декарт. – М.: Мысль, 1994. – Т. II. – 640 с.

154. Добровольская, Т.М. Принципы советского уголовного процесса / Т.М. Добровольская. – М.: Юрид. лит., 1973. – 200 с.

155. Дорохов, В.Я. Понятие доказательства в советском уголовном процессе / В.Я. Дорохов // Советское государство и право. – 1964. – № 9. – С. 108–117.

156. Ерпылёв, И.В. Допустимость доказательств в уголовном процессе России и зарубежных стран / И.В. Ерпылёв. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 148 с.

157. Жижина, М.В. Оценка достоверности заключения эксперта как доказательства в арбитражном судопроизводстве: проблемы и пути преодоления / М.В. Жижина // Право и экономика. – 2009. – № 3. – С. 20–24.

158. Исаенко, В.Н. О криминалистическом подходе к оценке допустимости заключения эксперта / В.Н. Исаенко // Законность. – 2016. – № 4. – С. 9–12.

159. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.

160. Кант, И. Сочинения. Т. 2 / И. Кант. – М.: Соцэкгиз, 1940. – Т.2. – 527 с.

161. Кипнис, Н.М. Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / Н.М. Кипнис. – М., 1995. – С. 12–13.

162. Комментарий к УПК РСФСР / Под ред. В.Т. Томина. – М., 1999. – 714 с.

163. Кухта, А.А. К вопросу о стандарте судебной достоверности в виде «отсутствия разумных сомнений» / А.А. Кухта // Российский судья. – 2007. – № 4. – С. 18–20.

164. Лавдаренко, Л.И. Принцип свободы и личной неприкосновенности в уголовном судопроизводстве: Монография / Л.И. Лавдаренко. – Иркутск, 2016. – 123 с.

165. Ларин, А.М. От следственной версии к истине / А.М. Ларин. – М., 1976. – 200 с.

166. Лейбниц, Г.В. Новые опыты о человеческом разумении / Г.В. Лейбниц. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1936. – 484 с.

167. Локк, Д. Соч. в 3-х томах / Д. Локк. – М.: Наука, 1985. – Т. 1. – 621 с.

168. Лупинская, П. Основания и порядок принятия решений о недопустимости доказательств / П. Лупинская // Российская юстиция. – 1994. – № 11. – С. 4–5.

169. Майлис, Н.П. О подготовке экспертных кадров в учебных заведениях и в системе государственных судебно-экспертных учреждений / Н.П. Майлис // Теория и практика судебной экспертизы. – 2007. – № 2 (6). – С. 34–36.

170. Майлис, Н.П. Трасология и трасологическая экспертиза: курс лекций / Н.П. Майлис. – М.: РГУП, 2015. – 236 с.

171. Мальцев, В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности / В.В. Мальцев. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 692 с.

172. Матюшин, Б. Оценка достоверности доказательств судом / Б. Матюшин // Советская юстиция. – 1979. – № 18. – С. 14–15.

173. Михайловская, И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И.Б. Михайловская. – М.: Проспект, 2008. – 192 с.

174. Михайловская, И.Б. Цели, функции и принципы российского уголовного судопроизводства (уголовно-процессуальная форма) / И.Б. Михайловская. – М.: Велби, 2003. – 144 с.

175. Молчанов, В.В. Состязательная форма судопроизводства и достоверность доказательств / В.В. Молчанов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2014. – № 12. – С. 7–11.

176. Нахова, Е.А. К вопросу об актуальных проблемах доказательственного права в цивилистическом процессе / Е.А. Нахова // Ленинградский юридический журнал. 2016. – № 3. – С. 255–264.

177. Нобель, А.Р. Достоверность как обязательный признак доказательств, используемых в административно-юрисдикционном процессе / А.Р. Нобель // Административное и муниципальное право. – 2014. – № 6. – С. 569–573.

178. Галкин, А. Вероятное и достоверное в обвинительном приговоре / А. Галкин, И. Овсянников // Российская юстиция. – 2000. – № 9. – С. 41–43.

179. Овсянников И.В. Вероятное знание в судебном и экспертном исследованиях по уголовным делам / И.В. Овсянников. – М., 2000. – 157 с.

180. Овсянников, И.В. Проблема достоверности доказательств в доказательственном праве России / И.В. Овсянников // Современное право. – 2004. – № 7. – С. 35–41.

181. Орлов, Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам : учеб. пособие / Ю.К. Орлов. – М.: Юрист, 1995. – 64 с.

182. Орлов, Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе/ Ю.К. Орлов. – М.: Юристь, 2009. – 175 с.

183. Орлов, Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве / Ю.К. Орлов. – М.: ИПК РФЦСЭ, 2005. – 264 с.

184. Пантелеев, В. Исследование достоверности письменных документов в гражданском процессе / В. Пантелеев // Советская юстиция. – 1975. – № 5. – С. 4–5.

185. Пашкевич, П.Ф. Процессуальный закон и эффективность уголовного судопроизводства / П.Ф. Пашкевич. – М.: Юридическая литература, 1984. – 176 с.

186. Петрухина, А.Н. Достоверность результатов экспертного исследования в уголовном процессе / А.Н. Петрухина // Адвокатская практика. – 2012. – № 2. – С. 8–10.

187. Петрухина, А.Н. Основания признания заключения эксперта недопустимым доказательством в уголовном процессе / А.Н. Петрухина // Российская юстиция. – 2008. – № 5. – С. 23–24.

188. Петрухина, А.Н. Достоверность результатов экспертного исследования в уголовном процессе / А.Н. Петрухина // Адвокатская практика. – 2012. – № 2. – С. 8–10.

189. Платон. Собр. соч. в 4-х томах. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – 860 с.

190. Подольный, Н.А. Система принципов уголовного судопроизводства как система нравственных ценностей / Н.А. Подольный // Lex russica. – 2014. – № 4. – С. 429–436.

191. Проценко, В. Критерий систематизации принципов уголовного судопроизводства / В. Проценко // Российская юстиция. – 2005. – № 1–2. – С. 87–88.

192. Рарог, А.И. Понятие, основание, признаки и значение судебного усмотрения в уголовном праве / А.И. Рарог, Ю.В. Грачева // Государство и право. – 2001. – № 11. – С. 51–57.

193. Степалин, В.П. Судейское усмотрение при назначении наказания / В.П. Степалин, А.И. Рарог // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 36–42.

194. Решетникова, И.В. Конкуренция принципов в цивилистическом процессе / И.В. Решетникова // Вестник гражданского процесса. – 2013. – № 5. – С. 10–20.

195. Россинская Е.Р. Современная судебная экспертология – наука о судебной экспертизе и судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы / Е.Р. Россинская. – 2015. – №4 (40). – С. 10–18.

196. Россинская, Е.Р. Ошибки судебной экспертизы: классификация, выявление, предупреждение / Е.Р. Россинская // Союз криминалистов и криминологов. – 2014. – № 2. – С. 132–143.

197. Россинская, Е.Р. Настольная книга судьи: судебная экспертиза / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина. – М.: Проспект, 2010. – 464 с.

198. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е. Р. Россинская. - 3-е изд., доп. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2014. – 735 с.

199. Савицкий, В.М. Уголовный процесс: Словарь-справочник / В.М. Савицкий, А.М. Ларин. – М., 1999. – 270 с.

200. Смирнов, А.В. Уголовный процесс: Учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – М.: Кнорус, 2008. – 704 с.

201. Смирнов, Г. А. Проблема непосредственного знания в истории философии и принципы формализации научных теорий / Г.А. Смирнов // Вопросы философии. – 1995. – № 9. – С. 54–79.

202. Смирнова, С. А. Методические подходы к проведению валидации судебно-экспертных методик, включающих методики измерения (МИ) / С.А. Смирнова, Г.Г. Омелянюк, Г.И. Бебешко // Теория и практика судебной экспертизы. – 2012. – № 1. – С. 50–62.

203. Смирнова, С.А. Повышение научной обоснованности методического обеспечения судебной экспертизы – один из важных международных трендов / С.А. Смирнова, А.И. Усов // Теория и практика судебной экспертизы. – 2017. – Том 12. – № 2. – С. 11–17.

204. Смирнова, С.А. Вызовы времени и экспертные технологии правоприменения / С.А. Смирнова. – М.: Эком, 2012. – 656 с.

205. Сорокотягин, И.Н. Экспертные ошибки и их классификация / И.Н. Сорокотягин // Российский юридический журнал. – 2009. – № 5. – С. 209–215.

206. Спасович, В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством / В. Д. Спасович. – М.: ЛексЭст, 2001. – 93 с.

207. Стецовский, Ю.И. Конституционный принцип обеспечения обвиняемому права на защиту / Ю.И. Стецовский, А.М. Ларин. – М.: Наука, 1998. – 320 с.

208. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1968. – Т. 1. – 468 с.

209. Строгович М.С. Учение о материальной истине в уголовном процессе / М.С. Строгович. – М.,Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 276 с.

210. Строгович, М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / М.С. Строгович. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – 384 с.

211. Судебная экспертиза: типичные ошибки / Е.И. Галяшина, В.В. Голикова, Е.Н. Дмитриев и др. / под ред. Е.Р. Россинской. – М.: Проспект, 2012. – 544 с.

212. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник / Под ред. Е.Р.Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА, 2016. – 368 с.

213. Треушников, М.К. Судебные доказательства / М.К. Треушников. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Городец, 2005. – 288 с.

214. Уголовное судопроизводство: теория и практика / Под ред. Н.А. Колоколова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2015. – 1038 с.

215. Усов, А.И. Использование вероятностно-статистических методов при оценке значимости результатов экспертного исследования в отечественной и зарубежной судебной экспертизе (сравнительный анализ) / А.И. Усов, О.Б. Градусова, С.А. Кузьмин // Теория и практика судебной экспертизы. – 2018. – Том 14. – № 4. – С. 6–15.

216. Фихте, И. Г. Соч. в 2-х томах / И.Г. Фихте. – СПб.: Мифрил, 1993. – Т. I. – 687 с.

217. Фихте, И. Г. Соч. в 2-х томах / И.Г. Фихте. – СПб.: Мифрил, 1993. – Т. II. – 798 с.

218. Фоллмер, Г. Эволюционная теория познания. Врожденные структуры познания в контексте биологии, психологии, философии и теории науки / Г. Фоллмер. – М., 1998. – 165 с.

219. Хазиев, Ш.Н. Вопросы судебной экспертизы в деятельности Европейского суда по правам человека / Ш.Н. Хазиев. – М.: Спутник, 2009. – 95 с.

220. Хомелев, Г.В. Возвращаясь к Гегелю: конкретность как критерий научности познания / Г.В. Хомелев, Т.Н. Шутова // Вопросы теории и практики. – 2017. – № 5 (79). – С. 190–193.

221. Хорошева, А.Е. Криминалистические проблемы исследования и оценки заключения молекулярно-генетической экспертизы в судебном разбирательстве уголовных дел / А.Е. Хорошева // Российский следователь. – 2017. – № 7. – С. 11–14.

222. Чередниченко, Е.Е. Принципы уголовного законодательства: понятие, система, проблемы законодательной регламентации / Е.Е. Чередниченко. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 192 с.

223. Шейфер, С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования / С.А. Шейфер / 2-е изд. – М.: Норма, 2014. – 239 с.

224. Шляхов, А.Р. Судебная экспертиза: организация и проведение / А.Р. Шляхов. – М.: Юридическая литература, 1979. – 191 с.

225. Эйсман, А.А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование) / А.А. Эйсман. – М.: Юрид. лит., 1967. – 152 с.

226. Юм, Д. Сочинения в 2-х томах / Д. Юм. – М.: Мысль, 1996. – Т. 1. – 735 с.

227. Юридический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 528 с.

228. Явич, Л.С. Общая теория права / Л.С. Явич. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. – 287 с.

Диссертации и авторефераты

229. Аминев, Ф.Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Специальность 12.00.12 / Фарит Гизарович Аминев. – Ростов-на-Дону, 2017. – 52 с.

230. Гришина, Е.П. Достоверность доказательств и способы ее обеспечения в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.09 / Екатерина Павловна Гришина – М., 1996. – 213 с.

231. Кузьмин, С.А. Организационно-правовое обеспечение менеджмента качества судебно-экспертной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Специальность 12.00.12 / Сергей Анатольевич Кузьмин. – М., 2016. – 240 с.

232. Немира, С. В. Достоверность заключения эксперта в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: Специальность 12.00.09 / Сергей Васильевич Немира. – Краснодар, 2016. – 208 с.

233. Педенчук, А.К. Заключение судебного эксперта: логика, истинность, достоверность: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Специальность 12.00.09 / Адольф Корнеевич Педенчук. – М., 1995. – 48 с.

Иностранные источники

234. Cutler, B.L. Expert Testimony on Interrogation and False Confession / B.L. Cutler, K.A. Findley, D. Loney // UMKC Law Review. – 2014. – Vol. 82. – No 3. (Univ. of Wisconsin. Legal Studies Research Paper. No 1256). – P. 589–622.

235. Garrett, B.L. Judging Innocence / B.L. Garrett // Columbia Law Review. – 2008. – No 108. – P. 55–142.

236. Henkel, L.A. Jurors' Reactions to Recanted Confessions: Do the Defendant's Personal and Dispositional Characteristics Play a Role / L.A. Henkel // Psychology, Crime & Law. – 2016. – № 14. – Vol. 14. – Issue 6. – P. 565–578.

237. Jost, J.T. Political conservatism as motivated social cognition / J.T. Jost, J. Glaser, A.W. Kruglanski // *Psychological Bulletin*. – 2003. – № 129. – P. 339–375.

238. Kahan, D.M. Ideology, Motivated Reasoning, and Cognitive Reflection // *Judgment and Decision Making*. – 2013. – № 8. – P. 407–424.

239. Kassin, S.M. Coerced Confessions and the Jury: An Experimental Test of the «Harmless Error» Rule / S.M. Kassin, H. Sukel // *Law & Human Behavior*. – 1997. – № 21. – P. 27-46

240. Loewenstein, G.F. Risk as feelings / G.F. Loewenstein, E.U. Weber // *Psychological Bulletin*. – 2001. – № 127. – P. 267–287.

241. Mnookin, J. Idealizing Science and Demonizing Experts: An Intellectual History of Expert Evidence / J. Mnookin // *Villanova Law Review*. – 2007. – Vol. 52. – № 101. – P. 101–136.

242. Redlich, A.D. Perceptions of Children During a Police Interview: A Comparison of Suspects and Alleged Victims / A.D. Redlich, S. Ghetti, J.A. Quas // *J. Applied Soc. Psych.* – 2008. – No 38. – P. 705–735.

243. Shenhav, A. Divine intuition: Cognitive style influences belief in God / A. Shenhav, D.G. Rand, J.D. Greene // *Journal of Experimental Psychology: General*. – 2012. – № 141. – P. 423–428.

244. Sherman, D. K. Accepting threatening information: Self-affirmation and the reduction of defensive biases / D.K. Sherman, G.L. Cohen // *Current Directions in Psychological Science*. – 2002. – № 11. – P. 119–123.

245. Stanovich, K. E. Individual differences in reasoning: Implications for the rationality debate? K.E. Stanovich, R.F. West // *Behavioral and Brain Sciences*. – 2000. – № 23. – P. 645–665.